

ФЭННИ
ФЛЭГГ
О ЧЕМ ВЕСЬ
ГОРОД
ГОВОРИТ

Annotation

Элмвуд-Спрингс, что в штате Миссури, – маленький городок, похожий на сотни крошечных американских городков. Но у него есть две особенности. Во-первых, его придумала Фэнни Флэгг, и это целая вселенная персонажей, раскиданных по разным романам писательницы, ставшим уже литературной классикой. А во-вторых, при городке есть кладбище, на котором происходит нечто странное и удивительное...

В 1889 году молодой швед, перебравшийся в Америку, заложил первую ферму, через пару десятков лет вокруг его дома разрослась деревушка с милыми и работающими жителями. С годами деревушка превратилась в городок. Элмвуд-Спрингс рос, хорошел, в нем рождались и умирали люди, и у каждого была своя особенная история.

Великолепная рассказчица Фэнни Флэгг сотворила целый мир, населенный обычными людьми, но столь уютный и обаятельный, что каждому читающему ее книги рано или поздно начинает хотеться перебраться в него. Новый роман можно назвать путеводителем по творчеству Фэнни Флэгг, в нем собрались герои многих ее книг – от «Жареных зеленых помидоров» до «На бензоколонке только девушки». Это подарок для всех, кто согласен с сентенцией Фэнни: «Жизнь – это дар, а любовь бессмертна».

-
- [Фэнни Флэгг](#)
 -
 -
 - [Что ведает ворона](#)
 - [Пролог](#)
 - [Ну, стало быть, начинаем...](#)
 - [Лордор Нордстрём](#)
 - [Любовь и женитьба](#)
 - [Шведка](#)
 - [Вердикт](#)
 - [Катрина Олсен](#)
 - [Спрингфилд, Миссури](#)
 - [Мужчина в котелке](#)
 - [Миссури](#)
 - [Чикагская кутерьма](#)

- [Миссури](#)
- [Приключение](#)
- [Девушка на перроне](#)
- [Благотворительная распродажа](#)
- [Миссури](#)
- [Дочернее обещание](#)
- [1891](#)
- [Чикаго](#)
- [Соседи](#)
- [1900-е](#)
 - [Городок](#)
 - [Мисс Люсиль Бимер](#)
 - [Чикаго](#)
 - [Соседский мальчик](#)
 - [Телеграмма](#)
 - [Разыгралась весна, и с нею фантазия юноши](#)
 - [Увидимся на ярмарке](#)
 - [Чего не увидишь глазом](#)
 - [Элмвуд-Спрингс, Миссури](#)
 - [Чикаго](#)
 - [Это ты?](#)
 - [В перчаточном отделе](#)
 - [Четвертое июля](#)
 - [Чикаго](#)
 - [Орегон](#)
 - [Печальные дни](#)
 - [Перемена адреса](#)
 - [Жизнь продолжается](#)
 - [Воссоединение](#)
 - [Нэнси Нотт](#)
 - [Любовный фронт](#)
 - [Еще больше добрых друзей](#)
- [Двадцатые](#)
 - [Элмвуд-Спрингс смотрит вверх](#)
 - [Обувной отдел](#)
 - [Ингрид Нордстрём](#)
 - [Забавы на «Тихих лугах»](#)
 - [Свадьба](#)
 - [Белая коробочка](#)

- [Без миссис Нотт](#)
- [Тридцатые](#)
 - [Танцующие коровы](#)
 - [Нежданные гости](#)
 - [Дела идут в гору](#)
 - [Решение проблемы](#)
 - [Ловушка](#)
 - [Сон Элнер](#)
 - [Все оно как свинка, коли нет в нем свинга](#)
- [Сороковые](#)
 - [Добрые вести](#)
 - [Новый год](#)
 - [Сан-Франциско, Калифорния](#)
 - [Сан-Франциско](#)
 - [Война](#)
 - [Победное письмо](#)
 - [Иводзима, Япония](#)
 - [Элмвуд-Спрингс](#)
 - [Сан-Франциско, Калифорния](#)
 - [Вот и свиделись](#)
 - [Мальшка](#)
 - [Август 1945-го](#)
 - [Добрые вести](#)
 - [Девочка!](#)
 - [Клиника Мейо](#)
 - [Новость – все, что пригодно к публикации](#)
 - [День поминовения](#)
 - [Ухажер](#)
- [Сказочные пятидесятые](#)
 - [Особый день](#)
 - [Счастливое время](#)
 - [Бедная Тотт](#)
 - [Лестер Шингл](#)
 - [Поездка на ферму](#)
 - [Прибытие обувщика](#)
 - [Пора отпустить](#)
 - [С возвращением, Гарри!](#)
 - [Приведи ребенка на свою работу](#)
 - [Выборы](#)

- [Это ты?](#)
- [Наверстывание](#)
- [Шестидесятые](#)
 - [Идем дальше](#)
 - [Расставание с домом](#)
 - [Привет, Кутер](#)
 - [Особый мальчик](#)
 - [Молодой человек](#)
 - [Золушка и ее прекрасный принц](#)
 - [Ну ты горазд врать](#)
- [Семидесятые](#)
 - [Вьетнам](#)
 - [Ида Дженкинс](#)
 - [Элнер перебирается в город](#)
 - [Годовщина](#)
 - [Бостон, Массачусетс](#)
 - [День матери](#)
 - [Последняя распродажа](#)
 - [Еще одна годовщина](#)
 - [Спасайтесь!](#)
 - [Андера что-то беспокоит](#)
 - [Визит](#)
 - [Она переживет](#)
- [Восьмидесятые](#)
 - [Невыразимо крутые](#)
 - [Тайные мечты](#)
 - [Сбывшаяся мечта](#)
 - [Октябрь](#)
 - [Оба-на!](#)
 - [Парад](#)
 - [Плохая карма, или Две золотые цепочки](#)
 - [Старость не радость](#)
 - [Особая ранняя пташка](#)
- [Девяностые](#)
 - [Новые перемены](#)
 - [Маленькая мисс Дэвенпорт](#)
 - [Закатный клуб](#)
 - [Молочник](#)
 - [Сердце вдребезги разбито](#)

- Новое тысячелетие

- Элнер перебирается
- Малыш
- Вербена неудачно зашла в туалет
- Все новости, пригодные к публикации
- Грустное Рождество
- Здорово, соседка
- С днем рождения
- Привет, Тотт!
- Шривпорт, Луизиана
- Попугайная голова
- Женщина-лайнер
- Норма на волосок от гибели
- Что произошло
- Неужели ты меня слышишь?
- Дело закрыто
- Рыжеволосая
- Подслушанное за ужином
- Маленькая мисс Дэвенпорт рассказывает все
- Афера
- Очередной визит Дуэйна Младшего
- Норма стареет
- Переписка за рулем
- Нежданные гости
- Норма
- Следующая остановка – Ки-Уэст
- Пирог
- Дуэйн Младший
- Сигнал
- Козья ферма на отшибе
- Кто это сделал?
- Мэкки тревожится
- Привет, Мэкки!
- Дело к концу

- Эпилог

- notes

- 1
- 2
- 3

- [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Фэнни Флэгг

О чем весь город говорит

© Александр Сафронов, перевод, 2017

© «Фантом Пресс», оформление издание, 2017

* * *

Клуни Браун, которая уладит что угодно

Что ведает ворона

В городах и деревнях они просыпаются спозаранку, им не терпится поскорее заняться своим важным делом. Они собираются парами-тройками или в стаи. День напролет кружат в вышине или летают над самой землей, окликая хлопотливых людей. С деревьев, крыш и проводов вороны взывают:

Сейчас! Сейчас! Живите сейчас!

Бедняги. Им-то кажется, они говорят, а люди слышат одно:

Кар-р! Кар-р! Кар-р!

Пролог

Что вам сказать об этом городке? Окажись вы там проездом, вы, наверное, сочли бы его обычным заштатным городишкой, но это не так. Я в нем родился и вырос и потому-то уж знаю, о чем говорю. Городок, конечно, небогатый, но все мы держались друг дружки. И, прознав, что случилось с Ханной Мари, все до единого опечалились. И все это обсуждали. Каждый клялся что-нибудь сделать. Но даже в самом безумном сне нам не могло привидеться, кто именно этим займется. И главное, каким способом. Но ежели рассказывать дальше, испортишь сюрприз. А кто не любит приятные сюрпризы? Уж я-то люблю определенно.

Друг

Ну, стало быть, начинаем...

Лордор Нордстрём

1889

Миссури, США

В двадцать восемь лет Лордор Нордстрём покинул родную Швецию, надумав прикупить земли в Америке. А вскоре, проезжая по югу Миссури, он увидел необъятные плодородные уголья, изобиловавшие ручьями, что в самый раз для молочной фермы. Он расчистил участок под хозяйство, через шведско-американские газеты кинул клич, приглашая молодых фермеров основать новое поселение, и вскоре кое-кто прибыл вместе с родичами и домашней скотиной. К 1880 году возникла небольшая сельская община, которую в округе прозвали Шведбургом, хотя в ней проживали два немца и один норвежец (больше смахивавший на финна).

Нынче Лордор Нордстрём стоял на вершине невысокого холма и оглядывал неохватную ширь зеленых лугов с белыми крапинами фермерских домов. Ах, какая тишь и покой – лишь птичье пение да отдаленный перезвон коровьих колокольцев. Куда ни глянь, все радует глаз. Прямо то, что нужно.

Эту землю, думал Лордор, он назовет «Тихие луга» и преподнесет в дар общине. Спускаясь с холма, он был чрезвычайно доволен собой. Как первый поселенец, Лордор чувствовал большую ответственность за тех, кто придет после него. И вот только что он нашел идеальное место для их последнего упокоения в будущем.

За несколько дней Лордор и все местные мужчины расчистили землю на холме, а затем вчерне разметили могильные ряды. Каждый участок получил номер и регистрацию, во избежание недоразумений, на шведском и английском. На входе возвели красивую деревянную арку, украшенную цветочной резьбой и надписью КЛАДБИЩЕ ТИХИЕ ЛУГА, ОСНОВАНО В 1889.

Покончив с планировкой, Лордор созвал собрание жителей, на котором объявил: все они, первые поселенцы, получают участки безвозмездно, что, на его взгляд, только справедливо – мол, по заступке и спасибо. А вот новенькие будут платить по пятьдесят центов за могилу.

В ближайшее воскресенье все семейства уселись в повозки и

отправились на холм застолбить участки. Некоторые, вроде Свенсенов, нацеленных расплодиться в большую семью, застолбили целый ряд, могил на двадцать, обеспечивая пристанищем ныне живущих и еще не родившихся.

Бёрди Свенсен прям не нарадовалась на свой участок. Женщина музыкальная, она оценила птичий щебет и далекое звяканье колокольцев. И обзор пришелся ей по сердцу.

– Ты глянь, Ларс, – сказала она мужу, – отсюда видать нашу ферму и ветряную мельницу. Вот уж детям будет приятно нас навещать.

Мистер и миссис Генри Нотт пожелали участок с видом на кукурузные поля.

Места на холме было вдоволь, никто не призывал тесниться, но люди – рабы привычки. Все жались к соседям, с которыми обитали внизу: Лордор занял участок в центре под раскидистым дубом, остальные расположились вокруг него. То бишь все, кроме старика Юстуса Хендерсена, который отошел в сторонку и свой колышек вбил на склоне. Про него говорили, что мулы ему милее людей, а он не спорил:

– Мулы неказисты, зато при встрече не заболтают тебя насмерть.

Когда каждый выбрал себе участок, устроили пикник. Уже поспела черника, женщины напекли пирогов. Мистер Линдквист играл на скрипке, миссис Нотт – на гармонике. Славный выдался денек.

Тогда, конечно, никто знать не знал о странных и загадочных событиях, которые произойдут на холме. Даже если б кто о них сказал, ему бы в жизнь не поверили.

Любовь и женитьба

Видимо, подготовка места для блаженного успения и расчет, сколько участков зарезервировать за собой, и породили в Лордоре мысли о собственном будущем. Тридцати семи лет, мужчина в самом соку, он все еще числился в местной армии фермеров-одиночек. Нет, он не был убежденным холостяком. Просто все его время уходило на попытку превратить ничто в нечто. Пять замужних соседей были готовы хоть сейчас подыскать ему славную женщину и помочь обустроить семейный очаг, однако выбор жены – дело весьма непростое.

Сама-то идея Лордору нравилась. Несколько лет назад он, поддавшись на уговоры, решил с кем-нибудь познакомиться. Той весной он постригся у настоящего цирюльника, приобрел новехонькие башмаки из каталога и отправился в шведскую общину, что аж в канзасском Линдсборге. Но оказалось, всех славных женщин там уже разобрали. Так что домой Лордор вернулся несолоно хлебавши, если не считать новых башмаков и красивой стрижки.

В Шведбурге и впрямь ощущалась острая нехватка женщин. Даже кадрили, представьте, толком не спляшешь. На танцах мужчины по очереди повязывали руку белым платком – в знак, что сейчас они исполняют роль партнерши. Вот так поддержишься за корявую, мозолистую фермерскую лапу и реальная женщина предстанет существом изящнее, мягче и прекраснее, нежели на самом деле. Вдобавок из-за женского дефицита поселок терял хороших работников.

– Если миссис Нотт покажется тебе милашкой, значит, пора сматываться, – сказал один молодой фермер, отплясав с Нэнси Нотт, пяти футов росту и трех в обхвате. И смотался.

Если уж отважиться на вторую попытку найти славную женщину, прикинул Лордор, то сейчас самое время. Он заключил новый контракт на поставку молока и сыра железнодорожным рабочим, его финансовые перспективы вполне позволяли обеспечить жену всем необходимым. И потом, ему было одиноко. Хотелось с кем-нибудь делить только что отстроенный дом. Однако надлежащее ухаживанье за дамой отняло бы уйму времени, которого не имелось. Подсобников было мало, а молочная ферма требовала неустанного пригляда.

После очередной артельной постройки фермерского дома все уселись

за длинный деревянный стол и Лордор поведал свои думы соседям.

– Слушай, Лордор, а чего ты не обратишься в эту контору... как ее... «невеста – почтой»? – с другого конца стола крикнул низенький кривоногий Генри Нотт, разводивший свиней. – Так ты получишь, чего тебе надо, без отрыва от работы.

Все женщины мгновенно всполошились.

– Ох, Лордор, это самое то! – воскликнула миссис Эгстрём.

Лордор скептически скривился, а миссис Линдквист замахала ложкой:

– Знаю, знаю, о чем ты думаешь, но в том ничего зазорного! В других краях так поступают многие, наверняка где-то полно славных шведок, которые мечтают о замужестве.

– Все верно, – подхватила Бёрди Свенсен, положив очередной кусок жареной курицы на тарелку Лордора. – И если девушка заинтересуется, она пришлет свое фото. Мы тут ее разглядим хорошенько и поможем тебе с решением.

Лордор колебался. Перед женщинами он робел, и мысль о женитьбе на абсолютной незнакомке его слегка пугала. Последней каплей стал довод миссис Нотт:

– Ты ведь не молодеешь, Лордор. Решайся!

Что ж, подумал он, попытка не пытка. И вот через неделю в чикагской шведско-американской газете появилось маленькое объявление:

ШВЕД, 37 ЛЕТ ОТ РОДУ
ИЩЕТ ШВЕДКУ ДЛЯ СОЗДАНИЯ СЕМЬИ.
ЕСТЬ ДОМ И КОРОВЫ.
ЛОРДОР НОРДСТРЁМ.
ШВЕДБУРГ, МИССУРИ.

Шведка

1889

Чикаго

Катрина Олсен, всего пять лет назад покинувшая Швецию, служила домработницей в большом чикагском семействе. Утром помогая прибираться в кухне, она заметила газетное обращение Лордора. Катрина аккуратно оторвала объявление и спрятала в карман фартука. Вечером она показала заметку Анне Ли, подруге и напарнице, с которой делила мансарду.

– Как думаешь, ответить?

– Ох, Катрина... – Анна Ли встревоженно разглядывала объявление. – Миссури... Мы даже не знаем, где это. Может, там дикие индейцы, а то и медведи. Может, этот Лордор Нордстрём злодей и урод.

– Понятное дело... – Катрина вздохнула. – Но я не хочу всю жизнь быть служанкой.

– Я тоже не хочу, да только между служанкой и женой старика фермера разница, по-моему, невелика. Вкалываешь до седьмого пота, и притом задарма. Нет уж, лучше поискать удачу среди городских парней.

Хорошенькая Катрина раз-другой встречалась с чикагскими приятелями Анны Ли, но парни эти были, на ее вкус, слишком уж лощены и говорливы. А вот мысль о тяжелой работе на собственной земле особо не пугала. Однако подружкины слова о медведях и диких индейцах и впрямь встревожили. На уроках английского они прочли все популярные американские книжки, вроде «Охотницы Бесс» и «Горной Кейт», которые повествовали об уйме смертельных опасностей, подстерегающих женщин в диких краях.

Но чем больше Катрина думала о заметке, тем сильнее она притягивала. Девушка понимала, что поездка в Миссури – весьма рискованная затея. Можно стать добычей пумы или кого похуже. Однако в объявлении сказано, что у мужчины этого есть дом. Покидая родину, Катрина дала кое-какие обещания и очень хотела их выполнить. Пожалуй, стоило рискнуть, но ведь она так долго раздумывала, что мистер Нордстрём наверняка уже кого-нибудь себе подыскал. Ладно, решила

Катрина, отписать нетрудно, а там посмотрим.

Уважаемый сэр,

По вашему объявлению пишет вам шведка, двадцати четырех лет, лютеранской веры, умеющая стряпать, шить и садовничать. Прилагаю свою фотографию. Если вы серьезны в намерениях и еще свободны, пришлите, пожалуйста, ваше фото.

Искренне, Катрина Олсен.

Прошло уже много времени, однако на объявление Лордора Нордстрёма никто не откликался. Его заметили многие чикагские шведки, но большинство из них думали, как Анна Ли: не для того они расстались со шведской фермой, чтобы запрячься в американскую. Лордор уже почти распрощался с надеждой, когда пришел ответ от мисс Олсен.

Вердикт

Получив фотографию мисс Олсен, Лордор в тот же день, как условились, показал ее поселковым женщинам. По такому случаю все они собрались в кухне миссис Нотт. Лордор отдал фото и получил приказ ожидать на улице, дабы не мешать свободному обмену мнениями.

Он прошел к амбару, где уже топтался мистер Нотт, тоже выдворенный из кухни, и закурил. Едва он успел досмолить сигарку, как кухонная дверь распахнулась.

– Лордор, заходи! – крикнула миссис Нотт. – А ты, Генри, стой где стоишь. Скоро буду тебя кормить.

Мистер Нотт кивнул. Он рассчитывал, что нынче отведаст колбасок с жареной картошкой. Пусть жена его не вышла наружностью, она берет тушеной кислой капустой, шницелем по-венски, огненным мясом в горшочке, лапшой в подливке и яблочными оладьями.

Лордор медленно взошел на крыльцо, готовясь выслушать вердикт. Сдернул шляпу и шагнул в дом. Ему велели сесть, пять женщин его разглядывали. От напряжения Лордор уже слегка взмок, но тут заговорила Бёрди Свенсен, самая деликатная из этой пятерки.

– Вот что, Лордор, – сказала она. – Смазливая девица сумеет одурачить мужчину, однако женщину ей не провести. Да, девушка эта миленькая, но тебе требуется жена доброго нрава.

Лордор прокашлялся:

– Пожалуй, что так.

– Ты уж поверь. И вот, после тщательного изучения, мы единодушно решили: девушка хорошего нрава. (Все женщины закивали.) И мы считаем, ты должен сейчас же ей написать, пока кто-нибудь ее не захапал.

– И потом, она лютеранка, – вклинилась миссис Линдквист. – Чего тебе еще?

Лордор ужасно обрадовался такому решению. Женское мнение было очень важно, но в данном случае он не особо нуждался в подсказке. Девушка на фотографии его просто оглушила. Бесспорная шведка: светлые волосы заплетены в косы и уложены вокруг головы, высокий воротничок белой блузки сколот брошкой. Очень красивая девушка. Однако нечто иное сразу приковало его внимание. Выражение глаз, по которому эмигранты тотчас распознавали друг друга. Казалось, взгляд ее, полный надежды и решимости, устремлен не в объектив, а в будущее. Лордор так долго

разглядывал девушку, что лицо ее возникло перед глазами, когда он смежил веки, отходя ко сну. Наверное, это что-нибудь да значило, однако он не позволил фантазии разгуляться. Перво-наперво надо сфотографироваться, чтобы девушка получила возможность хорошенько его рассмотреть.

О господи. Одна мысль, что его будут разглядывать, приводила в содрогание. Теперь он понял, что чувствовал давеча купленный бедняга конь, у которого Лордор, прежде чем выложить деньги, осмотрел все места и пересчитал зубы. Завтра он даст ему лишку сена. Как извинение.

Катрина Олсен

Ноябрь, 1865

Викен, Швеция

Ребенок появился на свет сильно до срока. Ингрид Олсен разродилась на берегу озера, рядом с картофельным полем, на котором работала. Хорошо знакомая с весом картошки, она прикинула, что новорожденная девочка тянет не больше чем на пять фунтов. Подруга помогла ей завернуть младенца в кусок рогожи.

Ингрид, потерявшая уже двух деток, решила, что если каким-то чудом ребеночек выживет, она назовет его Катриной. Однако надежды было мало: наступала зима, а еды кот наплакал и нечем протопить дом.

Она взглянула на сморщенное личико пятифунтовой голубоглазой жизни и заплакала об ее будущем.

В 1865-м Швеция четко разделялась на классы без всяких промежуточных позиций. Если ты не имел собственной земли, ты батрачил на землевладельца и мог забыть об ином будущем для себя и своих детей.

Но кое-что случилось. Под названием Америка. Мир получил надежду. И место, где усердный труд давал хотя бы шанс на лучшую жизнь. Но в тот момент дочке Ингрид было сорок две минуты от роду и она уже проголодалась.

Катрина выжила, однако росла слабенькой и хилой. В семь лет она переболела корью, отчего на время ослепла. За несколько лет зрение постепенно вернулось, но уже не таким острым. После смерти отца Катрина сидела дома, нянчилась с младшими, братом и сестрой, а мать батрачила на полях.

Когда Катрина подросла, она стала помогать матери в стряпне и выпечке. До замужества Ингрид служила пирожницей в зажиточных домах. Но это было до того, как она влюбилась в фермера-арендатора.

К счастью, Ингрид не растеряла кулинарных навыков. Позже, когда у нее уже не осталось сил работать на картофельных полях, она продавала свою выпечку хозяевам фермы, выполняя их праздничные заказы. Но денег всегда не хватало. Часто спать ложились голодными. Оставалась

единственная надежда, что кто-нибудь из них доберется до Америки и найдет работу. Конечно, следовало поехать братишке Олафу, да он был еще слишком мал. Катрина не хотела расставаться с домом, но понимала, что выбора нет.

В день отъезда она старалась не заплакать. Чтобы перед мамой выглядеть сильной. Они пешком дошли до города и стали ждать дилижанс, который отвезет Катрину к поезду в немецкий Бремен, откуда пароходом она доберется до Ливерпуля и сядет на огромный корабль, отплывающий в Америку.

Когда дилижанс подъехал, Ингрид что-то достала из фартучного кармана и тихонько сунула дочери в руку. Катрина увидела белый носовой платок, вышитый красными и синими цветочками, – подарок богатой горожанки, у которой когда-то служила мать.

– Зачем, мама? Ты же так его любишь...

Ингрид покивала и на прощанье обняла дочь.

Морское путешествие чуть не угробило Катрину. Деньги на еду кончились быстро, и к тому времени, когда корабль зашел в нью-йоркскую гавань, она так ослабела, что едва держалась на ногах.

На миграционном контроле пограничник подметил ее состояние и чуть было не завернул обратно в Швецию, но понял, что девушка эта изо всех сил пытается выглядеть здоровой и крепкой. Человек жесткий, он привык ежедневно отказывать людям, однако и ему не хватило духу противостоять этим сверкающим глазам. Пограничник ее пропустил.

В Чикаго Катрина тотчас нашла работу. В то время был большой спрос на шведских служанок. Они славились чистоплотностью, порядочностью и способностью освоить английский. В зарождавшемся высшем свете Чикаго считалось престижным иметь в услужении шведку. В красивом четырехэтажном особняке на Линкольн-парк, куда устроилась Катрина, было пять служанок.

Четыре месяца спустя Ингрид получила письмо и наконец-то смогла уснуть спокойно.

Милая моя мамочка,

Вот я и за морем. Я в Америке. Работаю в городе Чикаго. Днем тружусь, а вечерами мы с моей подругой Анной учим английский. Хозяйка меня хвалит за успехи в языке. Посылаю деньги и надеюсь, вам будет полегче. На всякую ерунду я не транжирю. Мамочка, я так по тебе скучаю. Сплю с твоим платочком. Вспоминаю, как ты помахала мне на прощанье.

Поцелуй от меня маленьких,

Катрина.

Спрингфилд, Миссури

Бедняга Лордор. Фотография, ради которой он специально съездил в Спрингфилд, его, мягко сказать, ошарашила. Во время бритья он особо не приглядывался к своему отражению в зеркале. А сейчас вот уставился на фотографию и застонал.

– Ну и уши, боже ты мой!

Зачем он позволил миссис Нотт обстричь его под горшок? Надо было пойти к цирюльнику. Щелкая ножницами, колченогая Нэнси Нотт обходила его вперевалку и постригла неровно. И вообще вид огорчительный. Он-то думал, что выглядит уже таким американцем, а с фотографии смотрел здоровенный костлявый швед, только что с корабля. Не спасал даже одолженный наряд – ни дать ни взять крестьянин от сохи. Не хватает только соломинки в зубах. Лордор поставил свой снимок рядом с фотографией мисс Олсен. Нет, ни черта не выйдет. Вон какая она изящная и благородная.

Лордор не страдал тщеславием, но ставки были слишком высоки. Может, тушью слегка замазать уши, чтоб не так сильно торчали? Но это будет нечестно, нельзя обманывать такую милую девушку. Наверное, придется послать как есть – с ушами и прочим. Лордор все оттягивал с отправкой письма, хотя женщины каждый день его понукали. Наконец они прислали Генри Нотта, назначив его на роль почтальона.

– Ты уж извини, Лордор, – сказал он. – Нэнси велела забрать письмо, а то, мол, они сами этим займутся.

С крыльца Лордор смотрел вслед соседу, и ему вдруг стало очень грустно. Он знал, что больше никогда не услышит о мисс Олсен. Он не давал надеждам разгуляться, но невольно возмечтал о той, кого мог бы баловать, ради кого работать и к кому вечерами возвращаться домой. Но все это несбыточные грезы. Мисс Олсен глянет на фото и подивится наглости мужлана, набивающегося к ней в мужья.

Мужчина в котелке

Когда пришло письмо от Лордора, Катрина опрометью выскочила из столовой, где накрывала обед, и взбежала к себе в комнату. Поспешно вскрыла конверт и посмотрела фотографию. Рослый светловолосый мужчина застыл в неестественной позе, подсказанной фотографом. Неулыбчивый, ясные голубые глаза смотрят прямо в объектив. Катрина отметила его очень чистые руки. Это понравилось. В ее крестьянской семье у всех были руки с вьевшейся грязью.

Дорогая мисс Олсен,

Ваше письмо и фотография взбудоражили нашу маленькую общину. По мне, вы прямо ангел, а те, кто видел ваш снимок, говорят, что вы слишком хороши для простого хозяина молочной фермы. Наверное, так оно и есть. Однако я посылаю вам свое фото и – на случай, если произойдет чудо и моя рожка вас не отпугнет, – прилагаю несколько слов обо мне. Я не мастер себя характеризовать, но вот друзья мои захотели сделать это вместо меня.

Искренне ваш, Лордор Нордстрём.

Катрина прочла три вложенных письма:

Дорогая мисс Олсен,

Я подтверждаю, что на фотографии тот самый Лордор Нордстрём, от кого вам письмо. Вот так он сейчас и выглядит. Мы с мужем давно с ним знакомы. В Швеции знали его родных. Он хороший человек, надежный и верный, и стал бы вам прекрасным мужем. По природе он застенчив, но сердце у него доброе. Приезжайте в Миссури и дайте ему шанс на семейное счастье.

От души написала миссис Свар Линдквист.

Мисс Олсен,

Лордору Нордстрёму нужна жена. У него крепкий дом с верандой, который вам понравится. Человек он набожный и очень ловко складывает цифры. У нас тут хорошо, много воды и плодородного суглинка. Мы держим свиней. Одну подарим вам на свадьбу. Лордор хороший едок, у него

все зубы целы.

Миссис Г. Нотт.

Дражайшая мисс Олсен,

Я добавляю строки к сему письму, надеясь, что вы сообразовите выбрать нашего друга Лордора Нордстрёма себе в мужья. У него прекрасная молочная ферма, что через поле от нас, но он чрезвычайно нуждается в жене и крепких сыновьях-помощниках. Мне очень понравилось ваше фото. Сразу видно, вы женщина добродетельная. И очень похожи на моих стокгольмских кузин. Муж мой прилагает карту нашего штата, чтоб вы поняли, где нас искать.

У нас в доме есть пианино. Вы играете? Если нет, я вас обучу. В нетерпеливом волнении все мы ждем вашего положительного ответа. Мисс Олсен, приезжайте и выходите за Лордора. Обещаю, вас примут сердечно и обходительно. Здесь не то что в Швеции. Мы не позволяем мужчинам править железной рукой. Все мы – свободные американки штата Миссури.

С полной искренностью, миссис Бёрди Свенсен.

Катрина снова посмотрела на фото. С виду человек добрый, но как будто не в своей тарелке. Она не знала, что спрингфилдский фотограф держал особый гардероб для потенциальных женихов, дабы те выглядели достойно и респектабельно. Но самый большой костюм оказался на два размера меньше нужного, а черный котелок уселся лишь на макушку. Лордор и впрямь был не в своей тарелке. Он дышал-то с трудом.

Миссури

Дорогая мисс Олсен,

Я ужасно рад вашему письму. Соседи говорят, мой восторженный вопль слышали за пять миль. Я лелею надежду, что ваш любезный ответ – знак, что я преодолел первый из множества ожидающих меня барьеров. Ну прямо гора с плеч – вы не сочли меня страшилищем, кому другой раз не напишешь.

Да, внешность у меня подгуляла, но вашей-то красоты достанет на двоих. Я увлеченно ознакомился со сведениями, какие вы о себе сообщили, и нахожу их в высшей степени подходящими.

Конечно, я охотно отвечаю на ваши вопросы. Я не был женат. Детей не имею, не курю, выпиваю только по праздникам. В карты не играю, но, случалось, делал ставки на метание подковы. По четвертаку, не больше. Образование у меня всего пять классов, и потому я знаю все, что можно знать о коровах, но словарный запас мой бедноват. К счастью для меня, в запасе коров вообще одно слово, и потому они не в обиде.

Я тоже считаю, что чистоплотность сродни благочестию, и люблю чистоту в доме, но, поскольку я мужчина, частенько бываю неряхой.

В основе своей я лютеранин, однако порой захаживаю в методистскую церковь. Что касемо веры, а также дальнейшего образования, я с безропотной готовностью последую указанным вами путем.

Ваш преданный слуга Лордор Нордстрём.

Любовь Катрины к чистоте импонировала. Лордор сразу подметил, что в Америке чистоплотность не в чести. Однажды, заночевав в гостинице канзасского Додж-Сити, он спросил чистое полотенце, и портье возмутился:

– До вас им пользовались двадцать пять человек, и только вы недовольны!

В последующие дни все встречные приветствовали Лордора вопросом:

– Ну что, мисс Олсен надумала?

Обмен письмами продолжался. Но, видимо, последнее письмо и подтолкнуло Катрину к решению.

Дорогая мисс Олсен,

Хочу сообщить, что в прошлом году мы с моим соседом Ларсом Свенсеном заказали четырех шведских рыжих коров, которые нынче благополучно прибыли с нашей родины. Все говорят, они просто красавицы. Я надеюсь, вы одобрите эту покупку, ибо ферма наполовину ваша. Вам нужно лишь приехать и заявить свои права на хозяйство, которым управляет неказистый фермер.

Лордор Нордстрём.

Тем вечером она сказала Анне Ли, что решилась, однако медлила дать положительный ответ в письме. Ибо кое-что о себе утаила. Анна Ли уговаривала ее сохранить это в тайне. Но, сев за письмо к Лордору, Катрина вновь спросила:

- Анна, ты вправду уверена, что не надо его извещать?
- Даже не вздумай. Я лучше разбираюсь в мужчинах. Все они мечтают об идеальной жене, и если хочешь его заполучить, сперва зааркань... а уж потом извещай.

Когда пришло письмо от Катрины, Лордор сбегал к водокачке, ополоснул лицо и руки и причесался, что делал всегда, получая ее письма. Потом на веранде уселся читать. Господи боже мой, она *приезжает*! Лордор вскочил и бросился к пожарному набату. Через минуту о новости узнали все в радиусе пяти миль. Услышав зов, Нотты привезли целую повозку домашнего немецкого пива, а мистер Линдквист, как обычно, ухватился за хороший повод сыграть на скрипке.

После застолья Бёрди Свенсен поднялась на новое кладбище – полить и подрезать четыре молоденькие ивы, которые муж Ларс посадил на их семейном участке. Все еще в праздничном настроении, Бёрди переходила от деревца к деревцу, мурлыча шведскую песенку. Она даже не подозревала, что за ней наблюдают.

Чикагская кутерьма

Апрель, 1890

В свой выходной день Катрина и Анна отправились на оживленную Стейт-стрит. Они лавировали меж конок и экипажей, туда-сюда сновавших на бешеной скорости, и Катрина, по обыкновению паниковавшая и трусившая, цепко держалась за жакетку подруги.

В первый же день ее ошеломила городская суета, весь этот шум-гам Чикаго с его широкими проспектами в кайме высоких домов, с его запахом скотобоен. Грохот колес и цоканье копыт по мостовым, не стихавшие ни днем ни ночью, жутко утомляли. А все люди куда-то спешили.

Но Анна Ли здесь себя чувствовала как рыба в воде. Она обожала всю эту будоражащую кутерьму с ее ночной жизнью, пивными садами, безалаберностью, танцзалами, театрами и круглосуточными увеселениями. Подруга уже разок выкурила сигаретку и одевалась по самой последней моде.

Нынче она силком потащила Катрину в магазин дамской одежды, чтоб выбрать ей приличный дорожный наряд.

– Может, не надо? – мямлила Катрина.

– Нет, надо! – рявкнула Анна Ли, перекрывая уличный шум. – Нельзя приехать в Миссури в облике горничной. Коровам-то, может, все равно, а вот мужчине – нет.

Кучер сзади накатившей конки громко затрезвонил в колокол, и от неожиданности Катрина чуть не подпрыгнула. Анна Ли обернулась и послала кучеру воздушный поцелуй. Пассажиры, мужчины в соломенных канотье, высунулись в окна и засвистели, а она, приподняв юбку, показала им краешек лодыжки. Вот такая она, Анна Ли.

После часа примерок в любимой галантерее Анны Катрина была экипирована с ног до головы, вплоть до наимоднейшей шляпки. Оглянуться не успели, как с упакованными обновками они уже поспешали на встречу с одним из многочисленных приятелей Анны Ли, пригласившим девушек покататься на лодке в парке развлечений.

Хоть ровесницы, Катрина и Анна отличались как день и ночь. Катрина – невысокая ладная тихоня. Анна Ли – развеселая пышногрудая хохотушка с копной светлых кудрявых волос и ярким ртом. Само собой, Катрина

обожала подругу и знала, что будет по ней ужасно скучать.

Миссури

Май, 1890

Дражайшая мисс Олсен,

Мы будем рады принять вас у себя. Наверху у нас милая спальня, светлая и просторная, там есть зеркало и комод. Заверяю, никто вас не потревожит. Детям строго-настрого наказано: ни под каким видом к вам не входить. Старшая дочка увидела вашу фотографию и просто не верит, что к нам едет такая красавица.

Мисс Олсен, вы уж простите мою дерзость, но я вот слыхала, что в Чикаго продают селедку в оловянных банках. Ежели это правда и не слишком для вас обременительно, не могли бы вы привезти нам одну баночку? Для покрытия расходов я вкладываю в конверт один доллар, полагая, что этого достанет. Теперь мы с мужем обитаем вдали от моря и очень истосковались по селедке. Если же слухи о баночной сельди – враки, истратьте, пожалуйста, этот доллар на коробочку пудры или журнал мод. Я просто извелась от нетерпения поболтать с дамой. Моя ближайшая соседка миссис Нотт очень славная, но она немка и не слишком разговорчива.

Преданная вам, миссис Бёрди Свенсен.

Приключение

Через три недели мисс Катрина Олсен со всеми своими пожитками и банкой консервированной сельди села в поезд, отходивший на юг Миссури. Одно дело – планировать поездку, и совсем другое – в нее отправиться. После всех треволнений сборов и прощаний Катрина действительно пустилась в дорогу, и вот тогда-то ее вдруг оглушило неприкрытой сутью ею затеянного. Захотелось выпрыгнуть из вагона, помчаться в Чикаго и умолять, чтоб ее взяли обратно на службу. Зачем же она уволилась? Несусветная дурь. Верно, она дала слово и очень хотела его сдержать, но ведь на вокзале ее встретит совершенно чужой человек. О чем она думала? И как ей исполнять супружеские обязанности, о которых говорила Анна Ли?

Но если она сбежит, мистер Нордстрём потребует вернуть деньги за билет? Господи, что она натворила! И почему в письме к мистеру Нордстрёму не сказала всей правды о себе?

Теперь уже слишком поздно. Сквозь вагонное окно Катрина смотрела на мрачные небеса, разразившиеся ливнем. Еще никогда ей не было так одиноко. Катрина достала мамин платок и уткнулась в него лицом. Она скучала по маме. Она скучала по Швеции.

Всю ночь Катрина плакала и ворочалась, а утром подняла оконную штору, и ее приветствовало огромное ярко-желтое солнце. День набирал силу, на пути в Миссури поезд отстукивал мили по сельским угодыям. За окном проплывали неохватные глазом поля подсолнухов и пшеницы, ряды молодой кукурузы.

Казалось, подсолнухи шлют улыбки персонально Катрине, и та, к своему удивлению, слегка приободрилась. Что ни говори, она ведь крестьянских кровей. Необъятные просторы золотистой пшеницы, кивающей под ветром, и синее небо в белых пушинках облаков ей гораздо роднее. Поезд миновал кучку крестьянских подворий, и Катрина задумалась о доме Лордора Нордстрёма. Есть ли в нем кухня? А земля под сад найдется? Можно ли будет завести кур? И если все сложится, миссис Нотт обещала свинью. Поросятки, они такая прелесть.

К вечеру Катрину охватило иное беспокойство. Вдруг она не понравится Лордору Нордстрёму и ее отправят обратно? Я думал, вы красивее, скажет он, и потом, такая замухрышка с хозяйством не справится. Теперь возвращение в Чикаго страшило не менее, чем прежде пугала

разлука с ним. Катрина себя успокаивала, вновь и вновь перечитывая два последних письма от Лордора.

Дорогая мисс Олсен,

Я рад, что вы получили билет и деньги на дорогу. Ну вот, все сговорено, а меня терзает беспокойство касаясь ваших ожиданий от меня и здешнего края. Умоляю, не ждите слишком многого, чтоб не разочароваться. Я обычный фермер, и места здесь обычные. Я пребываю в страхе, что после Чикаго я сам и моя жизнь покажутся вам невозможно скучными. Знаете, я вдруг стал вас бояться. Но, пожалуйста, уверьтесь, что, если ваши чаяния не оправдаются, я не стану вас неволить. Я приму любое ваше решение.

Что до меня, я безмерно счастлив тем, что просто увижу вас. За последнее время я прочел кучу книг, чтоб до вашего приезда маленько пообтесаться. Прошу, поторопитесь. Потому как здешние женщины тоже стараются меня обтесать. Опасаюсь, к нашей встрече меня совсем обтешут и я уже ни на что не сгожусь.

Ваш преданный слуга Лордор Нордстрём.

Р. S. Не удивляйтесь, если эти самые женщины затеют благотворительный ужин с кадрилию, дабы вас впечатлить. Меня уже замучили танцами, готовя к знаменательному событию. Поглядим, насколько я преуспел. Пожалуйста, сообщите дату и точное время вашего приезда.

Дорогая мисс Олсен,

16 июня я вас встречу и отвезу в дом Свенсенов. Чтоб вы меня узнали, я буду в шляпе с красным цветком. По настоянию миссис Генри Нотт я вкладываю в конверт обручальное кольцо ее покойной матушки. Нэнси говорит, вам следует непременно его надеть, ибо в поездах полно шабашников, разносчиков и коммивояжеров-процелыг и даме небезопасно путешествовать одной. Меня это тревожит. Если удастся, постарайтесь быть не столь красивой. По выражению миссис Свенсен, вся наша община «трепещет» в ожидании. Я шалею от мысли, что вы и впрямь едете.

Преданный вам, Лордор Нордстрём.

В письмах мистер Нордстрём выглядел твердо уверенным в своих чувствах, очень добрым и заботливым. От слов его Катрине полегчало. Вот только Лордор умолчал о том, что после отправки денег и билета он тоже среди ночи проснулся в холодном поту и подумал: «Господи, что я наделал!» Он поддался всеобщему восторгу, но теперь вдруг понял, что просит красивую девушку все бросить, приехать в совершенно незнакомые места и там жить с ним до скончания дней. Где у него голова? Мисс Олсен живет в Чикаго – большом городе, где совсем другие люди. А если он, Лордор, ей не понравится? А если Миссури покажется скверным? Она же не корова или лошадь, которую можно выписать. Она живой человек, у нее есть чувства. Ради него отважная девушка всем рискует. Еще никогда ему не было так страшно. А потом его осенило. Он слез с кровати и встал на колени. Молился он не часто, но сейчас просил о том, чтоб не случилось ошибки. Пусть бедная девушка не разочаруется и не уедет восвояси.

Девушка на перроне

Спрингфилд, Миссури

Поезд прибыл на станцию, и Катрина, щурясь от яркого утреннего солнца, оглядела длинный перрон. Вдали маячил рослый светловолосый мужчина в новом черном костюме и шляпе с красным цветком. По традиции, его сопровождали две замужние женщины, стоявшие по бокам от него. «Так невесте легче впервые встретиться с женихом», – объясняли они. По правде, их поддержка требовалась Лордору. Он боялся, что не узнает Катрину, но едва та вышла из вагона, мгновенно понял – это она. Лордор уже досконально изучил ее фотографию и все равно оказался не готов к тому, как она выглядит живьем.

У этой хрупкой девушки, ступившей на перрон, были крохотные, невиданно изящные ступни. Белым, точно фарфоровым, лицом, румянцем и голубыми глазами она походила на шведскую куклу, некогда сидевшую на комод в матушкиной спальне. До предела взбудораженные дамы кинулись к девушке, оставив Лордора топтаться в пыли. После объятий и слов о счастье лицезреть такую красавицу они оцупали материю ее модного чикагского наряда. Потом восторженно осмотрели прелестные кнопки на кожаных перчатках и очаровательное перышко на шляпке – в общем, так себя вели, словно заполучили новехонькую игрушку, только ради них и прибывшую.

Изучив Катрину с головы до пят, Бёрди Свенсен наконец-то вспомнила о Лордоре и кивнула в его сторону:

– Ну вот он, мисс Олсен, ваш, как говорится, суженый.

Лордор смущенно приосанился и поклонился, коснувшись шляпы.

– Не стой столбом, Лордор, поздоровайся! – нетерпеливо прикрикнула миссис Нотт. – Из-за тебя бедная девочка проехала пол света!

Но Лордор смог лишь снова поклониться, опять дотронувшись до шляпы.

Он доставил Катрину к Свенсенам, после чего дал ей время устроиться и отдохнуть. Четко следуя инструкциям, Лордор действовал по плану: появился лишь на следующий день и в сопровождении Бёрди Свенсен повез Катрину осматривать его дом и молочную ферму. Утро

выдалось на славу, поездка стала удовольствием. Вдали ярко зеленели холмы. Приветливо махали соседи фермеры. Возле дома Лордора Катрина углядела засаженный подсолнухами придворок, что напомнило ей поля, проплывавшие за окном поезда. Она опять приободрилась, сочтя это добрым знаком.

Коляска остановилась.

– Вот и дом, – прокашлявшись, сказал Лордор.

Все соответствовало описанию миссис Нотт: большой двухэтажный дом с верандой, сбоку красиво увитый глицинией.

– Он выглядит славно, мистер Нордстрём, – сказала Катрина.

Выбираясь из коляски, Лордор слышал стук своего сердца. Наступила долгожданная и вместе с тем пугающая минута. Вдобавок Лордор себя чувствовал обманщиком. Нынче, едва рассвело, к нему заявила Нэнси Нотт и буквально сбросила его с кровати. А потом сверху донизу отдраила дом. Лордор думал, у него и так чисто, но оказалось, что нет. После уборки Нэнси дом сверкал. Лордор воздал должное ее трудам, однако слегка обеспокоился:

– А это не жульничество?

– Ну так, небольшое, – ухмыльнулась Нэнси.

Лордор взошел на веранду и открыл дверь перед дамами. Длинный коридор, по одну сторону которого располагалась гостиная с камином, а по другую – зала, уводил в просторную кухню с черной дровяной печкой и выходу на заднее крыльцо. Поскольку весь второй этаж был отведен под спальни, Лордору велели дожидаться внизу, и дамы продолжили осмотр самостоятельно. Учитывая деликатность момента, Бёрди Свенсен лишь на секунду приоткрыла дверь хозяйской спальни, но все равно Катрина зарделась, увидев посреди комнаты двуспальную кровать под балдахином. Потом они заглянули в прочие спальни и сошли вниз.

Затем Лордор повез гостей на молочную ферму. Хозяйство – два длинных коровника из красного кирпича и три силосные ямы – весьма впечатляло. Но Катрина все еще вспоминала дом. В этом явно холостяцком, скудно обставленном жилище ей уже виделись половики, оборчатые занавеси на всех окнах и симпатичная картина над камином. Затем она погладила коров и сказала, что они очень милые. В ответ Лордор кивнул, мол, вот и хорошо, но так и не улыбнулся.

Вопреки всем переживаниям, Миссури оказался вовсе не похож на Дикий Запад, каким его представляли бульварные романы. Вообще-то все здесь напоминало Швецию. С первых минут приезда Катрина себя чувствовала хорошо и уютно. А стряпня Бёрди Свенсен и тихий перезвон

коровьих колокольцев на лугах создавали впечатление, будто и не было разлуки с родиной.

Милая моя мамочка,

Не волнуйся, доехала я благополучно. Здесь нет никаких индейцев, медведей и пум, но только коровы, козы, куры и свиньи. По твоим кондитерским рецептам я уже кое-что сготовила для семейства, меня приютившего. Как будто, говорят они, побывали дома. Я надеюсь сразить мистера Нордстрёма твоим миндальным пирожным и булочками с корицей. Всем от меня поклон.

Твоя любящая дочь Катрина.

P. S. Мама, тут столько еды, хватает всем. Если я скоплю денег, ты приедешь ко мне?

Благотворительная распродажа

Лордор предупреждал не зря: в честь Катрины на ближайшую субботу был назначен благотворительный ужин с танцами, местом проведения которого определили амбар Линдквистов. Гостью уведомили, что на таких вечерах всегда проводится аукцион. Женщины готовили ужины на двоих и укладывали их в обувные коробки, и мужчины состязались за каждый такой лот. Предложивший высшую цену получал собственно ужин, а дама, его сготовившая, становилась сотрапезницей победителя. Предполагалось, что состязатели не знают, за чью коробку идет торг, но еще в среду утром все поселковые женщины и Ларс Свенсен, лучший друг Лордора, шепнули жениху: Катринина коробка будет перевязана широкой синей лентой.

Когда начались торги и настала очередь коробки с упомянутой лентой, все взгляды обратились к Лордору.

– Ну, парни, что вы предложите за эту симпатичную коробочку? – крикнул мистер Линдквист, показав лот. – Пахнет она чертовски вкусно.

Лордор поспешно вскинул руку и дал целый четвертак, рассчитывая победить сразу, поскольку прочие коробки уходили всего за десять центов. Но вдруг все остальные мужчины стали перебивать его цену. Даже щербатый восьмилетка Виллем Эгстрём предложил полдоллара.

Лордор не знал, что соседи сговорились и решили над ним слегка подшутить. Все они уже чуть-чуть влюбились в Катрину и теперь еле сдерживали смех, глядя на взмокшего, перепуганного возможным проигрышем жениха, который все поднимал и поднимал цену.

Десять долларов шестьдесят пять центов стали последним предложением бедолаги.

– Продано Лордору Норд стрёму! – возвестил мистер Линдквист, и все вокруг покатались со смеху.

Лордор наконец понял, что произошло, и вот тогда-то Катрина впервые увидела его улыбку. Очень обаятельную. Казалось, он рад своей победе. Однако за ужином, в уголке, накрытом на двоих, почти не разговаривал. Катрина попыталась завязать беседу:

– Как вам здешний климат, мистер Нордстрём?

– Хороший. – Лордор отправил в рот добрую порцию картофельного салата.

– А те рыжие коровы, что пасутся на лугу, выписаны из Швеции?

– Да, – кивнул Лордор, налегая на салат.

И так весь вечер. Сам он ни о чем не спрашивал, и Катрина измучилась, выискивая темы. Самое огорчительное, он ничего не сказал об ее миндальном пирожном.

Потом объявили танцы, все пустились в пляс, и она невольно прыскала, глядя, как окаменелый Лордор, в котором было шесть футов два дюйма, потешно вскидывает ноги.

Но время шло, и Катрина поняла: что-то не так. Лордор был чрезвычайно предупредителен, учтив, и только. Катрина поделилась своим беспокойством с Бёрди Свенсен. Все в порядке, успокоила та, просто Лордор застенчив, но девушка чувствовала – тут еще что-то. На их совместных прогулках он как будто исполнял обязанности кавалера. Минувло уже почти три недели, а Лордор ни разу не обмолвился о «женитьбе». Катрина не знала, что и думать, – отправят ее обратно в Чикаго или попросят остаться? А уезжать теперь совсем не хотелось.

И дело не в красивом доме и молочной ферме, не в манере Лордора кланяться, касаясь шляпы, и его смешных танцевальных коленцах. Случилось нечто иное, совершенно неожиданное.

Еще на станции Катрина влюбилась с первого взгляда. Когда Лордор, загрузив ее багаж, под локоток помог ей забраться в повозку, она почувствовала, как дрожат его руки. Это ее так тронуло, что чуть не разбило ей сердце. В заботливости этого силача было что-то невероятно притягательное и милое.

Но теперь казалось, что он не отвечает ей взаимностью. Те чудесные письма как будто писал другой человек. А из этого слова не вытянешь. Чем больше Катрина говорила, тем сильнее он замыкался в себе.

Но вот однажды они поехали кататься, и тогда Катрина, страшась ответа, собралась с духом спросить:

– Мистер Норд стрём, я что-то сделала не так? Вы мною недовольны?

– Недоволен? – Большие голубые глаза Лордора распахнулись. Он натянул вожжи: – Тпру!

Повозка остановилась, Лордор повернулся к своей спутнице:

– Я очень доволен, мисс Олсен. Почему вы об этом спросили?

– Вы со мною не разговариваете. Когда мы вдвоем, вы почти все время молчите. Я не знаю, о чем вы думаете, и меня это пугает.

– Понятно. – Лордор уставился на свои руки, глубоко вздохнул, но больше ничего не сказал.

– Дело во мне? Скажите, чем я провинилась?

– Нет-нет... – Он покачал головой. – Вы ни при чем.

– А что тогда, мистер Нордстрём? Вы должны сказать. Я ехала в такую

даль.

Лордор как будто подыскивал слова, а затем выпалил:

– Я опасюсь за свою безграмотную речь. Я знал, что вы красивая, но не представлял, что вы так здорово изъясняетесь. Я молчу, чтоб вы не догадались, какой я олух. И не уехали обратно в Чикаго.

От облегчения, обрушившегося лавиной, к глазам ее подступили слезы.

– Ох, Лордор! – воскликнула Катрина, сама того не ожидая. – Что за чепуха! Я хочу, чтобы вы со мной разговаривали. И совсем не важно, как вы говорите.

– Погодите, погодите! – вскинул руки Лордор. – Это еще не все. Я и пишу с ошибками. В моих письмах к вам миссис Свенсен проверяла буквы в трудных словах.

Катрина улыбнулась и покачала головой:

– Мне все равно.

– Правда? – еще не веря, спросил Лордор.

– Правда.

– Значит, вы останетесь?

Катрина хотела ответить, но тут ее кольнуло виной. Он-то честен перед ней. Надо ему все сказать.

– Прежде чем я отвечу, Лордор, вы должны кое-что обо мне узнать. О чем я умолчала.

Он вроде как удивился:

– Что же это?

Закусив губу, Катрина раскрыла сумочку и что-то оттуда достала.

– Дело в том, что у меня неважное зрение... и лучше, если об этом вы узнаете сейчас. – Из бархатного очечника она достала очки в круглой черной оправе и, надев их, повернулась к Лордору. – Я ношу очки... Да, я знаю, они меня не красят, но без них все как в тумане.

Катрина смолкла, ожидая отклика. Лордор сморгнул, разглядывая ее.

– Нет, Катрина, вы не правы, – сказал он. – Вам очень идут очки... вы в них красивая. Мне нравится. – Лордор улыбнулся. – Очень-очень.

– Вы не огорчены?

– Ничуть. Хорошо, когда у мужчины красивая жена.

– Простите, что не сказала вам раньше, но Анна Ли...

– Катрина, скажите одно... – перебил Лордор.

– Да?

– Вы остаетесь?

– Да.

– Насовсем?

– Да, да.

Лордор улыбнулся:

– Хорошо.

Они поехали дальше, оба сияя улыбками. В тот день Катрина впервые увидела Лордора отчетливо, и он оказался еще красивее, чем она думала.

С той поры Катрина носила очки, а Лордор просто заговорил ее, рассказывая о будущем города и их собственном. Квартирюя у Свенсенов, Катрина примкнула к кружку вязания, организованному Бёрди. Она оказалась способной ученицей и вскоре сравнялась с лучшими вязальщицами.

Когда истек приличный срок в три месяца, Свенсены сопроводили жениха и невесту в большую лютеранскую церковь в Спрингфилде, где их обвенчали. По завершении обряда Бёрди всплакнула, а молодые облегченно выдохнули. После столь долгого ожидания им не терпелось очутиться дома и наконец-то начать свою новую супружескую жизнь. Однако не всегда все идет по намеченному плану.

К вечеру новобрачные вернулись домой и увидели, что во дворе сгрудились повозки, запряженные мулами и лошадьми, а окна полыхают светом. Поселковые женщины приготовили большой сюрприз – свадебный ужин, которого достало бы на целое войско. Веселье с музыкой и танцами длилось до четырех утра. Уже светало, когда ушел последний засидевшийся гость. Скрипач перебрал домашнего пива Ноттов и обеспамятел. Лордор с Ларсом оттащили его в повозку. Наконец молодые смогли приступить к таинству первой брачной ночи.

Они взошли наверх. В спальне Катрина сняла подвенечное платье и облачилась в ночную сорочку. В соседней комнате Лордор избавился от черного костюма и бархатной бабочки, которые убрал в шкаф, и надел новую ночную рубашку в синюю полоску. Перед зеркалом причесался и стал ждать приглашения Катрины. Через минуту-другую она позвала:

– Можно войти.

Лордор вышел на площадку и открыл дверь спальни. Катрина сидела в кровати, от ее красоты захватывало дух. Оба изо всех сил старались сохранить спокойствие. Но все равно волновались.

Едва Лордор забрался на толстую перину, как снизу раздался оглушительный треск, говоривший о том, что входную дверь сорвали с петель. Затем по дому протопали скорые тяжелые шаги, загрохотали

опрокинутые столы и стулья, зазвенело разбитое стекло, загремели сброшенные на пол горшки и кастрюли. Какой-то неведомый безумец громил кухню.

Готовый защитить возлюбленную от банды головорезов или кого похуже, Лордор цапнул дробовик, который держал в изголовье кровати. Несмотря на приказ запереться в спальне, Катрина нацепила очки и, вооружившись зеркальцем в серебряной оправе, следом за мужем выскочила на лестницу.

Внизу Лордор, изготовившись к стрельбе, ногой распахнул кухонную дверь. Однако глазам его предстала не шайка бандитов и даже не грабитель-одиночка. Посреди бедлама возлежала свинья по кличке Сладкая Картофелина – свадебный подарок весом в триста пятьдесят фунтов от Генри и Нэнси Нотт. Она сумела выбраться из загона, влезть на крыльцо и проникнуть в дом. Сладкая Картофелина явно не боялась людей и ружей – равнодушно глянув на молодоженов, она продолжила угощаться объедками с праздничного стола. Похоже, остатки свадебного торта особенно пришлись ей по вкусу, о чем свидетельствовало измазанное глазурью рыло.

Царил страшный кавардак. В поисках съестного Картофелина свалила все что можно. Повсюду битая посуда, сломанные стулья. Фарфоровый сервиз, белоснежные простыни, стеганные ватные одеяла и прочие замечательные свадебные подарки, в кухне выставленные напоказ, теперь вперемешку с объедками валялись на полу и несли на себе отпечатки свиных копытцев. Чтобы выдворить Картофелину из дома, спустить с крыльца и отправить в загон, ушло более получаса.

Когда свинью благополучно заточили в хлев, уже взошло солнце. После всей этой мороки новобрачные, так усердно наводившие красоту к своей первой брачной ночи, были грязные как черти. Это их так развеселило, что от смеха они не могли стоять и плюхнулись на землю. Только один успокоится, как другой опять начинал хохотать.

Вскоре эту пару в ночных сорочках, расположившуюся в палисаде и буквально умиравшую со смеху, увидел батрак Олли Бергсен, поспешавший на работу. Он ничего не сказал, посчитав это милым последствием брачной ночи.

Видимо, молодые его не заметили, потому что Лордор вдруг наклонился и поцеловал жену прямо в губы. Похоже, новобрачной это понравилось, ибо она обвила супруга руками и ответила ему горячим поцелуем. С виду все было хорошо, и даже настолько хорошо, что Олли обеспокоился, смутившись вероятным продолжением сцены.

Но человек слаб, и на входе в амбар Олли, не сдержавшись, обернулся.

Он увидел, как Лордор поднимает Катрину с земли и на руках вносит в дом. Боже милостивый! Видать, на хозяйстве Лордор появится не скоро. Уж точно, не сегодня.

Сладкая Картофелина чуть не погубила брачную ночь, но вместе с тем преподала ценный урок. Свинью сколько ни толкай и улещивай, ни пихай и упрашивай, ни пинай и умоляй, она не двинется с места. Особенно если дожирает остатки свадебного торта. И еще: супружество лучше всего начинать безудержным смехом. Особенно если хочешь зачать детей.

Миссури

1890

Дорогая Анна Ли,

Я очень часто тебя вспоминаю. Как ты? Спешу сообщить, что теперь я замужем и очень счастлива. О таком добром и ласковом муже, как Лордор, можно только мечтать. Дом наш не роскошен, но окрестности просто чудесные. Заднее крыльцо смотрит на поля пшеницы, ячменя и клевера. С веранды открывается вид на холмы, а чуть левее виднеются красные коровники молочной фермы. По утрам коровье стадо шествует на луга, в сумерках возвращается домой. Ох, Анна, если бы ты все это видела, ты бы решила, что очутилась на родине.

Своему приятелю, назвавшему меня сельской мышкой, передай, что он был прав. Здесь так спокойно. Мы с Лордором встаем на рассвете, а спать ложимся, как стемнеет. И мне это по душе.

Я очень надеюсь, моя дорогая подруга, что у тебя все хорошо. Жду подтверждений этому в твоём письме.

С любовью, Катрина.

P. S. Лордору нравятся мои очки. Чудесно, правда?

Дочернее обещание

Лордору и Катрине повезло. Сговор по переписке частенько оборачивался огорчительным подвохом. Бывало, женщина проедет пол-Европы, потом долго трясется в фургоне, а в конце пути ее встретит мужчина, у которого нет ни дома, ни земли, да и сам он совсем не тот, что на фото.

И наоборот: мужчина потратит все сбережения на выпуск молодой невесты, а через какое-то время к нему прикатит мадам, в которой весу и лет гораздо больше, нежели в красавице с фотографии.

Обе стороны рисковали, играя вслепую. Но, как ни странно, многие браки складывались, что способствовало заселению страны усердным и предприимчивым народом. Ради собственной земли, свободы и независимости люди были готовы ехать к черту на кулички и жертвовать чем угодно.

Пролетел первый совместный год Катрины и Лордора. Дом превращался в настоящее семейное гнездышко с оборчатыми шторами, половиками и картинами на стенах. Но главное, Лордор и Катрина были счастливы вместе. Она с нетерпением ждала его с работы, а ему не терпелось вернуться домой. На людях Лордор не сводил с нее глаз и притом глупо улыбался. «В жизни не видала пару, чтоб была так без ума друга от друга», – сказала про них миссис Тилдхолм.

Лордор не ошибся в Катрине. Не особо сильная физически, она была отважна и решительна. Небольшие деньги, которые она посылала в Швецию, позволяли родным не голодать. Слава богу, младший брат Олаф уже подрос для крестьянского труда. Теперь Катрина хотела переправить семью в Америку. Она обещала матери, что при малейшей возможности это сделает.

Милая моя мамочка,

Спасибо за письмо. Я очень рада, что подарки дошли вовремя. Не сомневаюсь, что на рождественском празднике наша маленькая Бригитта великолепно представила святую Люсию. Я горжусь, что на эту роль выбрали ее, так ей и передай.

Мы тоже прекрасно отметили Рождество. Все было почти как дома. Даже выпало немного снега. В зале собраний женщины во главе с миссис Эгстрём накрыли праздничный стол. Я принесла булочки-луссекаты и имбирные пряники по твоему рецепту. Вместе с друзьями Лордор отыскал очень красивый кедр, который стал нашим рождественским деревом, украшенным свечками, гирляндами и соломенными зверушками. В полночь мы зажгли свечи, на шведском спели рождественские гимны, а утром покормили птиц, так что наверняка весь следующий год нам будет сопутствовать удача.

Мамочка, я по тебе очень скучаю. Мы так далеко друг от друга. Но ты ведь знаешь, что ты и Швеция всегда в моем сердце.

Твоя любящая дочь Катрина.

P. S. Соседка Бёрди Свенсен учит меня вязать. В новом году я надеюсь прислать тебе теплый свитер.

Чикаго

Дорогая Катрина,

Спасибочки за письмо. Я уж думала, тебя съел медведь либо ты забыла свою давнюю чикагскую подругу. Теперь понятно, отчего ты не писала. Невероятно, моя подружка стала мамой! Поздравляю! Наверное, муж твой рад как мальчишка. Имя Лордор Теодор Нордстрём мне нравится. Красивое.

Все мы по тебе сильно соскучились.

На твое место взяли новую девушку – Дагмар Йенсен из Гутенберга, что по ней и видно. Целый день жует, а ночью плачет, потому что муж ей не пишет. Видела я его фотографию. Фу! Жирный увалень.

Все парни спрашивают, куда ты подевалась, а я отвечаю: теперь она женоушка старика фермера. Особых новостей нет, кроме той, что я завела себе нового дружка, ужасно пылкого. Зовут его Гектор, он билетер на ипподроме. Мы с друзьями проходим бесплатно. Он не богач, однако напорист и жуткий щеголь. Пиши мне, хорошо? И приезжай в гости, пока не превратилась в седую старуху. Ха-ха.

Анна Ли.

Соседи

В больших городах с соседями приятно поздороваться или изредка пообщаться, но в маленьких сельских поселениях Миссури их роль куда как важнее. Бывает, от них зависит твоя жизнь. И неважно, если один сосед нравится больше, а другой меньше. Все они – соседи. Учитывая, что жители Шведбурга были родом из разных стран и даже шведы – из разных лендов, они представляли собой весьма гармоничное сообщество.

Женщины-соседки нуждались друг в друге, поскольку с кем-то надо посоветоваться о готовке и воспитании детей, да и поболтать. Мужчинам болтать недосуг, но им требовалась соседская подмога. Поначалу, когда денег было маловато, друг с другом рассчитывались зерном; Лордор бесплатно снабжал детей молоком, а взрослых – маслом и сыром, в обмен получая сено и пшеницу на корм лошадям и коровам.

В 1895-м у Свенсенов сгорел амбар, и поселковые мужчины, собравшись в артель, меньше чем за неделю отстроили им новый. А на следующий год, когда Катрина свалилась в родильной горячке, Ларс Свенсен в буран отправился за лекарем, ехал всю ночь и, в общем-то, спас ей жизнь. Однако он не ждал благодарности, поскольку знал, что Лордор то же самое сделал бы для него. А для благотворительного обеда по сбору средств на строительство силосной башни Нотты пожертвовали свинью, Бёрди Свенсен отдала двадцать цыплят, миссис Линдквист нажарила пирожков. Катрина испекла хлеб и миндальное пирожное, выставила сыр и кофе. Обед удался. Жареный цыпленок Катрине понравился. А вот жаркое она не ела, поскольку его приготовили из ближайшей родственницы Сладкой Картофелины. В общине царили мир и лад, которые однажды подверглись серьезному испытанию.

В мае 1897-го в поселке появились некто мистер и миссис Элмер Мимс, которые взяли надел и у всех назанимали денег на постройку дома. Вскоре выяснилось, что мистер Мимс – пьяница и вдобавок человек редкостно низких моральных устоев. Жена ему в том не уступала. Когда Генри Нотт заглянул к ней истребовать долг, она предложила рассчитаться иным способом, чем до смерти его напугала. Путаясь в собственных ногах, бедняга стремглав кинулся домой, к миссис Нотт. Мимсы получили еще год отсрочки, но ничего не посеяли и долгов не вернули. Лордор созвал собрание.

И вот однажды вечером, когда эта пара, нежданно приглашенная к

Ноттам, за обе щеки уплетала дармовой ужин, ее дом разобрали до основания и аккуратно, досочка к досочке, гвоздик к гвоздику, вместе со всеми пожитками загрузили на подводу. Вернувшись домой, Мимсы узрели пустой участок, посреди которого стояла груженная телега. Намек они поняли, и с тех пор их больше не видели.

Происшествие не обсуждалось. Гордиться тут было нечем, но Ларс Свенсен сказал жене:

– Иногда, Бёрди, надо выковырнуть червяка из яблока.

1900-е

Новая эра

Городок

Катрина была не только хорошей женой и надежной соседкой, она еще способствовала приросту местного населения, родив сперва сына Тедди, а потом дочку, которую в честь своей матери назвала Ингрид.

По данным переписи 1890 года, в Шведбурге проживали семьдесят четыре человека. К 1900-му его население выросло больше чем в два раза.

Еще задолго до отъезда из Чикаго Катрину утомили чад и суета большого города. Она искренне любила чистый воздух и сельскую тишь. Но после рождения первенца Катрина на себе испытала все тяготы жизни вдали от лекаря и лавки с товарами, необходимыми для надлежащего домоводства.

И вот однажды она сказала:

– Лордор, нам нужен настоящий город с собственными лавками.

А ведь она права, подумал Лордор. Поселение растёт, мотаться в Спрингфилд и обратно далеко и тяжело, особенно женщинам, особенно зимой.

Вечером он сел за кухонный стол и, вооружившись карандашом и линейкой, набросал примерный план деловой части города. В тот год после сбора урожая мужчины проложили четыре аккуратные широкие улицы, по обеим сторонам которых высадили вязы, дающие хорошую тень. Потом из Чикаго выписали архитектурный каталог Лаймана-Бриджеса, в котором выбрали сборные магазины, церковь, зал собраний и дома для торговцев. Затея казалась выгодной. Лавка стоила дешевле восьми сотен, а церковь с молевыми скамьями и зал собраний на круг обходились в пять тысяч долларов. Жители сбросились на покупку и заказали доставку по железной дороге.

Через три месяца Лордор и еще несколько мужчин встретили груз в Спрингфилде, уложили на подводы и привезли домой. Когда в поселке появились церковь, лавки и все прочее, жители подумали, что неплохо бы дать новое имя их городу с иголочки.

На собрании, проходившем в новом зале, кто-то предложил назвать город Нордстрём, в честь его основателя, но Лордор возразил:

– Нет, город принадлежит всем.

Кому-то нравилось имя Новехонький, норвежцы стояли за Скрипичный город, шла горячая дискуссия по фантазиям вроде Афин,

Парижа, Гастонии и Утопии, однако Лордор настаивал на простом и честном названии и спросил:

– Зачем вводить людей в заблуждение?

После многочасовых споров остановились на названии Элмвуд-Спрингс.

– Тут уж без обману, – сказал мистер Нотт. – Вот вам вязы, а вот родники^[1]. Давайте голосовать, и я пойду ужинать.

Предложение прошло при одном воздержавшемся – Бёрди Свенсен ратовала за Париж. На том же собрании Лордора Нордстрёма единогласно избрали первым мэром, и Генри Нотт отправился домой, где его ждали лапша с подливкой и яблочные оладьи.

Новый мэр, новое имя и новые постройки подвигли жителей Элмвуд-Спрингс на следующий шаг – объявление в газетах восточных штатов:

ВНИМАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛОВ!

Приглашаем на работу разнообразных специалистов, кто не прочь перебраться в Элмвуд-Спрингс, Миссури. Лучше места не найти во всем штате. Зеленая долина с хрустальными родниками – идеальное поле деятельности для людей непревзойденной энергии и предприимчивости. Требуется лекарь, дантист и лавочник, торгующий крестьянской утварью, микстурами, готовой одеждой, шляпками и дамскими мелочами. А также лютеранский проповедник. Не слишком рьяный.

Лордор счел, что в объявлении, составленном Бёрди Свенсен, картина слегка приукрашена, однако отправил его в газету. Сгодится все, что поможет привлечь профессионалов.

По всему Западу и Среднему Западу небольшие общины, прежде именовавшиеся Маленькая Польша, Маленькая Италия, Немецкий городок, меняли свои названия на американские и надеялись вырасти в города. Элмвуд-Спрингс повезло. Года не прошло, как он обзавелся лекарем, цирюльником, при необходимости рвавшим зубы, и лютеранским проповедником Эдвином Уимсбли. По запросу, не слишком рьяным.

Мисс Люсиль Бимер

1901

Раньше все крестьянские дети обучались дома. Но вскоре городские женщины поняли, что пришла пора для кое-чего получше. Скажем, Катрина захотела, чтобы Тедди и Ингрид получили настоящее образование. Лордор, как всегда, согласился.

Через несколько месяцев в городе появилась прелестная маленькая школа из красного кирпича. А осенью из Филадельфии приехала восемнадцатилетняя учительница мисс Люсиль Бимер, чтобы преподавать в первом – восьмом классах.

Невзирая на молодость, она получила место благодаря своему особому интересу к литературе и английскому языку, что и требовалось общине. Недавние эмигранты хотели, чтобы их дети хорошо говорили и читали по-английски.

Первые годы учительства дались нелегко. Почти все учебники были на шведском, никто не знал, в какой класс отдавать ребенка. В одной комнате сидели все: и самый старший Густав Тилдхолм, восьмиклассник шестнадцати с половиной лет, и самый младший шестилетний Андер Свенсен, и остальные пятнадцать учеников самых разных возрастов – от малышей до верзил. Да уж, работа не из простых. Еще повезло, что в первый год под рукой был Густав, который на муле приедет спозаранку, наносит дров и растопит пузатую печку. Ростом за шесть футов, он утихомиривал расшумевшуюся малышню. Густав больше хлопотал по хозяйству и учился не слишком усердно, но в роли помощника был незаменим. Как все другие ученики, он обожал мисс Бимер.

Дорогие родители,

Спешу сообщить, что ваша дочь стала настоящей учительницей. Семнадцать моих учеников называют меня «мисс Бимер», и я себя чувствую совсем взрослой. Я живу в семье шведской пары, мистера и миссис Лордор Нордстрём. Он рослый и симпатичный, она невысокая, но очень миловидная и носит капор в полоску. У них двое детей – Тедди и маленькая Ингрид, милые и очень воспитанные. Мистер Нордстрём держит молочную ферму, у него много коров, кур и одна свинья, которая

мне не нравится. Я подошла к загону, и она хотела меня укусить, я чуть не сомлела! Миссис Нордстрём извинилась – мол, свинья подумала, ее чем-то угостят.

Мама, пришли, пожалуйста, мое синее платье. Я не рассчитывала, что оно понадобится, но люди здесь очень общительные, они часто устраивают танцы и вечеринки. Я слегка располнела. Миссис Нордстрём печет всякие вкусности, от которых я не в силах отказаться. Пожалуйста, пишите и рассказывайте, что у вас нового.

С любовью и нежностью, Люсиль.

Чикаго

Приветик, Катрина!

Я рада получить от тебя весточку. У тебя уже двое деток! Просто не верится! А я все еще в поиске. Тебя ждут малыши, меня – развлечения. Ты прирожденная мать, не то что я. Но все равно, детки – это чудесно.

На работе без особых новостей, вот только к Дагмар Йенсен приехал муж, и его взяли на службу. Теперь у меня своя комната – каморка на четвертом этаже, где мы прятали книжки; ничего, пока что сойдет.

Сейчас я встречаюсь с бейсболистом из «Чикагских юнцов». О, этот парень бьет без промаха. А какие вечеринки ребята закатывают! Уж точно они знают толк в веселье. Нынче я вернулась домой в четыре утра.

Как поживает хрюшка, о которой ты писала? Похоже, мы с ней родственные души. Все, убегаю. Старуха проснулась и звонит в колокольчик.

Анна Ли.

Со Сладкой Картофелиной всегда было хлопотно. Что-что, а воспитанной ее не назовешь. На попытки Катрины, Лордора и детей ее приласкать она ясно давала понять, что плевать на всех хотела. «Кормите, но не докучайте» – был ее девиз. А жрала она абсолютно все. Однажды вместе с пуговицами и прочим слопала красные кальсоны Лордора, которые сдуло с бельевого веревки, в другой раз сжевала каталог «Товары – почтой» и кожаный башмак. Вот такая вот препротивная прожорливая тварь с луженым желудком.

– Эта свинья ведет себя просто по-свински, – говорила Катрина, однако, несмотря ни на что, им с Лордором и в голову не приходило продать или заколоть Картофелину на мясо. На их взгляд, она обладала одним большим достоинством, перевешивающим все недостатки: ее абсолютное довольство собой и полное безразличие к мнению окружающих смешили до слез. Разумеется, Картофелина, будучи свиньей, не осознавала своего счастья.

Еще ей повезло в том, что она не понимала по-английски.

– Будь это моя свинья, – не раз громогласно заявляла миссис Нотт, – она бы уже нынче оказалась в котле и завтра превратилась в колбасу.

А Сладкая Картофелина знай себе хрюкала и чавкала. Говорят, она

стала единственной свиньей в Миссури, которая умерла от старости. Между прочим, Картофелина пережила миссис Нотт, но, конечно, не смогла бы оценить эту иронию судьбы.

Соседский мальчик

Смышленного рыжего Андера Свенсена, семилетнего сына Бёрди и Ларса, как будто окатили из бадьи с веснушками. Лицо и уши его были сплошь в конопушках. Но все любили его за добрый нрав и звонкий залиvistый смех.

На правах ближайшего соседа он был частым гостем в доме Нордстрёмов. Ему очень нравилась стряпня Катрины, и он явно увлекся Ингрид, которая безжалостно им командовала.

Девочка обожала подшутить над отцом. И вот как-то раз она подговорила приятеля нарядить папину любимую корову.

Когда утром Лордор пришел на дойку, его лучшая телка Сэлли красовалась в соломенном капоре и клетчатом фартуке Катрины. Лордор уловил сдавленное хихиканье, доносившееся с сеновала, и притворился чрезвычайно огорченным:

– Ох, бедняжка Сэлли! Вот узнаю, кто это сделал, да зашвырну безобразника в хлев к Сладкой Картофелине, мало ему не покажется!

Конечно, он понял, чьих рук это дело, поскольку еще раньше засек озорников, с капором и передником выскочивших из дома.

За обедом Лордор поведал о происшествии Катрине и мисс Бимер. Андер, мальчик искренний и честный, вытаращил карие глаза и мгновенно сознался:

– Это сделал я, мистер Нордстрём. Я и придумал. Зашвырните меня в хлев, если желаете.

Взрослые невольно рассмеялись.

– Что скажете, мисс Бимер? – спросил Лордор. – Он ваш ученик. Стоит отправить его к Сладкой Картофелине?

Андер в страхе смотрел на учительницу, ожидая своей участи.

– Нет, мистер Нордстрём. Виновник сказал правду, и это подкупает. Я думаю, он заслуживает снисхождения.

Андер облегченно выдохнул.

– Ой, спасибо вам, мисс Бимер. Я ужасно боюсь эту свинью.

– Я с вами согласна, мисс Бимер, – сказала Катрина. – Вообще-то за честность ему полагается добавка сладкого.

Ингрид запыхтела.

– Я тоже хочу добавки!

– Нет уж, поздно, – сказал Тедди. – Ты упустила свой шанс.

– Я хотела признаться, но ты меня опередил. – Ингрид испепелила взглядом приятеля.

Она была та еще озорница. Однажды за ужином в лоб спросила мисс Бимер:

– Этот дылда Густав, что каждый день провожает вас до дома, он ваш сударчик?

Под столом Тедди ее пнул.

– Ингрид, прекрати! – одернула Катрина. – Это бестактно.

– А что в этом плохого? Вот Андер – мой ухажер, а Тедди увивается за Эльзой Бергсен.

– Ничего подобного! – возмутился брат. – Врет она, мисс Бимер, не слушайте ее.

Мисс Бимер улыбнулась:

– А что, Эльза, по-моему, очень милая девочка.

Дочкин вопрос Катрину смутил, однако она и сама о том задумывалась. Люсиль ей очень нравилась, и ее беспокоило, что у девушки нет друзей-ровесников.

Когда после ужина они вдвоем мыли посуду, Катрина извинилась за дочь:

– Вы уж простите, Люсиль, ее нахальство.

– Пустяки, миссис Нордстрём. Просто ей любопытно.

– Скажите, а у вас есть молодой человек? Я спрашиваю лишь потому, что вы можете не стесняться и приглашать его в гости.

– У меня никого нет. – Люсиль вытерла очередную тарелку.

– Значит, очень скоро кто-нибудь появится. Вы так хорошо ладите с детьми, из вас получится прекрасная жена и мать.

– Вы думаете? Спасибо на добром слове, но я, наверное, никогда не выйду замуж.

– Почему это?

Мисс Бимер вздохнула:

– Так мне кажется.

– Не зарекайтесь. И мне так казалось, но вот – извольте.

Тут раздался пронзительный вопль «Отстань, отстань!», в кухню влетела Ингрид, следом Тедди. Опрокидывая стулья, дети носились вокруг стола.

– Мам, она стащила мою тетрадку! – вопил Тедди.

– Не ври! – проверещала Ингрид и пулей вылетела в коридор.

– Сейчас же уgomонитесь! – прикрикнула Катрина. – Не мешайте папе читать! – Она глянула на Люсиль и рассмеялась: – Пожалуй, в одиночестве

есть своя прелесть. Хотя бы тихо.

В доме Свенсенов было не тише. Уже давно Бёрди пыталась связать свитер – подарок Лидеру на день рожденья. Но ей постоянно мешали: то сынок, который вечно туда-сюда снует, то муж или батраки, которым всегда что-нибудь нужно. И оттого последнее время она, отправляясь на кладбище, брала с собой корзинку с вязаньем. Покончив с поливом и обрезкой, Бёрди спокойно вязала. Так хорошо – сидишь на природе, вокруг никого, только птички поют.

Перебирая спицами, она думала о дне, когда кто-нибудь упокоится на этом холме. Пока что бог миловал – лишь разок Катрина напугала своей родильной горячкой. А так все живы-здоровы. И относительно молоды.

И вот однажды Бёрди подметила некую странность, которую отнесла на счет своего разыгравшегося воображение. Никак иначе. Однако странное чувство, что за ней наблюдают, не проходило. И она, знаете, не ошиблась. Так оно и было.

Телеграмма

1902

В городке Элмвуд-Спрингс на смену слякотным тропкам пришли деревянные тротуары, понемногу обустроивался настоящий деловой центр. Первым открылся магазин сельхозтоваров, потом кузница, аптека, мелочная лавка и бакалея, где задешево купишь и крекеры, и сыр, и пикули.

По субботам на Центральной улице было не протолкнуться от фермерских повозок и народа: женщины покупали материю на платья, мужчины – хозяйственную утварь. На входе в аптеку ребятишки лакомились мороженым, а в глубине зала мужчины (кроме преподобного Эдвина Уимсбли) угощались стаканчиком виски. Исключительно в лечебных целях. Потом раскрасневшиеся мужчины, разогретые целительным снадобьем, усаживались на лавочку перед аптекой и рассуждали о женской болтливости. Они не понимали, отчего их жены томятся одиночеством сельской жизни и тоскуют по женскому обществу.

С соседками Катрина хорошо ладила и по четвергам охотно посещала вязальный кружок Бёрди Свенсен. Все были к ней очень добры, особенно после рождения детей. Однако она тосковала по своей матушке. Уже столько лет они не видались. Однажды, вернувшись домой, Лордор застал жену в слезах; узнав, в чем дело, он взял ее за руки и сказал:

– Напиши ей, пусть приезжает. Будем жить одной семьей.

Вскоре пришла телеграмма, извещавшая, что мать, сестра Бригитта и брат Олаф переедут в Америку. Катрина была вне себя от радости.

Не прошло и трех месяцев, как она уже выпекала хлеб для встречи родных. Перед тем было много бумажной мороки, но Лордор все устроил. Наконец-то мама поживет в доме с обогревом и водопроводом. Не терпелось ее увидеть. Из сбережений, хранившихся в кофейной банке, родным послали деньги на дорогу. Лордор не нарадовался, видя жену такой счастливой.

Но тут пришло письмо:

Дорогая доченька,

Ты уж прости, но доктор сказал, что мой дряхлый организм не перенесет поездки в Америку. Пожалуйста, не печалься. Америка – для

молодых, чьи молитвы еще не услышаны. А все мои просьбы уже исполнены. Вы, мои дети и внуки, никогда не изведаете голода. Спасибо за фото Ингрид и Тедди. Красивые детки. Малыш весь в папу. Думаю о тебе всегда.

С вечной любовью, твоя мама Ингрид Олсен.

А еще через день-другой принесли телеграмму: мама умерла.

Весть облетела городок, и все женщины пришли к Катрине. Сидели молча. Чтоб просто не оставлять ее одну.

Через полгода Катрина радовалась приезду брата и сестры, но радость эта слегка горчила, потому что с ними не было мамы. Восемнадцатилетняя Бригитта произвела фурор среди местных парней, очень скоро она вышла замуж за сына Эгстрёмов. Олаф, уже взрослый мужчина, тотчас нашел работу в бакалее и подкопил денег. С негласной помощью Лордора через год он перевез из Швеции свою молодую жену Хельгу.

Разыгралась весна, и с нею фантазия юноши

Весной 1903-го возникла непростая ситуация с мисс Бимер и ее учеником Густавом Тилдхолмом. Восьмиклассник Густав дважды намеренно оставался на второй год. И Люсиль знала – почему. На уроках он не сводил с нее больших карих глаз, полных неподдельного обожания.

Густав даже писал ей любовные письма, в которых говорил о своем неистовом желании стать ее мужем. Она сама виновата, считала Люсиль. Слишком уж зависела от его помощи. Слишком уж с ним подружилась.

Она была всего на полтора года старше Густава, но никогда не смогла бы перешагнуть через определенные этические нормы. Вдобавок Люсиль была квакершей, господи помилуй. Брак с учеником породил бы скандал. Стоило об этом лишь заикнуться.

В конце концов она разбила Густаву сердце, сообщив, что в следующем учебном году ему нельзя появляться в классе, а равно провожать ее домой. Люсиль попыталась его урезонить и объяснить, что чувства его – всего лишь юношеская влюбленность. Это пройдет, уверяла она.

– Нет, не пройдет, – ответил Густав. – Скорее я умру. Вот увидите.

Он выскочил из класса и бросился в рощицу за школой, порог которой больше не переступит. Родные его говорили, он уехал в Калифорнию, но куда именно – не знали. Люсиль часто о нем думала – вернется ли он когда-нибудь? На комодке ее стоял цветок, вырезанный из соснового капа, – подарок Густава в первый год ее учительства.

Недавно кто-то сказал, что видел его у городского озера. Наверное, человек обознался. Густав непременно зашел бы повидаться.

Меж тем Элмвуд-Спрингс разрастался. Настоящий фармацевт Роберт Смит открыл новую современную аптеку, в конторе «Вестерн Юнион» расположился кабинет настоящего дантиста. В городе проложили рельсы, и теперь трамваем можно было доехать до озера и обратно.

А в большом мире новшества, похоже, случались ежедневно. Как-то в декабре Лордор решил постричься, и тут в парикмахерскую влетел телеграфист мистер Гуднайт, раскрасневшийся и взбудораженный.

– Боже мой, ребята... только что передали по телеграфу... В Северной Каролине автомобиль поднялся в воздух! Летающее авто!

Парикмахер замер, не добрав щеку клиента.

- Что?
 - Братья Райт из Огайо построили машину с длинными крыльями по бокам. Она разгоняется, потом отрывается от земли и летит, как птица.
 - Да разве это возможно?
 - Не ведаю... так сказано в сообщении. Они изобрели какой-то мотор, способный взлетать. Не знаю, как это они умудрились. Еще сказано, в доказательство есть фотография.
 - Человек летит по воздуху в крылатой машине – так, что ли?
 - Да. Я пересказываю новость, что пришла минутой назад.
 - По-моему, тут какой-то грандиозный розыгрыш. Или ты сам выдумал?
 - Нет, все правда, клянусь. Ладно. Как-нибудь такая машина пролетит над нами, вот тогда увидите собственными глазами.
 - Слушай, Джордж, но как этакая тяжеленная штуковина может оторваться от земли?
 - А как каждый вечер всходит луна? Поди знай – как, но всходит же...
- Мне надо выпить, – сказал мистер Гуднайт. – Где тут у вас?
- Из шкафа парикмахер достал бутылку:
- Черт... если это правда, выпить надо всем.
- Слух разнесся молниеносно, на другой день все с нетерпением ожидали прибытия газеты. Когда прочли заметку о летающей машине и своими глазами увидели фотографию, Свар Линдквист задал вопрос, который в ближайшие годы будет возникать снова и снова:
- Что они там еще удумают?

Увидимся на ярмарке

1904

Сент-Луис

Хоть Лордор не получил надлежащего образования, он был человеком весьма прогрессивным, стремящимся развить себя и других. В гостинице он присел на край кровати и чрезвычайно серьезно взглянул на жену:

– Наверное, это важнейшее событие за последнее время.

Лордор говорил о Международной ярмарке, в 1904-м проходившей в Сент-Луисе, Миссури.

Как мэр, он способствовал тому, чтобы жители Элмвуд-Спрингс, кому поездка была по средствам, отправились в Сент-Луис. За тех, кто хотел побывать на ярмарке, но не мог осилить расходов, он заплатил из своего кармана. Мисс Бимер привезла учеников старших классов.

Газеты обещали, что ярмарка будет интересной и познавательной, но никто и помыслить не мог об этакой сногшибательной зрелищности. Народу съехалось со всего света. Жители Элмвуд-Спрингс просто онемели, впервые узрев огромный Электрический дворец, озаренный тысячами огней.

Лордор был прав – раньше ничего подобного никто не видел. А размах ярмарки! Один только Аграрный павильон занимал двадцать три акра. За два дня они увидели такое, что и во сне не приснится: живого китайца и эскимоса, слона, кино, младенцев в инкубаторе.

Лордор глянул на своих спящих умаявшихся детей и улыбнулся:

– Какое будущее их ожидает, Катрина! Еще сколько чудес впереди!

Поездка всех изменила. После всего увиденного народ, обитавший в своем тихом крестьянском мирке, уже не мог оставаться прежним. И всем верилось в лучшее будущее.

Вернувшись домой, на первом же городском совете Лордор заявил:

– Моя мечта – осветить наш город, навеки покончив с тьмой.

Сказано – сделано. После его многочисленных визитов в миссурийскую Энергетическую компанию озарились витрины магазинов на Центральной улице, а позже, как и было обещано, электричество

провели во все городские дома. В 1906-м появились уличные фонари, и горожане устроили праздник, на который явились в своих лучших нарядах. Ингрид Нордстрём надела мамину шляпку, озорник Тедди пришел в огромных отцовских башмаках.

Лордор обожал своих детей и был в них уверен. Особенно в Ингрид. В отличие от брата, она любила коров и уже помогала на дойке. В кухонное окно Катрина смотрела, как Лордор вышагивает на летнее пастбище, а рядом семенит маленькая Ингрид, души не чаявшая в папе.

Лордор, конечно, ей потворствовал. Он даже купил дочке мальчишеский комбинезон и резиновые сапоги.

– Я хочу быть похожей на папу, – заявляла девочка.

Дети росли, рос и город. В 1907-м усилиями Бёрди Свенсен и других женщин в нем появился небольшой театр, где играли заезжие гастролеры и местные любители.

– Пусть мы живем в провинции, – говорила Бёрди, – это не повод, чтобы время от времени не приобщиться к культуре.

С этим все соглашались, однако последний спектакль, представленный «Шекспировской труппой», разочаровал. Тщедушному актеру в роли Гамлета стукнуло не меньше семидесяти.

Чего не увидишь глазом

Число учеников росло, и потому мисс Люсиль Бимер, съехав от Нордстрёмов, поселилась ближе к школе. Теперь она квартировала в пансионе миссис Молли Бэллантайн, где принимали одиноких женщин и мужчин, а также проезжих коммерсантов. Нынче мисс Бимер сидела в своей комнатке на втором этаже и проверяла тетради. Однако ей не работалось.

Люсиль открыла окно и выглянула на улицу. Стоял теплый летний вечер, просто чудесный. С веранды пахло цветущей жимолостью, из соседнего дома доносилась тихая музыка – у кого-то играл фонограф.

В такие вечера Люсиль часто вспоминала Густава: где-то он сейчас?

Все, взрослые и дети, обращались к ней «мисс Бимер», но в душе она была юной девушкой. Ей только-только сравнялось восемнадцать, когда она стала учительствовать.

Несколько лет назад одна матрона сказала, едва Люсиль сошла с поезда:

– Не волнуйтесь, дамы, эта чужих мужей не уведет. У нее большими буквами написано на лбу: «Учительша-вековуха».

Темные волосы, скотые в пучок, и тонкий длинноватый нос способствовали образу серьезной и очень правильной личности. Однако не вполне отражали истинную натуру Люсиль. За обликом ответственной учительницы пряталась романтическая девушка, страстно мечтающая о любви и приключениях.

Потаенные мечты о красивом незнакомце, который ворвется в ее жизнь и увезет в дальние края, поразили бы даже ее отца, филадельфийского священника. Неведомый красавец теперь все чаще обретал черты Густава Тилдхолма.

Кое-какие закоренелые холостяки, среди которых был мистер Глен Эрли, тенор церковного хора, приглашали ее на прогулки. Но эти мужчины не интересовали Люсиль. В разлуке с Густавом она все яснее понимала, кому отдано ее сердце. И задавалась вопросом, стоило ли так беспокоиться о людской молве, которая осудила бы учительницу, сбежавшую с учеником.

С веранды донесся громкий хохот кого-то из постояльцев, и Люсиль затворила окно.

Элмвуд-Спрингс, Миссури

Дорогая Анна Ли,

Спасибо за письмо. Спешу сообщить, что я по-прежнему жива-здорова. Вот бы ты приехала в гости. Нынче у нас море нарциссов.

Дети растут не по дням, а по часам. Сынок очень славный, а дочка не перестает меня удивлять. В ее годы мы были совсем другие, ей-богу. Ингрид – настоящая американка. Летом загорают дочерна и бегают босиком, как мальчишка. Лорддор говорит, верхом на муле она ездит лучше парней. Он ею очень гордится. Давеча взял с собою на большой скотный торг в Канзас-Сити. Говорит, дочка разбирается в коровах лучше многих фермеров.

Знаешь, я по тебе скучаю и часто вспоминаю нашу жизнь в Чикаго. Что бы я без тебя делала, дорогая моя подруга?

Ну, заканчиваю, пора кормить кур. Теперь у нас их целая уйма, а одну красавицу, очень крупную, белую и перистую, в твою честь я назвала Анной Ли. Ты бы ею гордилась. Она несет много яиц, и все петухи-здоровяки в нее влюблены.

Целую, Катрина.

P. S. Посылаю фото Ингрид и Тедди.

Чикаго

Дорогая Катрина,

Извини, что задержалась с ответом. Спасибо за письмо и фотографии детишек. Ингрид все больше похожа на тебя.

Я цвету и пахну. Кстати, о петушках, я тут одного такого подцепила. Он итальянец и слегка неотесан, но у него огромные мечтательные глаза. И ему очень нравятся блондинки. Так что не удивляйся, если вдруг я стану богачкой. Он занимается производством дорожной выпивки. Опаньки! Недавно подарил мне чудную белую шубку. Кто его знает, следующее письмо я могу подписать уже как миссис Джонни Зенелла. Пожелай мне удачи и от меня погладь ту курицу.

Анна Ли.

P. S. КОГДА СОБЕРЕШЬСЯ В ГОСТИ?

Это ты?

1908

В десятом часу вечера в комнату Люсиль постучали.

– Мисс Бимер, вам звонят по межгороду, – сказала хозяйка пансиона миссис Бэллантайн. – Мужчина.

Люсиль уже склонила волосы и улеглась в постель, но теперь поспешно вскочила, накинула халат, влезла в тапочки и по лестнице сбежала к телефону в вестибюле. Дождавшись ее, миссис Бэллантайн передала ей трубку и удалилась к себе, чтобы не мешать разговору.

– Алло, я слушаю, – сказала запыхавшаяся Люсиль. – Алло?

В трубке молчали, только где-то далеко играла музыка.

– Слушаю... – повторила Люсиль. – Густав... это ты? Алло, я слушаю...

Опять молчание, а затем неведомый абонент дал отбой.

Миссис Бэллантайн вышла из своей комнаты:

– Кто звонил?

– Не знаю. Этот человек не сказал, откуда он звонит?

– Нет, только спросил вас. Похоже, он был слегка нетрезв.

– Может, еще перезвонит?

– Если надумает, желательно, чтоб это было в приличное время.

Мисс Бимер подождала у телефона, но никто не перезвонил.

В перчаточном отделе

Конечно, это вышло не нарочно. Мисс Бимер встретила матушку Густава совершенно случайно. Просто в один день обе отправились за покупками в Спрингфилд. Они перебросились парой фраз о том о сем, примерили несколько пар перчаток, и тогда мисс Бимер как бы между прочим задала вопрос, тщательно запрятав его в праздную болтовню, дабы он выглядел совсем для нее не важным.

Люсиль натянула серые лайковые перчатки и, разглядывая их, поинтересовалась:

– Как вам такие, миссис Тилдхолм? Что-то меня смущают эти кнопки. А как там Густав? Что-нибудь о нем слышно? – Она повертела руками и сдернула перчатки: – Нет, все-таки слишком вычурно.

Люсиль ждала ответа, сердце ее колотилось.

– Да, верно, кнопок перебор... – сказала миссис Тилдхолм, глянув на перчатки. – Густав-то? – Она вздохнула и покачала головой: – Ох уж этот Густав! Умотал в Орегон, работает лесорубом в каком-то крупном хозяйстве. Говорит, заколачивает большие деньги, а я мечтаю, чтоб хоть на денек он приехал домой. – От неожиданной мысли глаза ее вспыхнули: – Мисс Бимер, окажите неоценимую услугу, а? Густав очень вас уважал. Напишите ему, чтоб приехал нас проводить. Вдруг он вас послушает? Нынче молодежь сама себе голова. Родители им не указ, так, может, к учителю прислушаются? Напишите? Вот адрес.

На другой день Люсиль села за столик в своей комнате, взяла ручку, обмакнула перо в пузырек с чернилами и, чуть помешкав, написала:

Дорогой Густав,

Привет из Элмвуд-Спрингс. Я надеюсь, у тебя все хорошо. Твоя матушка говорит, ты работаешь лесорубом. Это замечательно, прямо как в романе Джека Лондона. У тебя ясная голова. Я не сомневаюсь, ты находишь время для чтения...

Она смяла листок и взяла новый.

Дорогой Густав,

Привет от давней знакомой. Твои родители по тебе сильно скучают, и потому...

*Милый мой Густав,
Прими запоздалый привет от своей бывшей учительницы Люсиль
Бимер...*

*Дорогой Густав,
С нашей последней встречи прошло много времени, но я часто и очень
тепло тебя вспоминаю. Интересно, а ты...*

*Дорогой Густав,
Мне очень жаль, что наш последний разговор вышел таким
огорчительным. Пожалуйста, пойми, что мое положение...*

Люсиль отложила ручку Господи, что она делает? Густав не ребенок. Он взрослый мужчина. И не нуждается в указаниях – дескать, пора бы проведать матушку. У него новая захватывающая жизнь, он, наверное, даже не вспомнит, кто это ему пишет. Вот так вот запросто обращаться к бывшему ученику совершенно недопустимо. Скорее всего, его озадачит писанина глупой старой девы, когда-то его учившей. Он посмеется и покажет письмо приятелям.

Люсиль попыталась выразить свои чувства в словах, но, увидев их на бумаге, осознала всю безнадежность ситуации. У Густава своя жизнь. И с этим ничего не поделаешь, только выставишь себя полной дурой. Теперь она поняла, что жила с выдуманной мечтой: в один прекрасный день Густав вернется и скажет, что по-прежнему ее любит.

Тут постучали в дверь:

– Мисс Бимер, это Соня, экономка. Мусор не надо вынести?

– Да, минутку, входите. – Люсиль бросила последний скомканный листок в почти доверху полную плетеную корзинку и вручила ее уборщице: – Вот, пожалуйста.

Соня опростала корзинку в мусорный бак:

– Проверяете контрольные работы?

– Что? А, да.

– Понятно. Как говорится, учительской работе нет конца-краю. Детишки-то всё нарождаются, верно? Благослови вас Господь за ваши труды. На будущий год и мой малыш пойдет в школу.

– Да, я знаю, с нетерпением жду нашей встречи.

– Ну, до завтра. – Соня вышла в коридор, а Люсиль с пустой корзинкой в руках так и сидела за столом. Она смотрела в окно, но видела ожидавшую

ее одинокую жизнь, которую заполняют только ученики.

Как обычно, в этот день женщины готовили праздничный стол, а мужчины и мальчишки самозабвенно метали подковы. Вдруг из толпы игроков вознесся восхищенный рев. Катрина удивленно оглянулась. Дочка Ингрид, единственная девочка в игре, вновь сделала превосходный бросок.

В ее возрасте Катрина была совсем другая. Ингрид очень независимая. Поди знай, чем она займется в жизни. Американка в первом поколении, а мир меняется. Даже прошел слух, будто женщины получают право голоса, что Лорддор горячо поддерживал.

– Если всякий забулдыга, пропивший мозги, голосовать может, почему нельзя женщинам? – говорил он.

Лорддор радовался дочке, а вот сосед Генри Нотт огорчился, что в семье его одни девочки. Он частенько делился мечтой о наследнике, которому мог бы передать ферму.

Лорддор тоже был бы рад передать дело сыну, но Тедди не пылал интересом к молочной ферме. Наверное, он пошел в мать, потому что увлекся выпечкой и мечтал когда-нибудь открыть собственную пекарню. Лорддор ничуть не возражал. В Швеции именно мужчины лучшие пекари. Он даже купил сыну пекарский колпак. Лорддор просто хотел счастья своим детям. Он понимал: коров или любишь, или нет.

Все эти годы ферма его процветала. Дела шли настолько хорошо, что Лорддор еще увеличил стадо и построил четыре новых коровника. Он и сам не знал, в чем секрет его успеха. Может, в особой миссурийской земле или отменном кормовом клевере. Либо в породистых коровах. В любом случае все признавали, что у Лорддора самые вкусные молоко и сыр. И он решил назвать свою ферму Сыроварня «Сладкий клевер».

Если Тедди не проявлял ни малейшего интереса к молочному бизнесу, этого не скажешь о его соседе, пятнадцатилетием Лидере Свенсене. Для него Лорддор был кумиром. Многие считали Нордстрёма лучшим молочником штата, и Лидер хотел во всем походить на него.

Ларс Свенсен попросил своего лучшего друга взять Лидера под крыло и обучить основам молочного ремесла. Лорддор охотно согласился. Лидера он любил – парнишка открытый, способный и трудолюбивый. И Лидер

поселился у Нордстрёмов, о чем ни секунды не жалел. Он был рад бок о бок работать с Лордором. Была и другая причина для радости. Красивая девочка Ингрид.

Чикаго

Очередное письмо от Анны Ли таило весьма неожиданный сюрприз.

Дорогая Катрина,

У меня новость. Я познакомилась с мужчиной, которого зовут Карл Йохансен. Этот огромный швед-молчун владеет зерновой фермой в Висконсине. В Чикаго столько шикарных парней, а меня угораздило втюриться именно в него, это ж надо? Можешь смеяться, если угодно. После всех моих высказываний о фермерах никто тебя не осудит.

Как бы то ни было, он сделал мне предложение, и я согласилась. В конце месяца твоя подруга переедет из большого города в Висконсин.

Люблю тебя, Анна Ли.

Орегон

На лесоповале в окрестностях Портленда высокий симпатичный мужчина двадцати пяти лет получил письмо от матери. Оно плутало около месяца, разыскивая адресата в лесных чащах.

Дорогой Густав,

Спасибо от меня и отца за последний денежный перевод. Ты так добр к своим стареньким родителям. Мы по тебе скучаем, сынок. Видел бы ты, как изменился наш город. Магазины занимают целый квартал, а еще поговаривают о строительстве масонской ложи и новой методистской церкви.

Нынче лето выдалось на славу. Мы купили еще одного теленка, чему несказанно рады. Старая ферма Линдквиста, о которой ты спрашивал, все еще не продана. Я довольна, что работа тебе нравится и дела идут хорошо. Здесь все о тебе спрашивают. Все наши родичи и даже твоя бывшая учительница мисс Бимер, которая тебе так нравилась, – при каждой нашей встрече непременно о тебе справится. Намедни Бёрди Свенсен сказала, что мисс Бимер собирается замуж, и я за нее очень рада. Она такая милая. Ходят слухи о постройке новой школы, но я буду грустить по старой. Приезжай поскорее. Мы с отцом не молодеем.

Твоя любящая мама.

P. S. Крышу мы починили.

Вечером один лесоруб спросил приятеля на соседней койке:

– Что это с Тилдхолмом? Все читает и перечитывает письмо.

Бёрди Свенсен не была сплетницей. Она просто получила неверную информацию. Слух пустил городской ювелир, у которого Глен Эрли приглядывал обручальные кольца. Позже Молли Бэллантайн все разъяснила:

– Нет, Люсиль не помолвлена. Я знаю точно, она отказала мистеру Эрли, причем дважды.

– Ай-ай-ай, – расстроилась Бёрди. – Я, значит, приняла желаемое за действительное.

В конечном счете мистер Эрли женился на своей семиюродной сестре

Айрис Лавлесс; потом супруги переехали в Саммит-Фолс, Миссури, и стали унитариянскими священниками.

Миссис Тилдхолм и в голову не пришло послать вдогонку письмо с поправкой. Она не знала, что это важно.

Печальные дни

У Лордора Нордстрёма золотое сердце, говорили все, кто его знал. Дважды он чуть не лишился фермы, потому что выплачивал долги соседей, попавших в беду. Однако врач вынес приговор: сердце это понемногу отказывает. Сраженная мыслью о возможной потере, Катрина ни на шаг не отходила от мужа. Сперва детям ничего не сказали, но Лордор все больше слабел и уже не мог работать. А потом вообще оказался прикован к постели.

Он понимал, что дни его сочтены, и хотел оставить семью в достатке. Ни Катрина, ни Тедди не управились бы с огромным хозяйством, а Ингрид мечтала о колледже. На семейном совете решили ферму продать.

Когда среди молочных фермеров прошел слух о продаже Сыроварни «Сладкий клевер», более чем щедрое предложение хлынуло со всех сторон и даже издалека.

Юный Андер Свенсен, близкий семейству Нордстрёмов, наскреб что только смог (занял у отца, взял банковскую ссуду) и тоже вступил в торг. Он понимал, что его предложение сильно уступает прочим, но выше головы не прыгнешь.

День за днем Лордор выслушивал планы по управлению фермой. Состязатели подробнее рассказывали о новых методах увеличения надоя от каждой коровы.

Однажды утром Лордор позвал Тедди, возившегося в кухне:

– Сынок, сгоняй на ферму и привези сюда Андера.

– Ладно.

Тедди верхом поехал к коровникам, отыскал Андера и передал приказ немедленно явиться к отцу. Андер оставил дела, но спросил, чем вызвана такая срочность.

– Не знаю, – сказал Тедди.

Вскоре Андер, как был в заляпанных резиновых сапогах, вошел в дом. Сдернул шляпу и постучал в спальню Лордора.

– Входи и закрой дверь.

– Хорошо, сэр.

Андер прошел к стулу возле кровати. Он отметил сильную бледность своего наставника.

Лордор подтянулся и сел.

– Знаешь, вот смотрю я на другие фермы и ничего хорошего не вижу.

Так вести дела негоже.

– Верно, сэр, – кивнул Андер.

– Моим коровам нужен заботливый уход.

– Да, сэр.

Лордор посмотрел на юношу:

– Вот почему я решил продать ферму тебе.

– Что? – опешил Андер. – Но, мистер Нордстрём...

– Никаких споров. – Лордор вскинул руку. – Ты единственный, кому я могу ее доверить спокойно. И ты это заслужил.

– Как же так, мистер Норд стрём... вы всему меня обучили...

– Вот и прекрасно. Только я хочу, чтобы ты кое-что обещал... Это останется между нами, понятно?

– Что, сэр?

– Обещай, что ферма и коровы всегда будут принадлежать нашим семьям. Ты не продашь их никому чужому. Обещаешь?

– Да.

– Когда-нибудь ты это запишешь в своем завещании... чтобы все так и было даже после твоей кончины, согласен?

– Жизнью своей клянусь, сэр, – торжественно ответил Андер.

Лордор улыбнулся и откинулся на подушку.

– Вот и хорошо. Теперь извести других.

Домашние обрадовались решению Лордора. Свенсены были их лучшие друзья, а с Лидером они почти сроднились.

Когда новость облетела город, жители вздохнули облегченно. Всем была невыносима мысль, что фермой Лордора завладеет чужак. Ведь сколько сил и труда в нее вложено, чтоб она обрела свой нынешний вид. За все эти годы Сыроварня «Сладкий клевер» стала частью каждого горожанина.

Пожалуй, это лишь правомерно, что через две недели Лордор Нордстрём первым упокоился на «Тихих лугах». Согласно давней планировке, его похоронили в центре кладбища под раскидистым дубом.

ЛОРДОР НОРДСТРЁМ

1852–1911

Добрый и честный человек

Светлая память

Перемена адреса

Родные тосковали по Лордору, а город будто осиротел, лишившись своего первого мэра. В иных общинах назначили бы новые выборы. Но жители Элмвуд-Спрингс единодушно решили избежать мороки. Они просто известили Тедди, которому недавно исполнилось двадцать, он – их новый мэр. Все уже привыкли говорить «мэр Нордстрём» и не хотели переучиваться. Народ тяжело переживал утрату. Все были на похоронах, но все еще не верили, что Лордора больше нет. И отчасти в том были правы.

Вскоре после похорон произошло нечто странное. Лордор Нордстрём пробудился. Он вполне сознавал, кто он такой. Мог думать и вспоминать. Видел синее небо в облаках и слышал птичье пение. Кроме того, он чувствовал необычайную легкость и дышал свободно. И все вокруг дышало свежестью. Земля, трава, цветы. В душе царили покой и умиротворение.

Где это он? В раю? Он мертвый или живой? Лордор поднял взгляд и, увидев над собой старый дуб, понял, где он сейчас. В собственной могиле на кладбище «Тихие луга». Он умер, спору нет. Однако не сгинул.

Какой приятный сюрприз. Скажи кто об этом, он бы в жизнь не поверил, но вот – извольте. Он понятия не имел, как и почему это произошло. Но еще никогда ему не было так хорошо. Лордор глубоко вздохнул и вновь погрузился в долгую освежающую дрему.

После кончины наставника Андер просил его семью не покидать ферму Но Катрина и дети решили на деньги, вырученные от продажи хозяйства, купить дом в городе. У Катрины ухудшалось зрение, да и потом, без Лордора все было не так. Родным его ужасно не хватало. Особенно Катрине. На ферме все о нем напоминало. Казалось, наступит вечер и он войдет в дом, вернувшись с работы. Но он не входил, и тогда пронзало болью. Потеря мужа и подступающая слепота подтолкнули Катрину написать письмо:

Родная моя Ингрид,

Если со мной что случится, пусть этот платок станет твоим. Мне он достался от твоей бабушки и теперь переходит к тебе, так что береги его. Сохранилось так мало вещей с прежней родины. Я надеюсь, когда-нибудь ты побываешь там, где я выросла.

Мамины рецепты я оставляю Тедди. Ты, наверное, не против? Как

говорил папа, выпечку или любишь, или нет. А Тедди ее любит.

Ты же знаешь, что папа тобой очень гордился. И я горжусь. Ты моя американочка. Еще здесь одежды, которые Бёрди Свенсен связала для вас маленьких. Они мне очень дороги, я так и не смогла их выбросить.

С неизменной любовью, мама.

Закончив письмо, Катрина приготовила сверток и убрала его в надежное место.

Освоившись на «Тихих лугах», Лордор преисполнился небывалым удовольствием собой. Из его новой обители вид открывался чудесный. Он и впрямь выбрал прекрасное место, и теперь ему не терпелось, чтобы другие, составив ему компанию, разделили его мнение. Конечно, он старше Катрины, какое-то время придется подождать, и пока он один наслаждался далеким мычанием коров на пастбище, петушиным криком, тихим рокотом тракторов на полях и воскресным перезвоном церковных колоколов. Родные звуки.

Оказалось, это очень приятно – избавиться от беспокойства за ферму и все свое время посвящать отдыху и размышлениям. Лордор ничуть не страдал от одиночества. По праздникам он принимал множество гостей. Радовался приходам Катрины с детьми, ахал, как выросла Ингрид. Поначалу Лордор пытался с ними поговорить, но понял, что они его не слышат. К счастью, он-то их слышал и потому всегда был в курсе интересных событий. Было приятно узнать, что люди его не забыли.

Вот на прошлой неделе заглянул Андер Свенсен, сел у могилы и поведал о своих нововведениях на ферме, выразив надежду, что наставник их одобрил бы. Лордор одобрил. Андер – толковый парень.

Элмвуд-Спрингс все больше расцветал. Два грека, братья Морган, открыли настоящий универмаг, торговавший новинками мужской и женской моды. Олаф, брат Катрины, получил место в обувном отделе.

Отдавая дань современности, старый театрик переоборудовали в кинозал. Наняли киномеханика, привезли пианино, и Бёрди Свенсен, игравшая на церковном органе, взяла на себя роль тапера. Ее музыкальное сопровождение усиливало впечатление от любовных сцен и эпизодов погони в немых фильмах.

Кино открыло новый мир фантазии. Вскоре все девочки хотели быть как Мэри Пикфорд или женщина-вамп Теда Бара. После того как в город привезли «Опасные похождения Полины» с Перл Уайт в главной роли, Ингрид Нордстрём упростила мать купить ей бриджи и сапоги, как у героини фильма.

Парни, очарованные приключениями звезды немого кино Тома Микса, разъезжали на отцовых мулах, воображая, что и они, как «король ковбоев» на чудо-коне по кличке Тони, в округе выискивают злодеев.

Потом первый восторг перед синематографом угас и все вернулось в свою колею. Ребятишки учились, народ женился, младенцы рождались.

Элнер Нотт и Беатрис Олсен, племянница Катрины, пошли в первый класс. Старшая дочь Ноттов Элнер, веселая, для своих лет крупная девочка, отличалась добрым нравом. В первый учебный день она пришла в мешковатом домотканом платье, в руках у нее была огромная оловянная коробка с завтраком.

Маленькую изящную Беатрис нарядили в новенькое готовое платье с кружевным воротничком и белые кожаные башмаки на кнопках. Олаф отвел ее в школу и из рук в руки передал мисс Бимер. Но Беатрис, впервые оказавшись в незнакомой обстановке, пугалась и нервничала.

В большую перемену она села на скамью в сторонке и заплакала. Ей хотелось домой. Элнер заметила одинокую девочку и, прихватив свою оловянную коробку, под села к ней.

— Если не выдашь, я открою тебе секрет, и он будет нашим, — помолчав, сказала она. — Только сначала перестань реветь.

– Какой секрет? – сквозь слезы спросила Беатрис.

– Обещай, что не проболтаешься.

Беатрис шмыгнула носом и кивнула:

– Обещаю.

Элнер медленно подняла крышку с просверленными дырочками:

– Гляди.

Вытянув шею, Беатрис заглянула в коробку. Там была синяя мисочка, в которой сидел пушистый желтый утенок.

– Его зовут Пит, – сказала Элнер. – Если хочешь, можешь его погладить.

Беатрис провела пальцем по пуховой головке:

– Ой, какой милый!

– У нас дома полно утят и цыплят. Еще есть крольчата.

– Правда?

– Ага. Хочешь печенье? Там пять штук под салфеткой. Я немка, а немцы едят много. – Элнер протянула бисквит: – На, угощайся. У меня есть и джем.

Они съели все бисквиты, потом снова погладили утенка.

– А я умею делать кувырок, – сказала Элнер. – Хочешь, покажу?

– Хочу.

Элнер кувыркнулась, отчего платье ее задралось, выставив на обозрение белые панталоны. Беатрис засмеялась.

Она уже ничего не боялась, когда по колокольчику мисс Бимер вернулась в класс. Девочки сами еще не знали, что отныне навсегда стали подругами.

Вроде бы все шло своим чередом, однако весной 1916-го мужчины Элмвуд-Спрингс почуяли неладное, хоть толком не поняли, в чем дело. Жены как-то странно на них поглядывали. И часто перешептывались.

Вскоре среди бела дня женщины стали устраивать секретные встречи в задней комнате аптеки. Собравшись, они запирали дверь, а жена аптекаря Хэтти Смит вставала на входе часовым. Когда муж ее Роберт деликатно осведомился, что там происходит, Хэтти коротко ответила:

– Тебя не касается.

Мужчинам было невдомек, что в аптеке собирается новое отделение Суфражистского клуба.

Бёрди Свенсен, подписчица журнала «Миссурийская женщина», распространила среди подруг статью о женском избирательном праве. В мире шла борьба, и Элмвуд-Спрингс, хоть был невелик, не желал

оставаться в стороне.

Бёрди переписывалась с президентом Ассоциации суфражисток в Сент-Луисе, которая уведомила, что в июне произойдет нечто очень важное. Она также предупредила о возможной опасности, но женщины Элмвуд-Спрингс единодушно решили встать плечом к плечу, когда будет брошен клич. Пусть их немного, они твердо намерены занять свое место в истории, невзирая на любые последствия.

Через какое-то время мужа, вернувшись с работы, вдруг видели, что жены их затворились в комнатах для рукоделия и трудятся над чем-то неведомым. Они не знали и знать не желали, чем заняты их супруги, их волновало, что на столе нет ужина. Например, Генри Нотт был крайне раздосадован тем, что ровно в шесть вечера не получал лапшу с подливкой и шницель.

14 июня 1916 года в Колизее Сент-Луиса, крупнейшем в стране зале заседаний, открывался Общенациональный съезд Демократической партии. В городе царил праздничное настроение, все дома были украшены красными, белыми и синими стягами. Делегаты съехались со всей страны.

Когда утром они высыпали из гостиниц и по центру Локуст-стрит зашагали к залу собраний, их ждал большой сюрприз: по обеим сторонам улицы стояли сотни молодых и старых женщин в длинных белых платьях, у каждой в руках желтая парасоль, через плечо ярко-желтая лента с надписью ПРАВО ГОЛОСА ЖЕНЩИНАМ. Строй женщин со всех концов страны, растянувшийся насколько хватало глаз, был неподвижной и безмолвной демонстрацией солидарности.

Что и говорить, зрелище впечатляло. Делегаты шли под взглядами женщин, так похожих на их жен и матерей. Некоторые покачнулись в своей позиции по вопросу женского избирательного права. И этого удалось добиться без единого слова.

Двенадцать жительниц Элмвуд-Спрингс в длинных белых платьях, наискось перехваченных желтыми лентами, вместе с женщинами со всего света гордо стояли на Голден-лейн, держа в руках самодельные желтые зонтики.

Там были Бёрди Свенсен, Нэнси Нотт и ее дочка Элнер. Вместе с Ингрид там стояла полуслепая Катрина Нордстрём, которую приходилось вести под руки. Они знали, что Лорддор ими гордился бы.

Несмотря на благородную цель приезда, эти женщины не собирались отказывать себе в удовольствиях Сент-Луиса. После демонстрации все вместе они пошли в кино, где посмотрели «Водоворот жизни» с Айрин и

Верноном Касл. Прическа Айрин их просто сразила. На другой день в гостиничной парикмахерской шесть представительниц Элмвуд-Спрингс сделали себе стрижку «боб». Первой постриглась Нэнси Нотт, за ней Ингрид, а следом – семидесятидвухлетняя матушка Лили Тилдхолм, заявившая, что смерть как хочет обучиться танцу «индюшачий шаг».

Увидав женину стрижку, Генри Нотт едва не окочурился:

– Мамочка, где твой пучок?

– С пучками мы распрощались в Сент-Луисе. А что?

По взгляду жены Генри понял, что тему лучше не развивать.

– Просто спросил.

На другой день в парикмахерской он поделился с приятелями:

– Мы обречены, ребята. Бабы наши взбесились, словно телки в пургу.

Поди знай, что они еще удумают. А у меня их четыре штуки. Не исключено, что ради золотых зубов сонного меня прирежут.

Конечно, никаких золотых зубов у него не было. Просто он любил слегка приукрасить.

Воссоединение

В декабре 1916-го Катрину Нордстрём, уже ослепшую совершенно, унесла скоротечная чахотка; похоронили ее рядом с мужем.

КАТРИНА ОЛСЕН НОРДСТРЁМ

1865–1916

*Прибыла чужой,
почила среди друзей*

Катрина открыла глаза, когда над ухом раздался голос мужа:

– Катрина, ты меня слышишь?

– Ты мне снишься, Лордор?

– Нет, милая. Вот он я.

Долгожданное счастливое воссоединение свершилось.

– Ой, прямо не верится! – выдохнула Катрина. – Какая прелесть вокруг!.. Я снова вижу... изумительное небо, облака, звезды... Я даже не припомню такой красоты...

– Ну что, хорошее место я выбрал?

– О да.

– До чего же я рад, что мы снова вместе!

– Я тоже.

– Я скучаю по детям, но знаешь, о чем я просто истосковался?

– Нет. О чем?

– О наших беседах. Слушал бы тебя бесконечно.

Чудный миг. Они вдвоем и вновь безмерно счастливы. И тут вдруг чей-то голос произнес:

– Здорово, робятки!

– Это еще кто? – вскинулся Лордор.

– Покойник Эвандер Дж. Чапмэн, – ответил скрипучий мужской голос.

– Где вы?

– Да эвон, слева от вас.

– Господи боже мой! Давно вы здесь?

– С июня 1854-го. Как оно, давно?

– Изрядно. А чего вы раные-то молчали?

– Так оно вишь ты как, мистер, вы ничего не говорили, ну и я

помалкивал. По правде, я и не ведал, что могу говорить, покуда не услышал, как вы здоровкаетесь с вашей хозяйкой, – сказал незнакомец и вежливо добавил: – Мое почтение, мэм.

– Здравствуйте, мистер Чапмэн, – ответила Катрина. – Меня зовут Катрина Нордстрём, а это мой муж Лордор.

– Наше вам, мистер Нордстрём. Польщен знакомством.

– Здравствуйте.

– Так вот, сэр, в 54-м охотился я тут на бобра и ондатру, да напоролся на индейца. С той поры я здесь и очень рад обществу. А вы как сюда попали? Меня-то стрела проткнула, прям вот скрозь печенку прошла.

– Ох, какой ужас, мистер Чапмэн! – посочувствовала Катрина.

– Да уж, мэм. Индеец тот подкрался, стрельнул и был таков, а нашел меня мой напарник, старый канадец из Квебека. Лежу я подстреленный да оскальпированный, глянул он на меня и грит: ты давай, мол, помирай с концами, а я через день-другой вернуся и тебя похороню. И ушел. Ох и костерил же я его! Струсил, сволочь, бросил меня на растерзание грифам. Не зря я ему не доверял, пьяни подзаборной. Но старый энтот канадец выказал себя истинным христианином и очень мне услужил. Слово сдержал – вернулся и честь честью похоронил меня на этом холме, даже какие-то слова сказал. Он был французский канадец, так что я ничего не понял... Наверное, просил не сердчать на него.

Когда Лордор с Катриной оправились от потрясения неожиданным соседством, мистер Чапмэн поведал, что родом он из Кентукки и состоит в дальнем родстве с Джоном Чапмэном, больше известным как Джонни Яблочное Семечко^[2]. Еще он рассказал, что в его время в этой части Миссури были непроходимые леса.

– А медведи здесь водились? – спросила Катрина.

– А то! Раза два на дню непременно встренешь!

– А пумы?

– Был случай, одна на меня как прыгнет, а я свернулся клубком, и она оторопела. Всего меня исцарапала да искусала, но апосля плюнула и ушла.

– Индейцев тут много жило?

– Вот это не скажу, миссис. Я видал лишь одного, что смылся с моими шкурками, моей лошадейю и моим скальпом.

– Наверное, я должен перед вами извиниться, мистер Чапмэн, – сказал Лордор. – Я не знал, что кто-то здесь уже похоронен. Иначе отвел бы вам участок. По-моему, сейчас ваша могила на семейном участке Линдквистов.

– Я вовсе не в претензии, мистер Нордстрём. В компании оно веселее. Вот хорошо бы дамочки тута появились. Я здесь видал одну красотку.

Частенько приходит ухаживать за ивами.

– А, это Бёрди Свенсен, – сказала Катрина.

– Я, знаете, любитель женщин. Шибко по ним соскучал.

– Вас подстрелили еще молодым? – спросил Лордор.

– Дайте-ка вспомнить... Нет, не так чтоб оченно молодым. Сейчас-то мне, я думаю, годков сто с лишним.

Когда Лордор и Катрина рассказали о нынешнем дне Миссури, мистер Чапмэн недоверчиво сморщился:

– Безлошадные экипажи и свет по щелчку? Вы меня дурите, мистер Нордстрём?

– Нет, сэр.

– То бишь повозка катит сама по себе без лошади, мула и быка?

– Верно, сэр.

– Да на какой же тяге?

– На бензиновой.

Мистер Чапмэн задумался:

– Никогда не слыхал об энтакой.

Лордор безуспешно попытался объяснить, что такое электричество.

– Слова вроде знакомые, но уразуметь не могу, – заметил мистер Чапмэн. – Не для моих это мозгов.

Лордор решил умолчать об аэропланах, чтоб до смерти не напугать собеседника.

– Не огорчайтесь, мистер Чапмэн, – сжалившись над бедолагой, вмешалась Катрина. – Со мной то же самое. я не понимаю, откуда берется электричество.

– Кто нынче у нас президент? – меняя тему, спросил мистер Чапмэн.

– Вудро Вильсон, – сказала Катрина.

– И что, хорош он?

– Кто их разберет, сэр. Время покажет.

– Последний раз я голосовал за Франклина Пирса. Как он, преуспел?

– Не знаю. Меня тут еще не было.

– Ах, эвон как.

Эти трое не знали, что был и четвертый обитатель «Тихих лугов». Чуть в стороне покоился индеец-осейджи, которого занесло на холм наводнением 1715 года. Он услышал разговор нашей троицы, но не распознал в нем человеческую речь. Решив, что стал свидетелем птичьей свары, индеец повернулся на другой бок и вновь погрузился в сон.

После знакомства постояльцы «Тихих лугов» встречались часто,

Катрина и Лордор охотно внимали рассказам мистера Чапмэна о его приключениях охотника и первопроходца. Они так и не поняли, был ли он мастером небылиц или вправду участником невероятных событий, но слушали увлеченно.

– Можете не верить, но служил я под началом самого Кита Карсона^[3]. Росточком он не вышел, однако свет не видывал человека лучше, – начал очередную байку мистер Чапмэн и, по обыкновению, сразу перескочил на другую тему: – А вот еще интересная история. Вы же, робятки, шведы, верно?

– Да, оба.

– Ну так я и думал. Уж повидал я вашего брата. Но, знаете, не встренул никого прекраснее сладкоголосой шведки мисс Дженни Линд^[4], кого живьем видел в Теннесси. Помню как сейчас. Было это в апреле 52-го, мужики съехались со всей округи, чтоб глянуть на нее. Мало пупок не развязался, покуда доставал я билет, однако ж раздобыл. Место досталось на галерке, но энто мелочь. Пела она, точно сирена... а уж энти ее золотистые кудри... Така красавица, глазам смотреть больно. Ну чисто андел небесный, аж по сию пору в себя не приду. Право слово, сэр, то был лучший день в моей жизни. И знаете что... С энтим воспоминанием и помирать-то было легче.

Катрина гадала, вправду ли он видел Женни Линд и что сказала бы знаменитая оперная певица, знай она, что человек, почти семьдесят лет назад побывавший на ее концерте, считал это главным событием своей жизни.

А потом в один прекрасный день мистер Чапмэн сгинул, ни словом не уведомив и даже не попрощавшись. Катрина и Лордор его окликали, но он не отзывался. Просто исчез, оставив их в полном неведении.

Нэнси Нотт

Не особо молодые, Лордор и Катрина недолго оставались в одиночестве. В 1918-м их полку прибыло другими первыми поселенцами. Нэнси Нотт объявилась самой первой и по-всегдашнему с ходу огорошила:

– Как вы померли, случилась война.

– Боже мой! – ахнула Катрина. – Вот чего я боялась.

– Но она быстро закончилась. Американцы сгоняли на фронт и сразу вернулись.

– Из наших никто не погиб? – встревожился Лордор.

– Нет, никто. Молодой Эгстрём воевал, но вернулся цел и невредим. А ваш Тед все еще не женился, однако, если я разбираюсь в мужчинах, ждать осталось недолго.

– Ох, дай-то бог, Нэнси.

– Даст, даст. Терта, моя средняя, на него глаз положила.

– А как Ингрид? У нее есть парень? – спросила Катрина.

– Да нет, для местных она слишком умная. Все говорят, дочка стала вылитая ты.

– Правда?

– Хорошо, что не вылитый я, – сказал Лордор. – А как там остальные?

– Все живы-здоровы. Вот только Генри мой сдал. Ходит плохо и все кашляет, кашляет. Удивительно, что здесь я очутилась раньше его.

– И впрямь странно, – сказала Катрина. – Что с тобой случил ось-то?

Нэнси долго молчала и наконец ответила:

– Перебрала пива.

Катрина подумала, что ослышалась:

– Пива перебрала?

– Угу.

Разъяснений не последовало, однако Нордстрёмы удержались от расспросов. Это было бы невежливо, хотя очень хотелось узнать, как избыток пива может сгубить человека.

Немного погодя Катрина поинтересовалась:

– Извини, что спрашиваю, Нэнси, но как там Сладкая Картофелина?

– Чего ей сделается? Столько колбасы зазря пропадает! Целехонька свинья ваша.

Катрина облегченно вздохнула.

Как и ожидалось, сразу после Нового года Генри Нотт воссоединился с

женой на «Тихих лугах». Первым делом он спросил:

– Мамочка вам рассказала, как в ушат напилась и на обратном пути с танцев вывалилась из повозки?

– Генри, заткнись! – вспылила Нэнси.

– На другой день ее нашли в канаве возле старой фермы Тилдхолмов. Замерзла насмерть.

– Генри! – рявкнула Нэнси. – Умолкни!

– Молчу.

– Я сто раз говорила, что в повозке отводина разболталась, – сказала Нэнси, желая, видимо, оправдаться. – А ему хоть бы хны.

Лордор и Катрина очень обрадовались старым друзьям, но внезапное и загадочное исчезновение Эвандера Чапмэна их все еще тревожило. Они решили не рассказывать новоселам о давнишнем обитателе «Тихих лугов», таинственно сгинувшем. А то еще расстроятся. И потом, он, может быть, вернется. Пока не ясно, куда он подевался и появится ли вновь.

Любовный фронт

Юный Тед Нордстрём, новый мэр Элмвуд-Спрингс, деловой хваткой пошел в отца. На свою долю от продажи фермы он купил помещения в центре города, где открыл «Шведскую пекарню Нордстрёма». Старинные мамины рецепты очень и очень пригодились. Что и говорить, замысел был успешен. Швед не швед, хорошую выпечку любит всякий.

После смерти матери Тед хороводился с несколькими девушками – сперва с одной из Джоплина, потом с новой ассистенткой дантиста, недавно приехавшей в город. Но все кончилось, как и пророчила Нэнси, женитьбой на Герте Нотт. Все считали их идеальной парой. Тед любил печь, а Герта, сдобная пышка, любила, как все Нотты, хорошо поесть. Ну два сапога пара.

А вот у Ингрид на любовном фронте все было иначе. Все полагали, что рано или поздно она выйдет за Лидера Свенсена, но отношения этой пары, вместе выросшей, больше смахивали на обоюдную привязанность брата и сестры.

Многие парни подъезжали к красивой девушке, но получали от ворот поворот, поскольку ничуть ее не интересовали.

После школы она вновь утыкалась в какую-нибудь книгу либо работала у местного ветеринара. Народ уже сомневался, что Ингрид когда-нибудь выйдет замуж. Похоже, зверье ей нравилось больше парней.

Был случай, когда некий Моррис Шингл схлопотал по морде за скверное, на ее взгляд, обращение с лошастью.

Еще больше добрых друзей

1919

Следующим постояльцем «Тихих лугов» стал мистер Линдквист, которого похоронили вместе с его скрипкой.

– Черт! Знай я, что просто окажусь на холме, я бы велел не обряжать меня так шикарно, – сказал он, едва очнувшись. – Ну что, Лордор, как оно тут?

– Даже не знаю, как это описать точнее. Ну вроде... Катрина, скажи ему, ты со словами дружишь.

– Спасибо, Лордор, но, боюсь, сейчас тот случай, когда слова бессильны. Мало сказать «красота» или «эйфория». Наверное, всего ближе слово «совершенство», но и оно во всей полноте не передает ощущение, о котором ты даже не подозревал, а оно вот существует.

– В точку! – согласился Лордор.

Чуть позже на «Тихие луга» прибыла Бёрди Свенсен, и она тоже, как все другие, изумилась. О загробном мире много всяких ложных представлений, но главное заблуждение – там невероятно скучно. Постояльцы холма в один голос заявляли: проведи здесь хоть тысячу лет, ни на секунду не заскучаешь. Да, нельзя передвигаться, как прежде, но разговаривать можешь когда угодно. Всего-то и надо – окликнуть приятеля. И неважно, день, ночь ли, всегда найдется тот, с кем можно поболтать.

Но что самое замечательное – никаких повседневных забот и только неохватная глазом панорама дивной природы. Восходы, закаты, дождь, снег, пасмурные и солнечные дни и всякие чарующие неожиданности вроде падающей звезды, внезапного солнечного луча после грозы, радуги, серебристых всполохов молний. А луна! Она одна – целый спектакль. Иногда предстанет большим оранжевым диском, иногда – белой его половинкой или просто светлым узким серпом. У каждого времени года своя прелестная особенность. Осенью в небе проплывают бесконечные стаи гусей и уток, весной пиршество деревьев в цвету. Летние ночи, теплые и нежные, полнятся благоуханием жимолости и глицинии. Зимой в воздухе вкусно пахнет дымком, и некоторые старики по запаху умеют определить, какими дровами топят печку – кедровыми, дубовыми или ореховыми. Зима очень красива. Порой «Тихие луга» укрывало снегом, но всем было тепло и

уютно. Скука? Господи, о чем вы!

Бёрди поделилась с Катриной:

– Знаешь, не терпится поскорее проснуться и увидеть все чудеса, какие для нас заготовил день.

Двадцатые Все заготовленные чудеса

Элмвуд-Спрингс смотрит вверх

Усилиями юного мэра и муниципального совета в городе, ко всеобщему восторгу его жителей, появилась высокая водонапорная башня, украшенная надписью большими черными буквами: ЭЛМВУД-СПРИНГС, МИССУРИ. Башню было видно издалека. Когда горожане, запрокинув голову, смотрели на нее, они почему-то преисполнялись собственной значимостью.

Все больше молодежи переезжало с ферм в город, открывались новые заведения. Рядом с кинотеатром появилась закусочная «Трамвай», а в 1920-м мисс Дикси Кахилл арендовала зал над аптекой, где открыла «Школу степа и вальса». Куча девочек и несколько бедолаг-мальчиков были немедленно в нее записаны.

В кинотеатре народ хохотал на фильмах Чарли Чаплина и Бастера Китона. Все дети были безумно влюблены, каждый в свою кинозвезду. Возле кассы миссис Эгстрём с пеной у рта доказывала, что Грета Гарбо – ее троюродная сестра по отцовской линии. В это верилось с трудом, однако она получила контрамарку с пакетом попкорна в придачу.

Город не забывал Лордора Нордстрёма. 22 мая, дата закладки поселения, теперь официально называлось Днем основателя. Ежегодно в этот день городской совет в полном составе, все ученики начальной и средней школы приходили на «Тихие луга» и возлагали огромный букет на могилу Лордора Нордстрёма. Затем все горожане отправлялись в парк, где на открытой эстраде происходило театрализованное действо, автором, режиссером и продюсером которого выступала Люсиль Бимер.

ИЗ ШВЕЦИИ В МИССУРИ: САГА О ЛОРДОРЕ НОРДСТРЁМЕ

Вдохновенная история в песнях и танцах о том, как в 1880 году молодой швед покинул родину, прибыл в эти края и расчистил землю под ныне существующий город Элмвуд-Спрингс.

Постановка изображала первых поселенцев, вместе со скотиной и сельхозорудиями прибывающих на жительство. Мужчины были в комбинезонах, женщины – в клетчатых капорах.

В 1920-м премьера прошла с большим успехом, вот только домашние животные, задействованные в постановке, проявляли норов. В последующие годы живых овец, свиней, коров и мулов заменили картонными силуэтами. Достоверность, конечно, пострадала, но, как выразилась Люсиль Бимер, береженого бог бережет.

Обувной отдел

С тех пор как Олаф Олсен стал продавцом в универмаге братьев Морган, в обувном отделе всегда былолюдно. Детям очень нравилось, когда особой серебристо-черной стальной машинкой дяденька обмерял им ноги. Он всегда наигранно удивлялся, какие у них огромные ножищи, говорил, что их обладатели вырастут великанами, и угощал мятным леденцом на палочке. Помимо доброго нрава, всем дамам и девушкам нравился его внешний вид: гладко зачесанные волосы, всегда свежий белый воротничок. Вполне естественно, что целая куча постоянных клиенток появлялись не реже одного раза в неделю и по часу с лишним примеряли туфли. Олаф не роптал. Он знал, что в результате они непременно купят какую-нибудь пару.

В майскую субботу 1921 года Олаф обслуживал трех дам, пока те обсуждали свою любимую тему – Ингрид Нордстрём.

Примеряя восьмую пару туфель, миссис Белл спросила:

– Олаф, а как поживает ваша прелестная дочурка... малышка... э-э... Берта?

– В смысле, Беатрис? – улыбнулся Олаф.

– Да-да, Беатрис.

– У нее все хорошо, миссис Белл. Со школьной подружкой Элнер Нотт она пошла в кино. Девочки вот-вот вернутся.

– Сколько ей уже?

– Десять, скоро одиннадцать.

– Значит, пока вам не нужно тревожиться о женихе.

Олаф пошел на склад за очередной партией обуви, а дамы продолжили разговор об Ингрид Нордстрём.

– Вот уж настоящая папина дочка, – сказала миссис Белл. – Вряд ли она отыщет кого-нибудь, кто сравнится с Лордором.

– Нет, он единственный в своем роде. Таких мужчин больше не делают, – поддержала Мейбл Вутен. – Ну, не найдет так не найдет – вон мисс Бимер не замужем, а с виду вполне счастлива.

– Вот именно что с виду, – возразила миссис Гаммс. – Нет, настоящее женское счастье в семье и детях.

– Да не скажите, – покачала головой миссис Белл. – Я, конечно, люблю Ллойда и детишек, но... иногда хочется пожить только для себя. – Она

вздыхнула. – Как бы то ни было, я очень надеюсь, что Ингрид встретит хорошего человека.

Миссис Белл примерила еще шесть пар, и вот последняя ей наконец пришлась по душе. Но, взглянув на размер, она встревожилась:

– Олаф, я ношу пятый, а это седьмой!

– Не пугайтесь, миссис Белл, – успокоил Олаф. – Обувь этой фирмы всегда на два номера меньше. На самом деле это пятый размер.

– А-а... Ладно, тогда беру.

Женщины ушли, и Олаф, улыбаясь, сложил отвергнутые туфли в коробки. Кумушки забыли, что Ингрид – его племянница. Уж он-то знал ее как никто. И ничуть за нее не беспокоился.

Тут в магазин влетела Беатрис, за руку протащив подружку в обувной отдел:

– Папа, Элнер хочет, чтоб ты обмерил ей ноги.

Олаф рассмеялся:

– Хорошо, давай, милая. Сними башмаки и поставь ногу вот сюда.

Элнер разулась и сунула ступню в машинку.

– Стой прямо, не двигайся.

Олаф подвел планку к ее пальцам, заметил размер. Для девочки ее возраста нога просто огромная. Но об этом он умолчал и разыграл удивление:

– Господи, это ж надо! Элнер, твой размер в точности как у шведской принцессы Маргарет. Наверное, ты королевских кровей. – С показной серьезностью он взглянул на Беатрис: – Отныне, дочка, мы должны исполнять все ее приказания.

Беатрис захихикала:

– Теперь обмерь меня, пап.

Как часто бывало, в тот день Элнер заночевала у Беатрис. Девочки улеглись в постели и болтали о том, что с ними будет, когда они вырастут. Беатрис уже определилась точно:

– Я выйду за красивого мужчину и рожу трех детей, двух мальчиков и одну девочку, которую в честь моей шведской бабушки назову Ханна Мари. А у тебя сколько будет детей?

Элнер задумалась:

– Не знаю, Беатрис. Мама говорила, рожать детей очень больно. Наверное, лучше я рожу котят.

– Ты не можешь родить котят, дуреха! – засмеялась Беатрис.

– Почему?

- Потому что ты человек. И должна рожать детей.
- Да?
- Да.
- Это очень плохо. Лучше бы котят.

Ингрид Нордстрём

1922

Дочь Лордора и Катрины всех удивила, став первой женщиной, поступившей в знаменитый Ветеринарный колледж штата Айова. Но попасть туда было нелегко.

Ингрид набрала высший проходной балл, однако декан мистер Ричард Ливермор был ошеломлен, узнав, что первокурсник И. Нордстрём вообще-то женского пола.

Такого еще не бывало. Декан спешно вызвал заведующих кафедрами и председателя приемной комиссии, дабы решить, как исправить ошибку и поизящнее вытурить девицу. Однако новость достигла ушей декановой супруги, и та явилась на собрание.

– Лучше примите эту девушку, мистер Ливермор, – сказала она. – Иначе вам достанется от всех женщин Айовы. От меня первой.

Перечить миссис Ливермор никто не рискнул.

– Цена отчисления слишком высока, – резюмировал декан.

Ингрид приняли. Она понимала, что в ближайшие годы ее ждут тяжкий труд и враждебность студентов, весьма недовольных появлением в их рядах особы женского пола. Но отвагой и решимостью она пошла в мать. К счастью, все-таки нашелся один студент, который был ей ужасно рад.

В тот год произошло еще одно удивительное событие, только уже на «Тихих лугах». В один прекрасный день Нэнси Нотт распевала свою любимую немецкую застольную песню и вдруг посреди куплета смолкла. Слушатели ждали продолжения, но стояла тишина. Раз-другой певицу окликнули, она не отозвалась, и тогда все поняли, что ее здесь попросту нет. То есть опять человек сгинул.

Когда Лордор и Катрина рассказали соседям о загадочном исчезновении мистера Чапмэна, Генри Нотт досадливо проговорил:

– Уж это совсем не в духе Нэнси – взять и исчезнуть посреди песни. Право слово, баба эта себе на уме. Вот, извольте – смылась, даже не попрощавшись. Зараза!

Забавы на «Тихих лугах»

Про старика Хендерсона говорили, что этакая сволочь вовек не помрет, однако и он объявился на «Тихих лугах».

Выслушав приветствия соседей, Хендерсен ясно дал понять, что не намерен вступать в разговоры:

– Я рад, что вы мне рады, но какой же это, к чертям собачьим, вечный покой, если вы неумолчно балаболите? Я хочу спать. Доброй ночи!

– Хорошо, когда на свете есть нечто неизменное. Пусть поспит, – рассмеялся Лордор, и старика оставили в покое.

В ближайшую пару лет на холм прибыли старая миссис Тилдхолм, Ларс Свенсен, миссис Линдквист и чета Эгстрём.

К счастью, обитатели «Тихих лугов» не разучились смеяться, ибо поводов для смеха было хоть отбавляй. Каждый Хэллоуин городские мальчишки неизменно подзуживали друг друга доказать свою смелость, проведя ночь на кладбище. В прошлом году двое парнишек только расстелили спальные мешки, как с ветки, заухав, сорвался огромный филин. Смелчаки завизжали, точно девчонки, и опрометью кинулись с холма. За мешками они так и не вернулись. Еще одно развлечение – водонапорная башня. Мальчишки пытались забраться на самый верх, но многие трусили еще на полпути. Покойники заключали пари и делали ставки на победителя.

В сентябре 1923-го миссис Хэтти Смит последней из первых поселенцев присоединилась к старым друзьям. Ей просто не терпелось сообщить добрую весть:

– Мы получили право голоса! Билль прошел!

– Ой, как хорошо! – обрадовалась Катрина. – Ты слышал, Лордор? Женщины могут голосовать!

Не дав ему ответить, Хэтти зачастила:

– Это еще не все. Только не падайте. Теперь вы дед и бабушка! Малыш крупненький, в честь деда его назвали Джин Лордор Нордстрём.

Катрина была в восторге:

– У нас внук, Лордор!

– Мальчик? А на кого похож? Ты его видела?

– А то! Вылитый ты, Лордор. Светленький, глаза голубые... Маленько потерпите, на Рождество они вас навестят, сами всё увидите.

Так и вышло. В канун Рождества Тед и Герта пришли обиходить могилы, и Лордор с Катриной впервые увидели своего девятимесячного внука – голубоглазого блондина Джина Лордора, и впрямь очень похожего на деда.

Как и всюду, в Элмвуд-Спрингс одно поколение сменяло другое. Пополнилось семейство Нордстрёмов, ждала прибавления дочь Линдквистов Хейзл, которая была замужем за Кларенсом Гуднайтом и уже воспитывала восьмилетних близняшек Бесс и Аду.

Свадьба

В 1927-м Чарлз Линдберг взбудоражил мир своим перелетом через Атлантику, и народ приплясывал под новомодную песенку «Счастливчик Линди»^[5].

А весь Элмвуд-Спрингс гудел из-за предстоящей свадьбы Ингрид Нордстрём.

– Это ж надо! – сказала Хейзл, заглянув в булочную Теда. – Годами о ней ни слуху ни духу, и вдруг она приезжает с никому не ведомым женихом.

– Мало того, он техасец! – подхватила Терта, вручая ей большое пирожное со взбитыми сливками, упакованное в розовую коробочку.

Рэй Уоллес, избранник Ингрид, напоминал ей отца. Он преклонялся перед умными женщинами и с первого взгляда безумно в нее влюбился. Целых два года он безуспешно добивался взаимности. Но однажды прямо на занятиях Ингрид вдруг решила, что тоже любит его, и сообщила о своей готовности по окончании колледжа стать его женой. Рэй едва не лишился чувств, а Ингрид продолжила препарировать бычью тушу на анатомическом столе. Она была очарована репродуктивной системой, значительно превосходившей ту, какой природа наделила представителей семейства лошадиных.

Вместе с родителями, братьями и сестрами жениха молодые прибыли в город накануне бракосочетания. Венчание вышло семейным мероприятием. Тед, испекший свадебный торт, сопровождал сестру к алтарю. Его жена Герта и Беатрис, семнадцатилетняя кузина новобрачной, стали подружками невесты. И наконец, Джин Нордстрём, четырехлетний племянник Ингрид, исполнил немаловажную роль хранителя колец. Все вокруг сокрушались, что Лордор и Катрина не дожили до этого счастливого дня.

Поздравить молодых собрался весь город, кроме Морриса Шингла. С тех пор как Ингрид съездила ему по мордам, он ее побаивался и посему за торжеством подглядывал из кустов, а затем в окошко. Но все же командировал своего сына Лестера за куском свадебного торта.

На другой день молодожены отбывали в свадебное путешествие. Но утром Лордор открыл глаза и над собой увидел Ингрид.

– Катрина, просыпайся! – окликнул он жену.

Ингрид положила букет на могилу.

– Мама и папа, познакомьтесь, пожалуйста, с моим мужем, доктором Рэем Уоллесом. Вчера мы поженились. – Она подтолкнула Рэя вперед. – Он хочет вам что-то сказать.

Молодой человек в новеньком синем костюме откашлялся и начал речь:

– Здравствуйте. Очень жаль, что мы не встретились раньше, но я хочу, чтоб вы знали, как сильно я люблю вашу дочь. Ингрид лучшая девушка на свете, спасибо вам за нее... Пожалуйста, не тревожьтесь, отныне я буду о ней заботиться вместо вас.

Ингрид взяла его за руку:

– Он будет, правда. Угадайте, куда мы едем в свадебное путешествие? В Швецию! Увидим места, где выросли мама и дядя Олаф. Мамочка, я храню твой платок. На свадьбе он был со мной как кусочек старой жизни. Ну, до свиданья. Я вас люблю.

Молодые ушли.

– Подумать только, наша девочка замужем! – сказала Катрина. – Красавица, правда? И видно, что счастлива. А парень, по-моему, очень хороший, как он тебе?

– Да вроде ничего.

Типичный отцовский отклик. Отцу никогда не угодишь – любой мужчина недостаточно хорош для его дочери.

– Знаешь, чем-то он напоминает тебя, – немного погодя сказала Катрина.

Лордор просветлел:

– Правда?

– Да, сильный, спокойный и умный. Совсем как ты.

Лордор промолчал, но ему и впрямь полегчало. Если парень нравится Катрине, он, наверное, не так уж плох.

Андер Свенсен владел не только фермой Лордора, но и своей собственной, доставшейся ему в наследство, и теперь отвечал за огромное молочное производство. Ни на что другое времени не оставалось, однако на свадьбу своего друга Ингрид он, конечно, пришел.

Наверное, в тот год воздух был пропитан любовью. Андер знал Беатрис Олсен еще сопливой девчонкой, но что-то с ним произошло, когда возле алтаря он увидел уже взрослую девушку в красивом розовом платье невестинной подружки. Видимо, стрела Купидона поразила его промеж глаз, ибо Лидер вдруг понял, что влюбился. На свадьбах такое бывает.

Что до Ингрид, то сразу после медового месяца они с Рэем переехали в его родной город Мэнсфилд, Техас, что неподалеку от Далласа, и открыли ветеринарную практику. В их клинике лечили всех животных, однако ничего удивительного, что особую любовь Ингрид питала к коровам. Она прониклась техасскими просторами и привыкла ходить в ковбойских сапогах.

Белая коробочка

На свадьбе разглядев Беатрис, Лидер Свенсен начал за ней ухаживать. Он понимал, что внимание тридцатидвухлетнего мужчины, возможно, смущает девушку, и потому старался так все устроить, чтобы их всегда сопровождала Элнер. Той это очень нравилось. Тем летом она вдоволь накаталась в новой машине Лидера, побывала в модных ресторанах и посмотрела кучу хороших фильмов. Втроем им было весело. Оказалось, Лидер умеет дурачиться не хуже Элнер. Однажды он приехал в кудрявом блондинистом парике. В другой раз прокатил девушек в Спрингфилд и обратно в машине с опущенным верхом.

Двенадцатого августа они с размахом отметили восемнадцатилетие Беатрис, устроив пикник в городском парке. Народ помирал со смеху, наблюдая за состязанием, в котором надо было добежать до финиша, не выронив яйцо из ложки. Как всегда, победила Элнер. Она бежала босиком, одной рукой подпернув подол платья, а в другой держа ложку с яйцом. Девушка крупная, но бегала резво.

Потом Лидер и Беатрис на пару участвовали в беге в мешках, безнадежно проиграв двум восьмилеткам. Лидер обеспечил пикник всяческой едой и мороженым; особым угощением стал вокальный квартет из Джоплина, исполнивший серенаду в честь именинницы. После того как разрезали именинный торт, Беатрис распаковала подарки. Лидер преподнес ей дамский кожаный саквояж, на который она заглядывалась в Спрингфилде. Элнер, хоть не была именинницей, получила такой же. По окончании праздника Лидер украдкой передал Беатрис белую коробочку и попросил:

– Только откроешь дома, ладно?

Вечером Беатрис села на кровать и встряхнула коробочку:

– Интересно, что там?

– Да открывай уже, дуреха, – потребовала Элнер, ночевавшая у подруги.

Беатрис подняла крышку и обомлела: в коробочке лежало обручальное кольцо с большим брильянтом, а еще записка: «Я тебя обожаю. Ты выйдешь за меня?»

– Элнер, он зовет меня замуж! Боже мой, я знала, что нравлюсь ему, только никогда не думала... в смысле, и он мне весьма симпатичен, но... Что мне делать?

– Ну, как вариант – соглашайся.
– Но он рыжий и весь в веснушках. А вдруг и дети пойдут конопатые?
– Меня веснушки не остановили бы. Вон, была у нас рябая курица, я ее больше всех любила. Что до меня, Андер мне нравится.

Беатрис улыбнулась и закивала:

– Он ужасно милый, правда?
– С ним ты как сыр в масле.
– Я бы не хотела, чтобы он достался другой. Отказать не могу, но и согласиться я не готова. Я хочу поступить в колледж.

– Ну вот так и скажи ему. Но кольцо я бы оставила.

– Нет, нельзя. Это нехорошо.

– Все равно он его не возьмет. Уж я-то знаю.

– Откуда?

Элнер посмотрела в потолок:

– Птичка напела.

– Ах ты, подлая, ты все знала, да? – Беатрис подушкой огрела подругу.

Элнер засмеялась, прикрывая голову:

– И да и нет.

Она, конечно, знала. Сама помогала влюбленному выбрать кольцо.

Беатрис последовала ее совету и сказала Андеру все как есть: мол, пока не созрела для замужества вообще. И спросила, сколько он готов ее ждать.

Андер задумался лишь на секунду:

– Всю жизнь. Достаточный срок?

В сентябре Беатрис уехала в Сент-Луис, где поступила в двухлетний женский колледж. Андер настоял, чтобы кольцо осталось у нее.

Он понимал, что в разлуке может запросто ее потерять, но желал ей счастья.

Без миссис Нотт

После внезапного исчезновения жены Генри Нотту было очень одиноко. К счастью, дочери, Элнер, Герта и Ида, навещали его часто. Последний раз Элнер пришла вместе с Уиллом Шимфизлом.

– На кой ей сдался этот недомерок? – посмеиваясь, поделился Генри с Катриной. – Ведь не замуж за него собралась?

– Уилл очень славный парень и прилежный работник, – ответила Катрина.

– Это верно. Ну ладно. Всякий, кто женится на Элнер, сорвет куш.

Не прошло и года, как Элнер, девушка в теле, ростом пять футов десять дюймов, всех удивила, выйдя за тщедушного батрака Уилла Шимфизла, без каблуков тянувшего лишь на пять футов. Но не зря кто-то сказал: кому невеста годится, для того и родится.

Ко всеобщей радости, Беатрис, приехав на рождественские каникулы, согласилась весной выйти за Лидера Свенсена.

На свадьбу Элнер, подружка невесты, приехала разодетая с ног до головы.

Венчание прошло замечательно, за исключением того, что жених слегка оконфузился – давая клятву верности, зарыдал.

После застолья Элнер в новых туфлях на высоких каблуках подковыляла к молодым:

– Слава богу вся кутерьма закончилась, и теперь клянись мне, что не разойдетесь, ибо второй раз я этой пытки не выдержу. В жизни так не наряжалась и не утягивалась. Ноги просто отваливаются. Жду не дождусь, когда приеду на ферму и скину всю эту сбрую. Потом скажу Уиллу, чтобы вынес мою упряжь во двор и расстрелял.

Молодожены рассмеялись.

– Ох, Элнер, как же я буду жить без твоих шуток? – сказала Беатрис.

– Вот так и будешь прозябать.

Тот год был отмечен еще одной приятной неожиданностью. В городе отстроили новую школу, и когда ветер дул в сторону холма, обитатели «Тихих лугов» слышали колокольчик мисс Бимер, крики и смех детей, игравших в школьном дворе. Чудесные, радостные звуки.

Катрина, уже давно воссоединившаяся с мужем, знала, что в том детском гвалте есть и голос их внука Джина.

– Может, мы в раю? – сказала она однажды. – Куда уж лучше-то?

– Даже если это не рай, – улыбнулся Лордор, – здесь вполне можно переждать до истинной благодати.

Тридцатые

Представление должно продолжаться

Танцующие коровы

В 1930-м на страну обрушилась Великая депрессия. Элмвуд-Спрингс, ориентированный на сельское хозяйство, пережил напасть легче других городов. Благодаря ферме Свенсенов у детей всегда было молоко. Засеянные кукурузой, пшеницей и люцерной поля обеспечивали пропитанием коров и свиней. Помогали собственные огороды и фруктовые сады. Фиги и яблони дали хороший урожай. Многие жители держали кур. В общем, горожанам повезло. Они не извели голода, охватившего большинство штатов. Школа танцев приглашала на свои концерты, Люсиль Бимер озабочилась тем, чтобы состоялось ежегодное действо в честь Лордора Нордстрёма.

– Соблюдение традиций – отличительная черта цивилизованного общества, – говорила она.

Как всегда, народ исправно женился, младенцы исправно рождались – именно в таком, заметьте, порядке. В 1930-м в семействе Уорренов, державшем скобяную лавку, родился мальчик, которого нарекли Мэкки. В 1931-м Беатрис и Андер Свенсены переехали в новый городской дом и запланировали скорейшее прибавление семейства.

В тот же год Ида Нотт, сестра Элнер, вышла за Герберта Дженкинса, сына банкира, и перебралась с фермы в город. Через пристойный срок в одиннадцать месяцев она родила девочку, которую назвала Нормой.

Записная воображала, Ида извещала всех и каждого, что так нарекла дочь не в честь популярной кинозвезды Нормы Ширер, а в честь героини одноименной оперы. После замужества она вознамерилась примкнуть к утонченному обществу, о котором читала в журналах.

К ее непреходящему огорчению, сестра Элнер была поклонницей радиопередачи «Гранд ол опри»^[6], в которой выступали звезды кантри. Она по-прежнему жила в деревне, чем была несказанно довольна. В отличие от Иды, Элнер охотно воспринимала себя такой, какая есть.

Благодаря своей отменной готовке она превратилась в молодую пышную фермершу, собиравшую волосы в пучок. Несмотря на телесную спелость, лицо ее осталось по-детски милым и открытым. Элнер любила всех – и людей, и животных.

– Мне по сердцу любая живность, – говорила она.

В декабре 1932-го от рака груди умерла Люсиль Бимер, и смерть ее стала невосполнимой потерей для города и ежегодного театрального

действия. К счастью, Дикси Кахилл сумела ее заменить, взяв бразды правления постановкой в свои руки. Она добавила изрядно танцевальных номеров, и теперь в грандиозном финале отплясывали даже картонные звери, ведомые учениками танцшколы. Десятилетний Джин Нордстрём, внук основателя, обряженный в шведскую национальную одежду и большую черную шляпу, воплотил образ своего деда. Все говорили, роль эта очень подходит светловолосому и голубоглазому исполнителю.

После того как в городе показали фильм-мюзикл «42-я улица» с Руби Килер, все словно помешались на степе.

Именно в тот год Дикси Кахилл создала группу «Степисточки». Девушки в расшитых блестками синих нарядах были готовы участвовать во всех шествиях, ярмарках и особых мероприятиях, а также приветствовать высокопоставленных особ. Правда, пока никто из этих особ в городе не появлялся, но девочки не теряли надежду.

Кино достигло небывалого расцвета. Каждый четверг на вечернем сеансе зрителей одаривали бесплатными призами, а попкорн стоил всего пять центов. Отрывистая речь и вытравленные перекисью волосы превратили Джин Харлоу в нового молодежного идола.

На дневном сеансе фильма с участием мисс Харлоу миссис Белл и ее подруга миссис Хейзл Гуднайт, две самые степенные городские дамы солидного возраста, пережили шок. Когда на экране продефилировала сногшибательная блондинка родом из Канзаса, облаченная в длинный атласный халат, миссис Белл так прошептала, что ее слышал весь зал:

– Боже праведный, на ней нет белья!

После киносеанса подруги совершили свой еженедельный заход в аптеку, дабы традиционно угоститься шоколадным мороженым, но миссис Белл все никак не могла оправиться от потрясения:

– И ведь она уроженка Миссури! Что о нас подумают люди? Я бы под страхом смерти не вышла из дому без пояса для чулок и лифчика. Не говоря уж о том, чтобы с экрана выставляться на обозрение всему свету. Нет, нравы пали ниже некуда... У меня нет слов. Куда подевалась благопристойность? За все годы мистер Белл ни разу не видел меня без ничего.

Семнадцатилетний официант, услышавший ее реплику, невольно сморщился. Он бы тоже не хотел узреть миссис Белл в наряде Евы.

Нежданные гости

Апрель, 1933

Тем утром Элнер Шимфизл в домашнем халате (цветы на розовом фоне) расхаживала на заднем дворе, из кастрюли (синей в белый горошек) разбрасывая корм курам.

– В платье бледно-голубом, – напевала она, – я войду в соседний дом...

Элнер всегда пела курам, ибо свято верила, что тогда яйца будут крупнее. К сожалению, иногда она перевирала слова и вечно слегка фальшивила, но курам, похоже, было все равно.

Потом Элнер углядела мужа Уилла, на тракторе разъезжавшего по полю.

– Эге-гей! – крикнула она и замахала рукой. Уилл помахал ей в ответ.

Покормив кур, Элнер повесила кастрюлю на гвоздок в стене сарая и тут услышала шум машины, подъехавшей к дому. Наверное, решила она, сестра Ида или подруга Беатрис надумала заглянуть в гости.

Элнер отерла руки о синий клетчатый передник и поспешила к парадному входу. В большой черной запылившейся машине незнакомый мужчина рассматривал карту.

– Эй, что вам угодно? – спросила Элнер.

От неожиданности мужчина вздрогнул и оторвал взгляд от карты:

– Ох, здравствуйте. Похоже, мы заблудились. Эта дорога на Джоуплин?

– Бог ты мой, нет, дорогуша! – засмеялась Элнер. Она подошла к машине, влезла на подножку и ткнула пальцем в карту: – Разворачивайтесь обратно, а вот тут, на первом перекрестке, поверните направо и выезжайте на шоссе.

– Понятно, – сказал мужчина.

Рядом с ним сидела девушка в изящной беретке. Молодожены, решила Элнер.

– Сочувствую, что вы заплутали, – сказала она, – но коли уж так вышло, заходите в дом. Угощу вас вкусным холодным чаем или чашкой кофе, прежде чем отправитесь в путь.

Молодые люди переглянулись; девушка пожала плечами.

– Звучит заманчиво, – сказал мужчина. – Мы уже давно в дороге, и

если это не слишком обременительно...

– Бог ты мой, ничуть. В нашей глухомани гости нечасты, я всегда рада обществу. – Элнер распахнула дверь: – Входите. У нас тут кошки, ничего? Я – Элнер Шимфизл. Мой муж Уилл сейчас работает в поле, вот уж расстроится, что не повидался с новыми людьми. А вас как зовут?

– Меня – Клайд. А это Бонни.

– Приятно познакомиться.

Элнер провела гостей в большую кухню, где вкусно пахло беконом. Штук шесть кошек прыснули в рассыпную. Хозяйка показала на белый эмалированный стол в окружении четырех деревянных стульев:

– Присаживайтесь. Наверняка вы голодные. Позавтракать-то успели?

– Вообще-то, нет, – ответил Клайд. – Мы собирались перекусить в Джоплине.

Элнер оглядела девушку:

– Вы такая худенькая. Вам непременно нужно поесть, а то еще грохнетесь в обморок. Пока не накормлю, я вас не отпущу. Я кликну, как будет готово. Чувствуйте себя как дома. Если вам, дорогуша, нужно в ванную, не стесняйтесь. Там даже есть фабричное мыло. Обычно-то я сама его варю, но сейчас маленько обленилась.

Через десять минут пара угощалась яичницей с беконом, свежими горячими булочками и домашними соленьями.

– Ешьте, пока не остыло, – сказала Элнер.

Через кухню вперевалку прошествовал здоровенный жирный енот, видимо ручной, и остановился перед сетчатой дверью. Ничего не объясняя, Элнер встала из-за стола и выпустила его на улицу.

– Заходи попозже, Ричард, – сказала она, после чего вернулась к гостям. – Значит, вы в Джоплин? Это совсем недалеко, но я там не бывала. Я выросла на ферме, где папаня мой разводил свиней, и чуток побаиваюсь больших городов. Вот Ида, сестра, ездила в Джоплин и очень его хвалила.

Под вкуснейшие булочки уминая яичницу, Клайд разговорился. Девушка сперва отмалчивалась, но вскоре поддержала беседу, поведав, что дома в Техасе была дамской парикмахершей.

– Ой, правда? – восхитилась Элнер. – Это ж надо уметь... Какая вы умница, что владеете таким ремеслом. Поди знай, как оно сложится, а это у вас всегда в запасе. У нас тут есть одна молодуха, Тотт ее звать, на дому делает прически, но, по-моему, она самоучка. А вы чем занимаетесь, Клайд?

– Да так... работаю по банкам, – с полным ртом ответил молодой

человек.

– Надо же, какое совпадение! Сестра моя Ида, я вам о ней говорила, вышла за банкира Герберта Дженкинса. Знаете его?

– Нет, вряд ли, – помотал головой Клайд.

– В Элмвуд-Спрингс у его папаши свой банк. Можете к нему заглянуть, поздороваться. В Джоплин ехать через Элмвуд-Спрингс. Прелестный городишко. Там сестра моя Терта с мужем Тедом держат пекарню. А подруга моя Беатрис и муж ее Андер тоже там живут. У них огромная молочная ферма, вы ее проезжали.

После того как гости получили полную информацию о Джине, десятилетнем племяннике Элнер, и рассмотрели все его бойскаутские значки, они ознакомились со старой фотографией хозяйкиных родителей, снявшихся вместе с их призовой свиноматкой Пышкой № 3.

– Их обоих уже нет, – сказала Элнер. – Упокоились на «Тихих лугах». Мама выпала из повозки и замерзла насмерть, а папу унесла чахотка. Я по ним очень скучаю.

Прошло еще три четверти часа, и гости стали собираться в дорогу.

– Погодите, я вам кое-что дам с собой. – Элнер сходила в кладовку, забитую домашними заготовками, и вернулась с двумя банками консервированных фиг. – Вот, держите, милая. Только вчера сорвала с дерева и закатала. Надеюсь, вам понравится.

– Спасибо. – Девушка приняла банки. Пара зашагала к машине.

– Счастливого пути, ребятки! Если еще окажетесь в наших краях, заглядывайте, ладно?

– Непременно.

– И не забудьте заехать в банк. Найти его легко, он прямо на Центральной улице. Скажете, вы от Элнер.

Потом она занялась грязной посудой, чрезвычайно довольная приятным общением с такой милой парой.

Лишь позже, увидав газетный снимок, Элнер узнала, что это были знаменитые гангстеры Клайд Бэрроу и Бонни Паркер.

В Джоплине полиция накрыла их тайное логово, но им удалось бежать; в квартире нашли камеру с непроявленной пленкой, и местная газета опубликовала фотографии печально известной пары. Бонни позировала с кольцом и сигарой. Уилл пришел в ужас, узнав, кого жена его накормила завтраком:

– Дорогая, неужели ты не разглядела в них хладнокровных убийц?

– Нет, конечно, я даже не знала, что она курит. С виду такие милые

ребята, и я просто не понимаю, зачем убивать и грабить, когда девушка может прекрасно зарабатывать прическами. – Осененная мыслью, Элнер встревожилась: – Господи, а вдруг через эти фиги полиция выйдет на меня и решит, что я их подельница?

– Даже не знаю, Элнер. В консервированных фигах тебе нет равных. Вполне возможно.

Элнер выпучилась.

– Да шучу я, милая! Не бойся, ничего не будет.

Элнер не ведала, что в тот день пара ехала к Баку, брату Клайда, и по дороге собиралась ограбить банк в Элмвуд-Спрингс, но встреча с гостеприимной хозяйкой изменила планы.

Не знала она и того, что Бонни соврала насчет своей бывшей профессии. Дамским мастером была Бланш, жена Бака. В газетах не сообщалось, что на тайной квартире полиция обнаружила ополовиненную банку с консервированными фигами. К счастью, с нее не сняли отпечатки пальцев, иначе шериф непременно навел бы на Элнера.

Дела идут в гору

1934

В основном благодаря неуклонному развитию Сыроварни «Сладкий клевер» в 1934-м Элмвуд-Спрингс обзавелся собственной железнодорожной станцией. И вот в один прекрасный день в город прибыл поезд, его протяжный, ласкавший слух гудок всколыхнул воспоминания обитателей холма.

– Как сейчас помню тот день, – поделилась Катрина с Бёрди Свенсен, – когда вы с Лорддором встречали меня в Спрингфилде.

– Да, все как будто случилось вчера, – сказала Бёрди. – Ты была такая элегантная. Я и подумать не могла, что мы подружимся на всю жизнь.

– И даже дольше.

– Верно, – рассмеялась Бёрди. – И даже дольше.

В тот же год Джин Нордстрём и его приятель Кутер Колверт на спор залезли на водонапорную башню. Набив карман красными воздушными шариками, Джин лез первым, не подавая виду, что до смерти боится. Стоял знойный июль. Наконец взмокшие распаренные мальчишки достигли площадки, оба без сил, но ликующие. В доказательство своей победы они надули и привязали к перилам воздушные шарик. Друзья смотрели на город внизу, и их просто распирало от надежд и мечтаний о славном будущем, расстилавшемся перед ними.

– Знаешь, кем я буду, когда вырасту? – сказал Джин, нынче запоем читавший «Билли Бэньон, репортер-новичок». – Я стану корреспондентом и объезжу весь мир.

– Ух ты! – завистливо вздохнул Кутер. – А меня с собой возьмешь?

– Конечно. Потом я начну издавать собственную газету вроде «Джоплин Глоб», только крупнее! Буду брать интервью у Бейба Рута и президента. Скажи, здорово?

– А ведь если подумать, ты уже в газетном бизнесе, правда? – сказал Кутер.

Джин, подрабатывавший доставкой газет, посмотрел на друга:

– Точно! Мне как-то в голову не пришло. Да, я уже немного газетчик.

На «Тихих лугах» старик Хендерсен первым заметил красные шарики, плясавшие на ветру:

– Вы гляньте! Опять какой-то чертов охламон залез на башню.

Джин и Кутер до волдырей стерли ладони и так обгорели, что к вечеру не могли шевельнуться. Особенно досталось светлокожему Джину – целых два дня он не мог надеть ничего, кроме мягкой пижамы. И все равно парень был счастлив. Они с Кутером прошли испытание на смелость – шарики-то, вон, висят.

Несколько позже Хейзл Гуднайт пришла в ужас, узнав, что дочка ее Ада тоже залезла на водонапорную башню. Девочка получила взбучку за столь опасную и неженственную затею. Однако за Аду вступилась бабушка:

– Что за чушь! Если матушка моя могла утром разродиться в фургоне, а к вечеру сготовить ужин на десятерых мужиков, то правнучка ее может делать все, что ей вздумается.

Этот лихой поступок был лишь предвестником грядущих сумасбродств. Подражая своему идолу Амелии Эрхарт^[7], Ада не раз совершит нечто еще более опасное и неженственное. А вот ее сестра-близнец Бесс мечтала об ином. Она хотела поскорее вырасти, чтобы выйти за Тарзана и жить на дереве.

Решение проблемы

К 1936-му в городе открылось множество новых заведений, и кто-то уже говорил, что Элмвуд-Спрингс превращается в настоящий мегаполис. Конечно, это было преувеличением, однако деловой центр занимал почти два квартала и все больше расширялся. Рядом с почтой Мер л и Вербена Уилер открыли химчистку «Голубая лента», чуть дальше вознеслось новое здание масонской ложи, включавшей в себя благотворительное общество «Странные товарищи». Весной появился современный плавательный бассейн «Прыжок с водопада», и, наконец, напротив «Шведской пекарни Нордстрёма» предлагала починку обуви мастерская, в витрине которой красовался неоновый розовый башмак.

Пекарне Теда и Терты требовалось больше места, теперь она занимала и соседний дом. Тринадцатилетний Джин, недавно получивший значок юного спасателя, вместе со своим другом Кутером подрабатывал в бассейне. В целом народ был счастлив и доволен. Кроме обитателей «Тихих лугов».

В последнее время там возникла непредвиденная проблема. К первым поселенцам добавлялись обычные жертвы сердечных приступов, рака, старости, несчастных случаев и прочего. Холм заселялся споро, отчего возник настоящий хаос.

По прибытии новичка с ним говорили все разом. Кое-кому просто не терпелось поздороваться, и покойники орали, перекрикивая друг друга. Бедняге новопреставленному и без того было непросто осознать свое нынешнее местопребывание, а тут еще этакий гвалт.

Наконец Лордор взял дело в свои руки.

– Я понимаю, друзья, вы рады встрече с близкими, – сказал он. – Однако статус покойника – не повод для разгильдяйства.

В результате было принято решение: с вновь прибывшими говорит кто-то один, официальный, так сказать, встречающий. Все согласились, что лучшая кандидатура на эту должность – мисс Бимер, которая не так давно поселилась на холме, но привыкла управляться с непослушными ребятами. Люсиль много лет преподавала английский шестиклассникам, владеет ораторским искусством. Кроме того, у нее прекрасные манеры и мягкий приятный голос.

Согласно правилу, Люсиль встречает новичков и разъясняет ситуацию. Если нужно, им дается время прийти в себя, после чего в установленной

очередности с ними могут говорить другие. Сначала близкие родственники – матери, отцы, дедушки-бабушки и прочие, затем – мужья, жены и дети, если таковые имеются. Следом – соседи и друзья, за ними – шапочные знакомые. Последними говорят желающие, чтоб их представили новичку.

Конечно, возможны всякие сбои – кто-то, например, не захочет вначале говорить с родичем. Однако нет иного способа навести порядок. К счастью, система сработала прекрасно. И только старик Хендерсен влезал с разговорами, когда ему вздумается.

Ловушка

Все, конечно, читали о преступлениях, совершаемых в Канзасе и других местах, однако в Элмвуд-Спрингс своей полиции не было. Если не считать всякую мелочь, серьезных правонарушений не случалось до 1937-го, когда в городе объявился соглядатай. Новость разнеслась лесным пожаром, встревожив всех и каждого. Несколько раз соглядатая засекали в кустах возле домов, где проживали молоденькие девушки. Но в темноте лица не разглядишь, да и злодей мгновенно смывался. Родителей изводила мысль, что во тьме кто-то шастает и пялится на их дочек. По вечерам некоторые отцы с дробовиком наперевес прогуливались перед домом, надеясь этим отпугнуть подлеца.

Четвертого июля извращенца заметили возле танцшколы – среди бела дня он подглядывал за степи-

сточками, переодевавшимися после шествия. Мэри Чилдресс увидела чей-то силуэт в окне и завизжала. Мерзавец скрылся.

Хейзл Гуднайт терпела почти целый год, а потом на заседании городского совета изложила свой план. Негодяй, сказала она, не раз, наверное, подглядывал за ее дочками в спальне и, учитывая его наглость, определенно заявится снова. Надо устроить ему ловушку: подбросить под окно новенький блестящий четвертак и надеяться, что лиходея его подберет.

Паршивцу невдомек, что на монете имеется метка красным лаком для ногтей, но это будут знать все владельцы магазинов. План единодушно сочли великолепным. Четвертак занял свое место под окном, и город затаил дыхание, замерев в ожидании.

Минуло несколько недель, однако ничего не случилось. А потом субботним утром пятнадцатилетний Лестер Шингл вошел в булочную и шлепнул на прилавок монету в оплату дюжины пончиков. Заметив красную метку, Герта возопила:

– Тот самый четвертак!

Сын ее, четырнадцатилетний Джин, молнией выскочил из подсобки, где работал с отцом, кинулся вслед за Лестером и сграбастал его возле химчистки. Заслышав потасовку, народ высыпал на улицу и узрел картину: Лестер верещит и брыкается, Джин вздергивает его на ноги и кулаком заряжает в нос. Парень осатанел. Среди тех переодевавшихся степисточек

была его подружка, и ему очень не понравилось, что кто-то видел у нее хоть краешек чего-нибудь.

Четвертак я нашел возле почты, заявил Лестер Шингл. Поди докажи, что это не так, но ему никто не поверил. Все были стопроцентно убеждены, что соглядатай пойман.

Сон Элнер

После поимки соглядатая произошло еще одно печальное событие. Беатрис Свенсен долго пыталась забеременеть и наконец понесла. Однако через месяц у нее случился выкидыш.

Беатрис была так безутешна, что Андер, сам сильно переживавший несчастье, попросил Элнер за ней приглядывать, когда она оставалась одна.

Каждый день Элнер приходила к подруге, присаживалась к ней на кровать и брала ее за руку.

– Ох, я так хотела ребенка! – рыдала Беатрис.

– Я знаю, милая, знаю. – Элнер погладила ее по руке.

– Почему это случилось? Я же очень береглась.

– Этого никто не ведает, но ты еще молодая. Успеете нарожать кучу детишек.

– Вряд ли. Врач сказал, что я...

– Да пошел он, старый хрыч! – оборвала Элнер. – Ни черта он не смыслит. Знаешь, нынче я видела сон. В кухне чищу картошку, и вдруг ты звонишь по телефону: «Угадай новость! Я опять в положении!»

– Правда?

– Конечно! А уж тебе-то известно, что мои сны всегда сбываются. Помнишь, мне приснилось, что вы с Анд ером поженились? А?

– Да, помню.

– Вот и не падай духом. Просто верь. Чуток погоди – и увидишь, как оно все будет.

На другое утро Андер от всего сердца поблагодарил Элнер:

– Не знаю, что ты ей сказала, но со вчерашнего вечера она выглядит чуть-чуть лучше.

– Вот и славно, я рада. – Элнер поднялась в спальню подруги, держа в руках черно-белого котенка: – При-и-ве-ет! Твой дружок пришел тебя проводить.

Она никогда об этом не говорила, но искренне верила, что порой забота о живом существе – лучшее лекарство для разбитого сердца.

Все оно как свинка, коли нет в нем свинга

Джаз захватил всю страну, и мэр Тед Нордстрём, уважив многочисленные просьбы, дал команду возвести на берегу озера молодежную танцплощадку.

Мистер Уоррен, хозяин скобяной лавки, развесил гирлянды лампочек и установил четыре динамика. В вечер открытия народу на танцплощадке было битком. Оказалось, и стар и млад обожают отплясывать под музыку джаз-бандов Гленна Миллера, Бенни Гудмана, Томми Дорси и прочих. Тед и Герта выступали в роли распорядителей, а за буфетной стойкой шестнадцатилетний Джин предлагал прохладительные напитки истомленным жаждой танцорам. Старая миссис Грейвли так раздухарилась, что в первый же вечер сломала шейку бедра.

На «Тихих лугах» кое-кто из старожилов поначалу встревожился, услышав громкие джазовые ритмы, доносившиеся с танцплощадки. Но потом многим понравилось долгими летними вечерами смотреть на звезды и слушать музыку.

Лордор и Катрина очень развеселились, впервые услышав «Коричневый кувшинчик» Гленна Миллера, и почти всем пришлось по душе трио сестер Эндрюс. Бёрди Свенсен восторгалась их великолепной гармонией в «Бай мир бисту шейн»^[8].

– У девочек изумительные верха, – говорила она.

Люсиль Бимер особенно любила «Я грущу по тебе» Томми Дорси. Всякий раз ей вспоминался Густав.

В 1939-м после бешеного успеха «Унесенных ветром» все девушки млели от Кларка Гейбла. Двадцатидвухлетняя парикмахерша Тотт Хэгуд даже вышла за Джеймса Дуэйна Вутена (будущего маляра), потому что сочла его похожим на своего кумира. Правда, мать ее говорила, что Джеймс Вутен похож на Кларка Гейбла, как гвоздь на панихиду. Но Тотт не дрогнула. Она была влюблена.

Свадьба прошла хорошо, если не считать того, что папаша Тотт напился вусмерть и не смог сопроводить невесту к алтарю, а Джеймсу в ухо попало рисовое зернышко и свою брачную ночь молодые провели в больнице. В целом же, за исключением этих и других казусов, десятилетие выдалось вполне удачным.

Сороковые
Жизнь набирает ход

Старшему поколению казалось, что жизнь набирает ход с опасной скоростью. Новомодные танцы под джаз, которыми увлекалась молодежь, для стариков были чересчур неистовы. «Из-за этих сосунков, что бешено гоняют в своих ревущих драндулетах, я боюсь перейти улицу», – говорила престарелая миссис Чилдресс.

Однако в общем народ пребывал в хорошем настроении. Франклин Делано Рузвельт готовился к беспрецедентному избранию на третий срок, Депрессия наконец-то сворачивалась, и люди вновь обретали надежду.

Элмвуд-Спрингс обзавелся собственной остановкой автобусов «Грейхаунд» (со знаком на столбе и всем прочим). Магазин Уорренов «Товары для дома» теперь торговал с отсрочкой платежа, и к лету почти каждый городской ребенок стал обладателем роликовых коньков или новенького сине-белого велосипеда марки «Швимм». В июне десятилетний Мэкки Уоррен до полусмерти напугал свою мать Олу, забравшись на водонапорную башню. Мальчуган победоносно одолел подъем, однако через неделю едва не утонул в бассейне, шандарахнувшись головой о площадку вышки для прыжков. К счастью, спасатель Джим Нордстрём вовремя заметил происшествие и за волосы вытащил беднягу из воды.

А вот еще весьма удивительное событие того июня: парикмахерша Тотт Хэгуд Вутен без всякого серьезного обеспечения сумела получить банковскую ссуду и открыть салон красоты. Правда, она не ведала о помощи, оказанной женой банкира Идой Нотт Дженкинс, которая была ее клиенткой, но считала ниже своего достоинства делать прически на заднем крыльце дома Вутенов. Однажды за ужином Ида, нацелившись в супруга сельдерейным стеблем, заявила:

– Герберт, меня не заботит твой дебет-кредит, но у вас, мужчин, есть своя парикмахерская, и я не вижу абсолютно никаких причин, по которым в городе не может появиться салон красоты.

Герберт понял, что придется дать ссуду, иначе ему проедят плешь. Когда Ида целится сельдерейным стеблем, дело серьезно.

Через две недели в салоне красоты Ида Дженкинс, завитая на бигуди,

сидела под новеньким феном и внимательно изучала журнальный опросник.

ПЕРФЕКЦИОНИСТ ЛИ ВЫ?

1. Вы суетливы?
2. Легко возбудимы и нервны?
3. Нетерпеливы?
4. Критикуете других?
5. Ненавидите беспорядок?
6. Тревожитесь о будущем?

Вопросам не было конца. Дочитав анкету, Ида взбудоражилась, поскольку ни разу не ответила «нет». Кто же не хочет быть совершенством?

– Ведь мы не просим у ювелира абы какой бриллиант и не уверяем окулиста, что кое-какое зрение нас устроит, – говорила она. С самого детства Ида не понимала, почему никто не стремится к совершенству.

Этим-то она от всех отличалась. Когда в школе ребята играли в церковь и разбирали роли священника, его жены, дьякона, регента и прихожан, Ида заявляла, что будет Богом, ибо только она знает, как управиться с этой должностью.

Конечно, чрезмерные запросы Иды уже сказывались на ее дочери. В тот год в отчетном концерте школы Дикси Кахилл девочке поручили роль танцующего тюльпана. На представлении Норма сбилась с ритма и в слезах убежала со сцены. Тетка ее, Элнер Шимфизл, пришедшая на концерт, сказала своей сестре Герте:

– Бедняжка, в девять лет уже сплошной комок нервов.

Герта и Элнер отличались от Иды как день и ночь.

Ида была самая красивая из сестер Нотт и, к несчастью, об этом знала. Еще в юном возрасте она решила выйти за сына банкира и подняться в свете. И своего добила. А Элнер так и осталась простой фермершей, которая носит старушечьи башмаки на шнуровке – черные зимой, белые летом.

Ида, желавшая стать законодательницей моды читала все гляцевые журналы. Она хотела одеваться, как дамы в «Макколс» и «Гламуре», и подружилась с мисс Говард, завсегдатаем «Отменной женской одежды» и Универмага братьев Морган, и та держала ее в курсе последних модных новинок.

Норма видела, что мать не особо любит тетю Элнер.

– Ну нельзя же быть такой деревенщиной! – частенько возмущалась Ида. – У нее куры разгуливают по всему дому!

Она стыдилась своих сельских корней и срывала зло на сестре. Хотя родители ее, Генри и Нэнси Нотт, держали свиноферму, Ида всегда делала вид, что этого не было. Норма никогда не видела фотографий бабушки и дедушки. Ида их спрятала вместе с Библией, в которой были записаны даты рождения всех членов семейства. Низенькая толстая немка-фермерша в переднике и костлявый мужик в комбинезоне стоят на фоне свиного загона – не о таком семейном фото мечтала Ида. Она часто пеняла Элнер, в чьем доме снимок этот был выставлен на всеобщее обозрение:

– Если уж не могли приодеться, зачем со свиньями-то фотографироваться? Уму непостижимо.

– Может, и так, но эти свиньи оплатили твою свадьбу, – отвечала Элнер.

Как-то раз она сказала племяннице:

– Знаешь, Норма, я люблю Иду, но... вот, ей-богу, уж слишком она заносчива.

Что правда, то правда. Для Иды идеалом женщины была Элеонора Рузвельт. Конечно, у этой дамы чувство стиля отсутствовало напрочь: одевалась она ужасно, прическа – черт-те что. Но в ней была изюминка. Баба хваткая, исповедующая собственные принципы, прагматичная, она не из тех, кто держится в тени. Прямо как я, считала Ида.

У нее имелись далеко идущие планы для мужа: сперва он станет губернатором штата, затем махнет в Белый дом. К несчастью, Герберта Дженкинса вполне устраивало его положение банкира и жизнь в Элмвуд-Спрингс, что безгранично расстраивало Иду.

– Если б у женщины был хоть малейший шанс на победу, я бы сама пустилась в президентскую гонку, – говорила она.

Бедная Ида. Она родилась не в свое время.

В тот год лето буквально пролетело. Кино продолжало внедрять фасоны и прически. Все женщины хотели фигуру, как у Клодетт Колберт.

Герта Нордстрём особенно. В октябре она опрометчиво притормозила у будки «Узнайте свой вес». Хозяин ее мгновенно и громогласно оповестил весь белый свет:

– Дамочка тянет на сто семьдесят девять фунтов!

На ярмарке члены юношеского клуба «Светлая голова, верное сердце, трудолюбивые руки, крепкое здоровье» получили кучу наград. Элнер Шимфизл заняла первое место в конкурсе «Соленья и варенья». А Мерл

Уилер вырастил самый большой помидор.

Шестнадцатого ноября одиннадцатиклассник средней школы Джин Нордстрём выдал пас для победного тачдауна, и его команда закончила сезон в звании чемпиона трех округов. А там, оглянуться не успели, наступил декабрь.

Как обычно, в Универмаге братьев Морган устроили рождественскую витрину, однако нынче там появились движущиеся фигуры. Оленья упряжка Санта-Клауса ехала по горам по долам, чем всех приводила в восторг. Норма Дженкинс получила ходячую куклу с золотистыми волосами, а Ида – вожденную лису-воротник с пластмассовыми глазами и носом.

В сочельник Джеймс Вутен, муж Тотт, перебрал хмельного гоголь-моголя и упал вместе с наряженной елкой, а в остальном все прекрасно встретили Рождество.

Новый год

Депрессия заканчивалась, и пекарня вновь работала на полную мощь: за стеклянными витринами маячили аппетитные ряды булочек с корицей, пирожных со взбитыми сливками и корзиночек. Народ любил приходить в булочную, где пахнет вкусно, а красивый, выложенный черно-белой плиткой пол блестит такой чистотой, что с него можно есть. Дети так и поступали – бывало, уронят какой-нибудь крендель, с пола подберут и едят, даже не получив замечания от родителей.

В кино Кларка Гейбла сменил новый бабий обморок – Тайрон Пауэр, а все парни хотели стать Джоном Уэйном. Кстати, выяснилось, что не все женщины поголовно мечтают походить на Клодетт Колберт. Майским днем 1941-го, когда недавно созданная женская команда по боулингу шла на тренировку в новеньком спортзале «Голубая звезда», Ада Гуднайт, старшая из близняшек, объявила, что хочет стать актрисой, как ее идол Джоан Кроуфорд. Младшая сестра Ирен подняла ее на смех, но позже их мать сказала:

– Кто его знает? Актерского таланта у нее, может, и нет, но она, бесспорно, девчонка пробивная.

Танцплощадка на берегу озера все так же работала по выходным, а на «Тихих лугах» Бёрди Свенсен заметила:

– Нынешним летом светляков просто видимо-невидимо.

Потом наступил сентябрь. Как обычно, в школе старшеклассники радовались тому, что они выпускники, перваши нервничали, остальные ученики чувствовали себя в заточении и продирались сквозь нескончаемые дни. Однажды в конце ноября одиннадцатиклассница Ирен Гуднайт, вернувшись домой, в гостиной рухнула на диван и простонала:

– Все, я уже не могу, домоводство достало. Если опять велят печь светлый бисквит, меня вырвет.

А потом 7 декабря японцы атаковали Пёрл-Харбор, и жизнь вдруг перевернулась вверх тормашками.

Прямо на другой день все старшеклассники Элмвудской средней школы поехали в Спрингфилд и записались на военную службу; среди них был и восемнадцатилетний Джин Нордстрём, поступивший во флот. Народ себе места не находил. Просто не верилось, что японцы убили столько наших ребят.

«Я не понимаю, что мы им сделали?» – вопрошала Гёрта, и все вокруг согласно кивали. Вербена Уилер заявила, что до конца жизни не прикоснется к китайскому рагу из курицы. Джеймс Вутен так переживал, что три дня проплакал, а потом хотел записаться добровольцем, но не прошел медкомиссию.

Некоторое время город пребывал в шоке. Но затем все парни разъехались по учебным полкам, и горожане постарались быть полезными фронту.

Хейзл Гуднайт организовала группу женщин и старшеклассниц, они ездили в Спрингфилд встречать проходящие воинские эшелоны и подавали горячий кофе и сэндвичи солдатам в вагонах. Испуганные мальчишки, которых везли неведомо куда, бросали из окон бумажные клочки со своими именами и адресами, надеясь, что какая-нибудь девушка им напишет. Некоторые писали и всегда запечатывали конверт поцелуем.

Следующие полгода Сыроварня «Сладкий клевер» работала почти круглосуточно – Лидер Свенсен обеспечивал молоком и сыром расположенные по соседству учебные полки.

Бедные коровы не могли понять, что идет война. Но чуяли какую-то спешку.

Школьники собирали утиль. В июне 1942-го Беатрис Свенсен согласилась возглавить местное отделение Красного Креста. Под ее началом женщины скатывали бинты и собирали посылки, уезжавшие за море. Элнер помогала подруге. Вышло постановление о светомаскировке, и все уличные фонари замазали синей краской. Теперь вечерами город напоминал лунный ландшафт.

– Видать, не зря это, – сказала Руби Робинсон. – Вон, нас ни разу не бомбили.

По возможности тружеников тыла держали в курсе событий. Трижды в день передавали военные сводки, и тогда все, бросив дела, принимали к радиоприемникам. А по воскресным вечерам народ слушал обращение президента.

В конце 1943-го ввели продуктовые карточки. Лимит сахара тяжело сказался на пекарне; весь свой рацион Тед и Герта тратили на кексы и печенье, которые посылали Джину, его закадычному другу Кутеру Колверту и остальным городским ребятам, разбросанным по всей стране. Кутер служил в Нью-Джерси, Билли Эгстрём – в Скотт-Филде, Иллинойс.

Ида Дженкинс, всегда гордившаяся прекрасными камелиями и самшитом в собственном дворе, сама себя назначила ответственной за городские «Сады Победы». Она даже нарядилась в форму защитного цвета

и фуражку с кокардой в виде золотой звезды. Дурь, конечно, но ей очень нравилось в таком виде вышагивать меж грядок и командным голосом отдавать приказы.

Ида хорошо справлялась с работой – всю войну домашние сады и огороды давали отменный урожай.

– Порой она страшная зануда, но когда надо, то в лепешку расшибется, – сказала Вербена Уилер, а кто-то добавил:

– Будь она мужиком, уже дослужилась бы до генерала.

Благодаря давнему приятелю Ада Гуднайт умела пилотировать самолет и теперь в Техасе служила в недавно созданном ЖАПе – женском авиационном полку. Армия крайне нуждалась в летчицах, которые сели бы в машины вспомогательной авиации и тем самым высвободили мужчин для фронта.

Письма были на вес золота. Одна мамаша от радости плясала, когда после долгого ожидания получила от сына, участвовавшего в битве за Мидуэй, весточку в единственное слово: «Окей».

А на другой день счастье привалило Хейзл Гуднайт – она получила письмо от дочери Ады.

Суитуотер, Техас

Дорогая мама,

Прости, что долго не писала. У нас учебные полеты почти 24 часа в сутки. Ты знала, что в Техасе ПЕКЛО? Я тут чуть не сварилась, но зато познакомилась с кучей отличных девчонок. Моя соседка по комнате просто потрясающая, она из Висконсина, зовут ее Фрици Юрдабралински. Летает она лучше всех. Я, пожалуй, на втором месте. Это выяснится после следующего контрольного полета. Привет от меня Бесс и Ирен. Пиши, что у вас нового.

Целую, Ада.

Элмвуд-Спрингс, Миссури

Дорогая доченька,

Наша главная новость – мы безмерно по тебе скучаем. Делаем что можем. Ты бы гордилась своей сестрой Ирен. Полдня она работает на молочной ферме, а твоя сестра Бесс прекрасно справляется в конторе «Вестерн Юнион».

Мистер Эриксен упал с велосипеда и сломал ногу, теперь телеграммы разносит Мэкки Уоррен. Элнер Шимфизл принесла нам две дюжины яиц и

спросила о тебе. Про тебя все спрашивают. Ой, чуть не забыла! На прошлой неделе в кустах перед спальней Ирен я застукала гаденыша Лестера Шингла. Кинулась к нему, но он, сволочь, сбежал.

С любовью, мама.

Сан-Франциско, Калифорния

1943

Ребята вроде бы слонялись бесцельно, однако их, как всех прочих, кому через три недели предстояла отправка на фронт, снедало одно желание. Сан-Франциско буквально кишел солдатами, мечтавшими познакомиться с девушкой. На танцах в Военном клубе было такое столпотворение, что на одну даму приходилось десять кавалеров, и Джин почти распрощался с надеждой.

В тот день он с приятелем Бимисом ошивался перед большим универмагом на Юнион-сквер. Везунчик Бимис уговорил продавщицу на свидание и теперь ждал, когда она закончит смену.

Друзья чесали языком, и когда кто-то вышел из вращающихся дверей, Джин мельком углядел девушку за прилавком парфюмерного отдела.

– Ладно, пока, старина, – сказал он, решив купить флакончик духов для матери.

В ближайшие дни его мать, тетя Ида, тетя Элнер и даже маленькая кузина Норма получают по флакону духов в красивой упаковке из универмага «Исаак Магнии». После некоторых усилий Джин добился свидания. Звали ее Мэрион.

Чтобы впечатлить девушку, он задумал ужин с танцами в «Макушке Марка» – фешенебельном ресторане на девятнадцатом этаже отеля «Марк Хопкинс», откуда открывался великолепный вид на город. Джин был в синей морской форме, Мэрион – в бледно-лиловом платье и с белой гарденийей в волосах. Всякий, кто взглянул бы на эту пару за круглым столиком у окна, сказал бы, что парень по уши влюблен.

Сан-Франциско

Дорогие родители,

Когда вы получите это письмо, мы уже уйдем из Сан-Франциско. Простите, что не дал вам времени приехать на свадьбу. Мы просто быстренько расписались. Не переживайте, вот вернусь и отпразднуем как надо. Жду не дождусь, чтобы вы познакомились с Мэрион. Вы обалдеете, какая она красивая. Извините, что не написал раньше, но в последние дни было много всякой бумажной мороки – оформление моего аттестата на Мэрион и прочего. Ей-богу, все совсем по-другому, когда ты – женатый человек. Я ужасно счастлив и просто парю в облаках.

Ваш ошалевший от любви сын.

P. S. Спасибо тете Элнер за соленья.

Война

Заканчивался 1943-й, война набирала обороты. Бесс Гуднайт теперь заведовала отделением «Вестерн Юнион», поскольку прежнего начальника забрали в армию.

Призывали всех, кого только можно. Даже сильно близорукий киномеханик Снуки Пикенс, кому уже стукнуло тридцать два года, получил повестку – через две недели явиться в учебный полк. Он спешно натаскал Джеймса Вутена себе на замену, но тот оказался косоруким. Когда Джеймс крутил кино, изображение частенько съезжало с экрана на стенку.

Еще летом прекратились танцы по выходным. Кавалеров не осталось, кроме Лестера Шингла и нескольких стариков.

К десяти утра в витрине «Вестерн Юнион» вывешивались списки погибших уроженцев Миссури. У Бада Эгстрёма, воевавшего в Первую мировую, сын служил на Тихом океане, но он не знал, где точно. Каждый день вместе с другими горожанами, у кого сыновья были в армии, он приходил к витрине. Затаив дыхание, люди читали списки. Не найдя сына в числе убитых и пропавших без вести, Бад шел в церковь – сказать «спасибо».

К 1944-му вся продукция Голливуда была о войне. Мультяшные герои Багз Банни и Даффи Дак призывали граждан не транжирить драгоценный бензин, столь необходимый фронту. Такие кинозвезды, как Джимми Стюарт и Генри Фонда, воевали, другие с концертами ездили в войска. Кумиры публики катались по стране и распространяли облигации военного займа.

В мае 44-го кинозвезда и уроженка Миссури Джинджер Роджерс разъезжала по Среднему Западу, продавая эти облигации. Когда стало известно, что она заглянет в Элмвуд-Спрингс, город обезумел. По такому случаю мистер Уоррен с помощниками сколотили эстраду перед входом в кинотеатр.

В день приезда мисс Роджерс главная улица до предела была забита взволнованным народом со всей округи.

Кинозвезда появилась около трех часов дня, выглядела она в точности как на экране, только лучше. Толпа завопила, школьный оркестр заиграл «Ура Голливуду!». Мэр Тед Нордстрём гордо преподнес кинодиве ключ от города. После торжественной части на эстраду выбежали воспитанницы Дикси Кахилл, чтобы под мелодию «Чудесный денек, верно?» исполнить

танцевальный номер, специально подготовленный в честь звездной гостьи.

Еще до выхода на сцену тринадцатилетняя Норма Дженкинс вся испереживалась, поскольку Джинджер Роджерс была ее самой любимой актрисой. Во время танца она подняла взгляд и, увидев своего кумира живьем, лишилась чувств. Взбешенная Дикси Кахилл утащила ее с эстрады.

– Бедняжка не выдержала такой близости к величию, – сказала тетушка Элнер.

Победное письмо

1945

Дорогие мама и папа,

Наверное, Мэрион написала вам о малышке. Теперь вы бабушка и дедушка, ваша внучка весит восемь фунтов семь унций и ростом двадцать два дюйма. Зовут ее Дена Катрина Нордстрём. Я – отец, представляете? Вы видели ее фото? Красавица! Я уверен, в 1965-м она станет «Мисс Америкой». Добавилась еще одна веская причина скорее покончить со здешней заварухой. Все женатые ребята, у кого есть дети, думают так же, это придает нам сил.

Джин.

P. S. На прошлой неделе погиб мой друг Бимис.

Иводзима, Япония

1945

Еще слышались разрозненные выстрелы, когда санитар подполз к убитому. Сдернув с него воинский медальон, он затолкал его солдату в рот и пополз дальше.

Работа грубая. Бывает, сломаешь мертвецу зуб или порвешь губу. Но иначе не разобраться, кто есть кто, когда вокруг столько трупов, разодранных в клочья. С поля боя убитых и раненых выносили в спешке, медальоны часто терялись, и тогда случались ошибки. А это самый верный способ, чтобы солдат прибыл домой по адресу. А то уж сколько раз бывало, что родители получали чужого покойника.

Дай-то бог, чтоб парень добрался домой благополучно, подумал санитар. У него хорошее лицо. Наверное, он из хорошей семьи.

Элмвуд-Спрингс

Город исправно соблюдал светомаскировку и даже создал пожарную дружину, хотя, по правде, никто не верил, что их могут бомбить. Войну видели в кинохронике, о ней читали в газетах, однако она была так далеко, что сюда ей не дотянуться.

Но потом воскресным утром 45-го пятнадцатилетний Мэки Уоррен, служивший в «Вестерн Юнион», оседлает велосипед и доставит телеграмму, которая навеки изменит человеческие жизни. И почему же именно в воскресенье?

Сан-Франциско, Калифорния

Когда он очнулся, было темно, снизу доносился громкий лязгающий перестук. Судя по тряске, он вроде бы куда-то ехал. Но где он? В госпитале? Или все еще на берегу?

Двадцатидвухлетний матрос первого класса Джин Лорддор Нордстрём старался понять, что происходит. Последнее, что помнилось, – охваченный страхом, он бежит по берегу, а потом... ничего. И вот тут, ощутив медальон во рту, Джин понял, где он. Твою мать, он мертвый! Поезд везет его тело на родину.

Ну хоть что-то. Некоторые ребята навеки остались в чужих краях. Потом накатила паника: минутку! Ведь я женат. У меня дочка. Что с ней-то будет? О господи. Хватит ли семье моей военной страховки? Пришла мысль о Мэрион: любимая, я так мало побыл с тобой.

Через два дня поезд, скрежетнув колесами, остановился и мужской голос крикнул:

– Элмвуд-Спрингс!

По-прежнему было темно, но чуть погодя по составу загремели двери товарных вагонов. Джина охватило нетерпение: ну же, я здесь. Наконец подошли к его вагону. Железная дверь с лязгом отъехала, внутрь ворвался солнечный свет. Двое мужчин залезли в вагон и подошли к Джину.

– Этот, точно? – спросил один.

– Ну да, вон же бирка – Нордстрём, Элмвуд-Спрингс, Миссури, – сказал другой. – Только Эд велел его не трогать, пока не подойдут родные.

Один мужчина закурил. Ох, как вкусно пахнет табаком, подумал Джин. Затем послышались шаги и чей-то голос сказал:

– Давайте, ребята, выносите.

Джин почувствовал, как его поднимают, укладывают на что-то плоское и выносят на улицу. Скосив глаза, он увидел родителей и тетю Элнер. Накатила радость, хотелось гаркнуть: «Эй, привет!» – но родные, безмолвные и напряженные, просто шли рядом с тележкой, на которой его везли по платформе. «Ну скажите хоть что-нибудь! – думал Джин. – Это же я. Я вернулся». Но в ответ только шарканье шагов и скрип колес. Вдоль платформы стояли люди, молчаливые и неподвижные. Мужчины сняли шляпы, Хейзл Гуднайт зажала рукой рот; когда процессия с ней поравнялась, она погладила мать по плечу.

Похороны были с воинскими почестями. Когда солдат снял с гроба

американский флаг и, свернув, передал Герте, Джин наполнился гордостью, но сразу отвел взгляд – смотреть на мать было невыносимо. Потом он, видимо, задремал и очнулся, когда его уже опускали в могилу. Через мгновение чей-то очень знакомый голос произнес:

– Здравствуйте, молодой человек. Добро пожаловать на «Тихие луга».

– Мисс Бимер? Это вы? Помните меня? Я – Джин Нордстрём. Вы вели наш шестой класс.

– Конечно, я тебя помню, малыш Джин. Но как ты здесь оказался?

– Меня убили на войне, мисс Бимер.

– Не может быть! Боже мой! Вот уж родителям-то горе.

– Да, мэм, горюют сильно.

– А как же иначе? Помнится, я сказала твоей матери: миссис Нордстрём, говорю, у меня еще не было такого милого ученика, как ваш Джин. Прими мои соболезнования.

– Спасибо, мэм. Я тронут.

– А как же это случилось, дорогой?

– Меня подстрелили, но было совсем не больно.

– Правда? Вот поди знай, что тебя ждет в жизни, да?

– Верно сказано, мэм.

Рядом кто-то сопел.

– Кто это здесь, мисс Бимер?

– Юстус Перси Хендерсен. Любит прикидываться спящим, – сказала Люсиль и громко спросила: – Вы не спите, мистер Хендерсен?

– Уже сплю, – буркнул старик.

– К нам прибыл Джин Нордстрём, мой бывший ученик.

– Здравствуйте, сэр, – сказал Джин.

Мистер Хендерсен снова что-то буркнул, потом спросил:

– Что это за форма?

– Я военный моряк, сэр. Вернее, был.

– Он погиб на войне, мистер Хендерсен, – сказала Люсиль.

– На какой еще войне?

– На Второй мировой.

– На второй? Значит, была еще одна? И с кем теперь мы дрались?

– С Германией и Японией, – ответила Люсиль.

– С немцами? Вот зараза. Однажды мы им уже накостыляли. Опять, что ли, сунулись? Хотя таких сволочей еще поискать. И с кем, говорите, еще?

– С Японией. Вы что, не слышали наших разговоров о войне?

– Недосуг мне слушать вашу глупую трескотню. Япошки... хм... ну

это ерунда. С коротышками валандаться недолго.

– Да, сэр, но их целая прорва, – сказал Джин.

Люсиль решила сменить тему:

– Я давеча говорила, что Джин – самый милый из моих учеников. И родители его, кстати, очень милые люди. Тетя Элнер тоже у меня училась.

– И что, вся эта куча родственников сюда припрется? – проворчал старик.

– Дадим мальчику отдохнуть, мистер Хендерсен. Он с дороги.

Помолчали.

– Мисс Бимер? – окликнул Джин.

– Да, милый?

– Вы слышали, что я женился?

– Нет, дорогой. Девушка местная? Я ее знаю?

– Нет, мэм, она не здешняя. Но вам понравится. У меня и дочка есть. Я еще не видел ее, но, знаю, они скоро меня навестят.

– Вот и хорошо, есть чего ждать, правда?

– Так точно, мэм.

– Давай-ка поспи немного. Ты же, наверное, измотался?

– Да уж.

– Я разбужу, если кто-нибудь придет.

– Спасибо. Я вот поджидаю жену с дочкой, и если вас не затруднит...

– Не волнуйся, у меня чуткий сон. Не просплю. Дам знать, как только они явятся.

– Благодарю.

Джин закрыл глаза и, проваливаясь в сон, успел подумать: в жизнь не поверил бы, если б кто сказал, что я буду покоиться рядом со своей бывшей учительницей.

Его смерть ошеломила город. «Шведская пекарня» не работала, на ратуше спустили флаг. Он стал первой военной потерей, ранившей почти каждого жителя. Парень рос у всех на глазах. Он подстригал соседские лужайки, доставлял газеты, играл квотербека в футбольной команде. Печаль охватила всех, даже подростков, которые никогда с ним не встречались, но теперь видели его фотографию в витрине булочной. Люди не знали, какими словами поддержать Герту и Теда. И просто оставляли записочки на крыльце – как знак, что они разделяют их горе. Элнер считала, лучше вообще ничего не говорить. Да и что тут скажешь?

Когда Джин уехал в учебный полк, Герта ничего не трогала в его

комнате. Все те же картинки на стене, кровать застелена все тем же покрывалом. Казалось, комната ни о чем не ведаёт и с минуты на минуту ждёт возвращения хозяина.

Каждый день Терта сидела в спальне сына и смотрела на его вещицы: игрушечную машинку на столе, модель самолёта, подвешенную к потолку, коробку с шариками, сломанного матросика на ниточке. Они не могли вернуть Джина, однако напоминали о днях, когда все было хорошо.

Президент банка Герберт Дженкинс выждал пару недель и скрепя сердце пошёл к свояченице. Разговор предстоял тяжёлый, для Теда и Герты особенно.

Герберт взял на себя смелость закрыть счёт Джина, который тот завёл в двенадцать лет. Парень откладывал все деньги, заработанные после уроков и на каникулах. Накопилось почти восемьсот долларов.

Дженкинс попросил Герту и Теда сесть и вручил им чек:

– Я подумал, они вам понадобятся... на что-нибудь.

– Я и не знал. – Тед разглядывал чек. – А точно это деньги Джина? Тут так много.

– Конечно, его. Да ещё за столько лет проценты набежали.

Герта взглянула на мужа:

– Деньги пойдут Мэрион. Отдадим ей, когда приедет.

– Она к вам собирается?

– Да, как только малышка подрастет для поездки.

– Вот и хорошо, это возместит ей расходы и прочее.

– Спасибо тебе, Герберт, что озаботился.

– Не за что. Если что нужно, только дайте знать. Ида вам кланяется.

Герберт не сказал, что они с Идой добавили двести долларов. Мало кто знал, но Ида, вопреки всем её закидонам, бывала почти сердечной.

Вот и свиделись

Джин Нордстрём проснулся и услышал веселый голос Люсиль Бимер:

– С добрым утром! Как самочувствие? Немного отдохнул?

– Да, мэм.

– Тут к тебе целая очередь.

– Неужто?

– Да. Лордор, прошу.

– Здравствуй, Джин. Я твой дедушка. Ты меня никогда не видел, я умер до твоего рождения. Ну что ж, добро пожаловать, внучок.

– Ух ты! – удивился Джин. – Здравствуйте, сэр. Приятно познакомиться. На представлении ко Дню основателя я вас изобразил.

– Да, мисс Бимер поведала. Говорят, ты был хорош в этой роли.

– Папа столько всего о вас рассказывал... и мама тоже... какой вы замечательный человек. У нас в гостиной висит ваше фото.

– Правда? Это какое же?

– Ну такое... Вы на нем в черном костюме и котелке...

Послышался смех, и женский голос сказал:

– Уж я-то прекрасно помню этот снимок. Привет, мой дорогой, я твоя бабушка.

– Бабушка Катрина?

– Она самая.

– Ой, просто не верится! Я и подумать не мог, что когда-нибудь с вами встречусь.

– Понятное дело. Чудеса, правда?

– Не то слово. Бабушка... э-э... а можно я кое о чем спрошу? Это всегда не давало мне покоя.

– Конечно, милый.

– Вас вправду выписали по почте или папа все выдумал?

– Не выдумал, чистая правда.

– Все так и было, – поддержал Лордор.

– Ничего себе... И как это происходило?

– Понимаешь, мы сговорились по переписке. Но бабушка с ходу сразила меня своей фотографией.

– Ясно. Ничего удивительного. Бабушка, я видел ваш старый снимок, вы там сногшибательно красивы. А как вам понравилось дедушкино фото?

– Он меня покори́л своим аккуратным видом.

– И вы сразу поженились?

– Нет, не сразу, – ответил Лордор. – Надо было получше узнать друг друга.

– Знакомство даже слегка затянулось, – рассмеялась Катрина.

Весь день Джина приветствовали давние знакомые. Конечно, все они были старше его, как, например, школьный тренер:

– Здорово, парень! Милости просим в нашу команду. Я – Криди, твой бывший тренер.

– Тренер? И вы здесь? Я не знал, что...

– Да, понимаешь, сердчишко подвело – бац, и встало. Уж скоро год как.

– Сочувствую вам.

– Спасибо... Знаешь, я ужасно тобой горжусь. Морпех. Всегда верен долгу. Я был среди провожающих, когда ты уезжал в учебку.

– Да, сэр, я помню.

– Ну и как она, служба? Тяжко?

– Да, сэр.

– Но ты справился?

– Так точно.

– Погиб в бою?

– Да, сэр.

– Молодца. Как считаешь, мы их одолеем?

– Без вопроса, сэр.

– Вот это дух! – одобрил тренер и добавил во всеуслышание: – Этот парень был лучшим квотербеком за всю историю города и стал отличным моряком!

Джин поразился, сколько людей его помнят, но, конечно, главное потрясение – встреча с дедом и бабушкой. В доме о них говорили часто, но он никак не ожидал, что свидится с ними. А кто бы такое ожидал? И еще один сюрприз, о котором никто не упоминал: у обоих предков был сильный шведский акцент.

Перед тем как пожелать ему спокойной ночи, Люсиль Бимер сказала:

– Чудесно, правда? Все так тебе рады.

– Да, мэм, чудесно. Но я все же не пойму. Меня же убили. Так почему я живой? И все остальные живые. Как-то оно не укладывается.

– Вполне естественно, милый. Все мы через это прошли. Как же

лучше-то объяснить? Мертво лишь твоё тело, а суть твоё по-прежнему жива. Понимаешь?

– Ну вроде бы...

– Я тоже над этим ломала голову, но теперь перестала. Никто не ведает, как это случилось. Я просто рада, что оно произошло. Послушай, Джин... раз уж ты теперь наш, тебе надо ещё кое-что узнать о «Тихих лугах».

– Что, мэм?

– Этому тоже нет объяснения, но бывает, что кто-нибудь из здешних обитателей вдруг исчезает.

– То есть?

– Ну вот был человек, а потом – раз, и нет его. Как будто растаял. И уже не возвращается. По крайней мере, ещё никто не вернулся.

– Да уж, странно.

– Я не хочу тебя огорчать, просто уведомляю, чтоб это, случись вдруг, не застало тебя врасплох. Спокойной ночи, милый.

– Спокойной ночи.

Джин устал, однако заснул не сразу. Слова о внезапных исчезновениях его слегка растревожили. Пока не ясно, хорошая эта новость или плохая. Как бы то ни было, в смерти очень много неожиданного.

Малышка

Прошло несколько месяцев, и Мэрион с девочкой выехали в Элмвуд-Спрингс. Ну слава тебе господи!

На вокзале их встречала целая делегация: Тед, Герта, Элнер, Ида и Норма. Все они знали гостей по фотографии и вот наконец-то увидят живьем.

По такому случаю Ида купила новые наряды себе и Норме, хотя Мэрион даже не приходилась ей невесткой.

– Очень важно, чтобы первое впечатление о нас было хорошим, – сказала она мужу. – Как-никак девушка из Сан-Франциско. Не дай бог, Элнер заявится в старом домашнем платье и башмаках на шнуровке.

Разумеется, Элнер именно так и вырядилась.

И вот долгая поездка с двумя пересадками закончилась, гости прибыли на конечную станцию.

– Вы только посмотрите на эти голубые глазки и светлые волосики! – воскликнула Элнер, едва увидев малышку. – Ну просто копия папы – Джин!

Мэрион полностью соответствовала описаниям Джина: очень красивая и столь же застенчивая. По дороге с вокзала она не проронила ни слова и только улыбалась, глядя на новых родственников, по очереди державших малышку на руках. Джин рассказывал ей о своей семье и, оказалось, ни капли не приукрасил. Люди милые и дружелюбные – в точности какими он их представил. Когда Джин описывал тетю Иду, Мэрион думала, он шутит. Ан нет, никакая это не шутка. Всю дорогу до дома Ида говорила не смолкая.

В воскресенье всей семьей они пошли на «Тихие луга». Элнер подвела Мэрион к могиле Джина.

– Вот он, дорогая, – сказала она и обратилась к холмику: – Здесь твои жена и дочка... приехали к тебе из Сан-Франциско.

Джин прекрасно ее слышал; подняв взгляд, он впервые увидел свою дочку.

Конечно, одиннадцатимесячная Дена Катрина Нордстрём не могла понять, зачем Терта с Тедом возят ее по городу и показывают всем и каждому, но у людей, видевших, что частица Джина по-прежнему с ними, светлело на душе. И вскоре опять заработала пекарня.

Август 1945-го

Обитатели «Тихих лугов» услышали суматоху в городе (гудели клаксоны, звенели колокола), но не поняли, что происходит. Потом все стихло, и они вновь забеспокоились о положении на фронте. И тут, к счастью, объявился мистер Альберт Снейвли, посредством лопнувшего аппендикса переселившийся на «Тихие луга». Узнав последние новости, покойники оторопели.

– Что-что? – переспрашивали они.

– Атомная бомба... заряд небывалой силищи. Немцы сдались, а япошки уперлись. И тогда мы скинули эту бомбу. Они все равно воюют, и старина Гарри Трумен говорит: «Ах так? Ну ладно». И бабах – вторую. В мгновение ока япошки сдались как миленькие.

– Так что, война закончилась? Мы победили?

– Да!

По кладбищу пронесся общий вздох облегчения.

– Наши мальчики вернутся домой? – спросила Катрина.

– Со дня на день.

– А как там Ада Гуднайт? – осведомился кто-то. – Все летает?

– Да нет, уже вернулась и привезла мужа.

– Иди ты? Это ж надо!

– Ты был прав, Джин! – крикнул тренер Криди. – Мы победили! Наша взяла!

Через несколько дней Джина Нордстрёма навестили. С Кутером они дружили с пятого класса, когда семья Колвертов перебралась в Элмвуд-Спрингс. И вот теперь по кладбищу шел худой рослый парень двадцати двух лет, все еще в военной форме.

Кутер постоял над могилой, потом сдвинул фуражку на затылок и присел на корточки.

– Привет, дружище. Я только что приехал... и твоя мама сказала, где тебя найти. Черт, почему это выпало именно тебе? Лучшему из лучших. До сих пор все по тебе горюют. В витрине булочной так и стоит твое фото, а на доме – золотая звезда. Знаешь, я просто хотел сказать спасибо за то, что ты настоящий друг. В смысле, я не могу поверить, что именно тебя больше нет. Блин... наверное, ты занял мое место... Я же охламон, а ты... все думали, ты вернешься... и вот... Если бы ты со мной не цацкался и не вытаскивал из разных передраг, я не знаю... Но я исправлюсь, Джин,

обещаю. Зуб даю. Я постараюсь прожить хорошую жизнь... за тебя. Твой отец говорит, тебя представили к награде, – круто, да, кореш?.. Я слышал, ты женился на офигенной красотке. Тебе всегда доставались симпатичные девчонки. Вот... не знаю, что еще сказать... О своих не беспокойся. Я за ними присмотрю. – Кутер вздохнул и покачал головой. – Хочется верить, ты погиб не зря. Только... почему – ты... ты...

Кутер расплакался, как маленький. Он думал, вокруг никого нет.

Потом он ушел, а Джин размышлял над его словами. Напрасной была моя смерть или нет? – спросил он себя. Если б все начать сызнова, я бы так же поступил? Подсластить пилюлю не получилось. Хотелось бы пожить подольше. Побывать мужем и отцом. Чертовски жаль, что его убили, но прошел бы он через это снова? И ответ был – да, прошел бы. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: жизнь потеряет смысл, если в мире не останется ни одной свободной страны. Удивительно, что его представили к награде. Интересно, какая это медаль и за что? Джин не числил за собой особых подвигов.

За военные годы Сыроварня «Сладкий клевер» почти утроила производство и стала самой крупной фермой штата. Продукцию, над которой трудились более сотни наемных работников, развозили тридцать восемь грузовиков, и сыроварня все расширялась. Лидер и Беатрис Свенсен переехали в двухэтажный каменный дом, купили новую машину. Теперь у них было все, о чем мечтает супружеская пара. Все, кроме ребенка.

В конце сентября Элнер Шимфизл под краном промывала стручковую фасоль, и тут зазвонил телефон.

– Алло?

– Ты чистишь картошку? – спросила Беатрис.

– Да нет, фасоль вот налущила, а что?

– Помнишь свой сон?

Секунду Элнер соображала.

– Да ты что! Неужели?

– Да. Я только что от врача.

Элнер так обрадовалась за подругу, что тут же в кухне отплясала джигу.

Супруги уже давно распрощались с мечтой о ребенке, когда вдруг врач объявил, что на тридцать шестом году Беатрис опять забеременела. От счастья Лидер и Беатрис просто обезумели.

Через неделю они полетели в Чикаго, где в универмаге Маршалла Филда закупили приданое младенцу – новомодные одежды, коляску, кроватку от Матушки Гусыни – и буквально опустошили отдел игрушек. Продавцы угорали от радостной пары, явно из провинции. Всех мужчин Лидер одарил сигарой, а продавщиц – корсажным букетиком. Все покупки были в двух экземплярах – розового и синего цвета. Ребенок будет окружен любовью и заботой, как принц или принцесса. Супруги не знали, кто у них родится. Но им было все равно. Главное – будет ребенок.

В это самое время в съемной квартире чикагского дома с грязной расшатанной лестницей черного хода сидела женщина, беременная уже шестым ребенком. Вот только переполняло ее не счастье, но отчаяние.

Она ужасно устала. Дети рождались каждый год, и конвейер этот никак не остановить. Священник говорил, даже помыслить о том – грех. Женщина высунулась в окно – глянуть простыни и пеленки, сушившиеся на веревке, растянутой меж домами, и вдруг сморщилась от боли. Родится мальчишка. Ишь как пинается. До срока еще месяц, а ему невтерпеж – прям как его папаше. Будет как все пацаны – голодный, злой и драчливый.

Два разных ребенка готовились появиться на свет. Две разные жизни. Шансы, что когда-нибудь они пересекутся, были ничтожны, если не равны нулю.

Девочка!

Хотя возникли кое-какие осложнения, долгожданный ребенок благополучно родился. Прелестную кареглазую девочку назвали Ханна Мари. Андер и Беатрис были на седьмом небе. По случаю рождения дочери Андер выдал всем работникам по пятьдесят долларов премии и запланировал грандиозное торжество.

«Господи ты боже мой! – говорил кое-кто. – Можно подумать, у них первых на свете родился ребенок!»

Праздник устроили дома, все жители получили розовую открытку, перехваченную белой лентой:

*Милости просим поприветствовать
МИСС ХАННУ МАРИ СВЕНСЕН
во вторник с 2 до 5 пополудни*

Через год городские дети снова получили розовые открытки:

*Сердечно приглашаем вас отметить первый день рождения
МИСС ХАННЫ МАРИ СВЕНСЕН
Сувениры, игры и мороженое от пуза!*

Пришли все дети. Новорожденная их интересовала не особо, но мороженое от пуза – такое бывает раз в жизни. Родители привели своих чад охотно. Свенсенов любили, да и дом их очень нравился. Всех впечатляла самая красивая мебель, какую только купишь за деньги, и величественная лестница на второй этаж.

– Ей-богу, Беатрис, у нас с тобой абсолютно одинаковый вкус! – восклицала Ида Дженкинс, переходя из комнаты в комнату.

Вечером она спросила мужа, почему у них нет такой лестницы, как у Свенсенов.

– Потому что наш дом в один этаж, – ответил Герберт.

– А нельзя надстроить второй?

– Можно, если купаться в деньгах. Я работаю в банке, но это не означает, что я им владею.

– Но ты же его президент. Мог бы выдать себе ссуду.

Герберт вздохнул. Он любил Иду, но жена его совсем не разбиралась в финансах.

Улыбающаяся мордашка годовалой Ханны Мари украшала все грузовики, развозившие продукцию сыроварни. Народ ждал приглашения на второй день рождения. Но не получил.

Кое-то уже подметил неладное. И втихомолку это обсуждал. Прямо никто ничего не говорил, но Ханна Мари отличалась от других детей своего возраста.

Поначалу родители ее не обращали внимания на досужую болтовню и делали вид, будто все в порядке, но вскоре всем стало ясно: с девочкой что-то не так.

Клиника Мейо

Конечно, они догадывались. В клинике Мейо Лидер и Беатрис сидели в кабинете отоларинголога. Он лишь облек их подозрения в слова, однако услышать их было тяжело.

– Ваша девочка совершенно глухая, – сказал врач.

Сокрушительный приговор. Они все-таки надеялись, что это просто излечимое расстройство слуха.

– Деньги – не проблема, доктор, – сказал Лидер. – Операция или какое-нибудь лечение не помогут?

Врач покачал головой:

– К сожалению, нет.

Девочка поняла, что родители чем-то очень расстроены, и погладила маму по щеке.

– Она сможет говорить? – спросил Лидер.

– Нет. От рождения глухие не ведают, что такое речь. Они видят шевелящиеся губы, но в их мире царит тишина. Ваша девочка очень смышленная, у нее абсолютно нормальное развитие. Господи, одна улыбка ее чего стоит! Есть много школ для глухих, где ребенок обучится языку жестов, чтению по губам... После определенной подготовки она сможет жить самой обычной жизнью... выйти замуж, родить детей... как многие глухие люди.

– Вы вправду думаете, что она сможет выйти замуж? – спросила Беатрис.

– Не вижу никаких препятствий, – улыбнулся врач. – Надо просто подождать и надеяться на лучшее.

Новость – все, что пригодно к публикации

После демобилизации Кутер Колверт женился на давней подружке, а затем, получив некоторую помощь от тестя, стал издавать газету.

Поразмыслив, он назвал ее «Курьер Элмвуд-Спрингс». Не бог весть как оригинально, однако город, прежде не имевший собственной газеты, взбудоражился, и все предприниматели обещали купить место для своей рекламы.

В первый же рабочий день на пороге редакции возникла Ида Дженкинс.

– Ну вот что, Кутер, – сказала она. – Тебе, конечно, потребуется колонка светской жизни, и я охотно предлагаю свои услуги обозревателя.

Кутер не знал, что в Элмвуд-Спрингс существует светская жизнь, но отказывать не стал. Тем более что Ида уже написала первую заметку и заготовила свою фотографию.

О ЧЕМ ВЕСЬ ГОРОД ГОВОРИТ

колонка миссис Иды Дженкинс

Всем привет! На этой неделе весь город говорит о великолепном суаре, которое устроили мистер и миссис Свенсен, хозяева нашей любимой Сыроварни «Сладкий клевер». Торжество посвящалось трехлетию их прекрасной дочери мисс Ханны Мари Свенсен. Что касемо фасонов и стиля, с дуэтом матери и дочери Свенсен никто не сравнится. В прелестном розовом платье с оборками Ханна Мари являла собой превосходную иллюстрацию того, как выглядит хорошо одетая девочка. А бледно-голубое вязаное платье выгодно подчеркивало стройную фигуру ее мамы Беатрис. Папочка Андер просто лопался от гордости. Приемы Свенсенов всегда великолепны, на них кого только нет. В числе гостей была Элнер Шимфизл, давняя подруга хозяйки дома.

День поминовения

1949

Около шести утра сторож Дж. Дж. Бэллантайн обошел кладбище и поставил американский флажок на каждую ветеранскую могилу. Маленький символ, который значил многое, для погибших ребят особенно. Они себя считали зрелыми мужчинами, но как маленькие радовались проявленному вниманию.

Джин проснулся рано и с нетерпением ждал прихода родных. Судя по солнцу, уже натикало примерно половину десятого. В прошлом году родители привели малышку Дену. Джин надеялся снова ее увидеть.

Вскоре он услышал машины, заезжавшие на кладбище, и по звуку мотора тотчас узнал большой черный «плимут» тридцать шестого года выпуска, которому отец не изменял. Вот мотор смолк, захлопали дверцы, слышались шаги. Как всегда, мама шла первой, остальных отец придерживал, давая ей возможность подойти к могиле, положить ладонь на белый крест в изголовье и сказать: «Ну здравствуй, мой хороший».

Казалось, Джин чувствует ее руку. Как в детстве, когда прохладная мамина рука отгоняла страхи, унимала жар и одним своим прикосновением убеждала, что все хорошо.

– Я скучаю по тебе, сынок.

– И я ужасно соскучился, мама.

Подождал отец, немного постаревший. У него наметилось брюшко, но кто за это осудит пекаря?

А вот и тетя Элнер. Но где же Дена? Лето она всегда проводит у бабушки с дедушкой. Джин забеспокоился, но тут увидел, как дочка выскакивает из машины и тянет за собой его кузину Норму. Та разговаривала с каким-то незнакомым рыжим парнем спортивного вида. Дочка выпустила руку Нормы и побежала к бабушке с дедушкой. Ох, как она выросла! С прошлого года на несколько дюймов! И правда вылитый он в этом возрасте – точно такие же светлые волосы и голубые глаза. Тетя Элнер приобняла внучатую племяншку:

– Вот здесь твой папа, роднуля. Можешь с ним поговорить.

Девочка озадаченно перевела взгляд на могилу:

– А куда смотреть?

– Это неважно. Он тебя слышит.

Дочка потопталась, Джину ужасно хотелось ей помочь.

– Ну, милая, скажи что-нибудь, – мысленно произнес он. – Я услышу, душенька.

– Давай расскажи, какая ты стала большая, – подсказала тетя Элнер.

Девочка повернулась к могиле и вытянула руку с четырьмя выставленными пальчиками:

– Мне вот столько.

У Джина защипало в глазах.

– У меня есть котенок. Почему ты не приходишь домой?

Тетя Элнер погладила ее по головке:

– Он бы пришел, маленькая, если б мог. Но папа тебя любит и с неба смотрит на тебя.

– Верно, – согласился Джин. – Скажи, я *хотел* вернуться домой.

– Ты, наверное, хочешь сказать папе, что любишь его?

– Да, тетя.

– Ну давай, скажи.

Дена пригнулась к могиле и громко крикнула:

– Папочка, я тебя люблю!

Джин рассмеялся, чтоб не заплакать.

От машины окликнула Терта – просила помочь донести цветы и сумки.

Катрина, счастливая встречей с родными, сияла:

– Наша малышка просто красавица, сынок!

– И не говори! Высокая будет.

– Уж это да.

Джин обрадовался, что корзина с цветами, которую родичи поставили на могилу, была даже больше прошлогодней. Во всяком случае, не меньше. Он боялся одного: что его забудут.

Только сейчас Джин заметил, какой миловидной стала Норма. Теперь он узнал и парня, что приехал с ней, – Мэкки Уоррен, сын хозяина «Товаров для дома». Ишь как вымахал. Джин помнил его тощим пацаненком, которого он учил плавать. У него еще плавки все время сползали. Видимо, теперь он «парень» Нормы – вон как она не спускает с него влюбленных коровьих глаз.

Под теплым солнышком Джин задремал, разбудила его хлопнувшая крышка багажника отцовской машины. Тед достал покрывало и, выглядывая место для пикника, остановил выбор на всегдашнем пятачке справа от могилы сына.

Для Джина это самое хорошее место – можно уловить запах всякой

снеди, какую достают из корзинок. Вот картофельный салат, вкусный и острый, затем соленые огурчики, оливки, горячие початки вареной кукурузы... И вот оно самое-самое! Едва убрали белую салфетку, ветерок донес аромат маминой жареной курицы с золотистой корочкой. Что там еще? Ага, свеженькие слойки тети Элнер. Кто-то их уже намазывает маслом. А теперь открывают теткинны домашние заготовки.

Джин радовался, что родные стали разговорчивее. А то первые два-три года они больше молчали. Слушать их – одно удовольствие. Джин узнал, что Тотт Вутен выгнала мужа из дома, а тетя Ида отправилась в Сент-Луис на очередной съезд садоводов. Он улыбнулся, когда Элнер назвала сестру страшной задавакой. Значит, все по-прежнему.

По окончании трапезы тетя Элнер вылила остатки холодного чая в изножье могилы. Джин засмеялся, словно ногам и впрямь стало мокро. Или это лишь мнилось? Неважно, все равно хорошо. Потом отец встряхнул и свернул покрывало, опять хлопнула крышка багажника. Это был знак, что родные уходят. Жалко расставаться, но солнце уже садилось, а в эту пору комарье просто звереет, надо спасать от него Дену. Наверное, крохе день показался ужасно длинным.

Затем близкие уселись в машину, но не уехали. Так бывало всякий раз: отец вернулся к могиле один, снял шляпу и, встав навтыжку, отдал честь. Когда мотор заурчал и машина тронулась, Джин крикнул:

– До свиданья! Не забывайте меня!

На закате пришел отряд из ветеранской организации, бойскаут Бобби Смит на трубе сыграл зарю, ребята приспустили флаг. Но вот все ушли, на кладбище вновь наступила тишина. Загорелись светляки, в небе проявилась ущербная луна, и тогда раздался голос мистера Хендерсена, весь день молчавшего:

– Эй, морячок, а твой старик маленько растолстел.

– Да уж, отрастил пузцо, – усмехнулся Джин. Доживи я до его лет, подумал он, и я бы так выглядел, что было бы совсем неплохо.

– Надо же, – сказала миссис Линдквист, – как я померла, Элнер и Герта ничуть не изменились, такие же пухленькие и симпатичные.

– У Ноттов все дочки плотненькие, – откликнулась миссис Чилдресс. – Кроме Иды, которая морит себя голодом.

Помолчали, а потом голос подал Лордор:

– Приятно всех видеть в добром здравии, верно?

– Да, дедушка.

– По-моему, день удался на славу, – сказала Люсиль.

Ухажер

Мэкки Уоррен и Норма встречались с девятого класса. На других девчонок Мэкки даже не смотрел. Но когда в День поминовения он провожал Норму домой, его мучил один вопрос: жениться на ней сейчас или погодить? Норма хотела, чтоб они поженились. Он тоже. Однако нынешнее посещение кладбища вместе с семейством Нордстрёмов заставило его призадуматься. Четыре года назад именно он доставил им телеграмму о гибели их сына, но все равно не мог до конца поверить, что Джин Нордстрём мертв.

Джин всегда был героем для него и остальных городских мальчишек. Все хотели поскорее вырасти и быть такими, как он: играть в бейсбол, баскетбол и футбол, работать спасателем в бассейне.

Причем Джин был идиолом не только мальчишек. Все городские девчонки ошивались возле бассейна, глазели на Джина и глупо хихикали, когда он с ними здоровался. Казалось, он не замечает, что все от него без ума. Последний раз Мэкки его видел на автостанции, когда парней провожали на войну. Джин был такой живой, жизнь в нем была ключом. И все, что осталось, – фотография в витрине булочной.

Смерть эта сильно сказалась на Мэкки и его сверстниках. Прежде они себя чувствовали в полной безопасности. Но гибель Джина все изменила. В кино всегда убивали злодеев, а хорошие парни жили вечно. Смерть Джина заставила взглянуть реальности в лицо. Если уж такое случилось с Джином Нордстрёмом, значит, вообще никто от этого не застрахован.

Жизнь оказалась совершенно непредсказуемой, а смерть ужасно бесповоротной. Никакой второй попытки. Вот так вот. Сразу бери от жизни все, что можешь.

Чего лишишься, если женишься сейчас? Есть опасность превратиться в своего папашу, у кого единственный маршрут дом – работа и обратно и одно неизменное место для ежегодного недельного отпуска. Нелегко принимать взрослые решения, которые навсегда изменят твою жизнь. Как несправедливо, что она всего одна! Для исполнения всех желаний – стать профессиональным футболистом, на Аляске ловить рыбу нахлыстом, вслед за солнцем отправиться в Австралию – надо три-четыре жизни. Есть мечта – в одном году устроить себе два лета. Ради этого после уроков он горбатился в отцовском магазине и копил деньги на поездку. Однако, если жениться сейчас, все накопления уйдут на первый взнос за дом. Он любит

Норму, но приключения и путешествия ей не по душе. Она боится уезжать далеко от дома.

Но вот еще вопрос: чего лишишься, если сейчас не женишься? Вдруг Норма достанется кому-нибудь другому? В ближайшее время Мэкки будет по десять раз на дню менять свое решение.

Тем вечером Джин в последний раз переговорил с дедом. Наутро Лордор исчез. Новость всех ошеломила. Ведь Лордор первым переселился на «Тихие луга». Весть облетела кладбище, породив всегдашние вопросы: куда он ушел? Он еще вернется? Те же старые вопросы, которые задают близкие умерших, – вопросы, на которые никто не знает ответа.

Сказочные пятидесятые Те же и Элвис

Особый день

1950

Похоже, июльское солнце понимало, какой нынче день. Истомившись ожиданием, оно мгновенно растопило утреннюю дымку и залило город ярким теплым светом, словно говоря: «Вставайте, лежебоки, дел полно, будем веселиться!»

На холме Люсиль Бимер приветствовала его обитателей:

– Всем доброго утра!

Просыпаясь, двести три покойника тоже говорили «С добрым утром» или просто здоровались. Один мистер Хендерсен что-то буркнул, сочтя это приветствием. Он вообще откликнулся лишь потому, что в такой день был вынужден примкнуть к остальному человечеству.

Наступило Четвертое июля – время торжеств и вечернего фейерверка. Даже в памяти старика Хендерсена сохранились детские воспоминания о красных, белых и синих стягах, шутихах, бенгальских огнях, арбузах, состязаниях и мороженом.

Со двора ветеранской организации запахло горячими хот-догами на гриле.

– Я бы сейчас десяточек умял, – сказал Джин Нордстрём.

Было уже почти одиннадцать, и, судя по всему, шествие вот-вот начнется. На парковке настраивался оркестр: негромко выпевали трубы и тромбоны, слышалась барабанная дробь шепотком.

Потом загудели клаксоны – знак, что в битком набитых машинах прибыли храмовники. Через минуту тамбурмажор дунул в свисток и оркестр грянул марш «Звезды и полосы навеки». Слышались рывкающие мегафонные команды, восторженные вопли и аплодисменты толпы, приветствовавшей появление подвижных платформ и воспитанниц Дикси Кахилл.

На «Тихих лугах» музыка понравилась всем, кроме Бёрди Свенсен, которая, обладая абсолютным слухом, некогда была церковным органистом.

– Не понимаю, как можно так фальшивить, – поделилась она с мужем. – Джон Филип Суза^[9], поди, переворачивается в гробу.

К счастью, никто из публики, пожиравшей глазами марширующих степисточек, фальши не замечал. Вот уж картинка! Двадцать четыре

девушки в коротких ярко-голубых платицах, расшитых блесками, и белых сапожках с бахромой высоко вскидывали колени, жонглируя жезлами. От такого зрелища у парней перехватывало дух и даже у стариков екало сердце.

Дикси Кахилл вышагивала рядом с колонной своих воспитанниц, надзирая за ровностью строя. Гленн Уоррен управлял трактором, тащившим платформу с живой картиной «Вашингтон переправляется через Делавер», а его сын Мэкки с ведром и лопатой в руках замыкал шествие, прибирая за животными, которые участвовали в параде: двумя козами, четырьмя пони и всем поголовьем коров, свиней и овец, числившимся за юношеским клубом и ныне украшенным красными, белыми и синими лентами.

Свои платформы представили волонтерский «Клуб львов», ассоциации «Ротари» и «Оптимисты» и Торговая палата. На одном краю самой большой платформы в двести футов Хейзл Гуднайт, одетая как Бетси Росс^[10], сидела в кресле и шила первый национальный флаг, в центре стоял Дядя Сэм, а в конце передвижного подиума высилась Ида Дженкинс в образе статуи Свободы. Следом две разряженные собаки везли декорированные детские коляски.

После шествия все отправились на грандиозный пикник, устроенный в школьном дворе. Обитатели «Тихих лугов» слышали крики и смех детей, гонявшихся друг за другом, удары биты по мячу в праздничном бейсбольном матче. Но гвоздь программы еще ждал своей очереди. Когда стемнело, небо озарилось яркими розовыми, белыми, красными и зелеными всполохами, водопадом устремлявшимися к земле и на лету исчезающими. Каждый новый залп мощнее и цветистее предыдущего – россыпи золота, серебра и пурпура.

И вот сногшибательный финал. Бах! Бах! Бах! Бах! Потом бабах! – и десяток зарядов расцвел небо одновременно. Все они постепенно угасли, осталось лишь огненное изображение американского флага. Вау!

Но вот все закончилось. Было уже поздно, радостная усталость переполняла обитателей холма, включая и тех живых, кто пришел на кладбище и, расстелив покрывала, с лучшей обзорной точки наблюдал за салютом.

Мэкки Уоррен и Норма тоже были на холме. Но парня занимал не фейерверк, а нечто другое, к чему он долго готовился. Перед финальным залпом Мэкки что-то достал из кармана и протянул подруге:

– Ты выйдешь за меня?

За грохотом салюта он не расслышал ответа, но взгляд ее определенно говорил «да».

Счастливое время

1950-й стал хорошим годом для Элмвуд-Спрингс. Почти каждый житель обзавелся телевизором «Моторола» или «Сильвания», которые теперь продавались в магазине Гленна Уоррена. Все дети обожали кукольных персонажей Хауди Дуди и Буффало Боба. Мерл Уилер подсел на борцовские схватки Красавца Джорджа, а жена его Вербена – на шоу комика Либерале. И конечно, все смотрели программы с уморительным Дядюшкой Милти.

– Нет ничего смешнее мужика в женском платье, – говорила Тотт Вутен.

Теперь почти все американские дети на завтрак ели хлопья. Иначе не вырастешь и не станешь бейсбольной или футбольной звездой. А на десерт непременно мороженое. Но для завтрака с хлопьями и мороженого требуется молоко, молоко и еще раз молоко. Что весьма вдохновляло местных молочных фермеров.

Супруги Свенсен, пребывавшие в неиссякаемом восторге от дочки, решили сделать что-нибудь хорошее для города. И тогда Андер нанял ландшафтного архитектора, который распланировал чудесный парк с небольшим прудом, дорожками, скамейками, фонтаном и фонарями. В честь своего друга и наставника Андер назвал его Мемориальным парком Лордора Нордстрёма.

Городская женская команда по боулингу стала чемпионом округа. Над входом кинотеатра появился новенький кондиционер, и теперь даже в самые жаркие и душные дни на сеансах царила полярная стужа. Из зрительских ртов шел парок, а продавщица, в холле торговавшая сладостями, надевала перчатки и заматывалась шарфом. Одна мамаша жаловалась, что сынок ее, целый день смотревший кино, домой вернулся с посиневшими губами.

Тем летом народ почему-то валом валил в кинотеатр, и горячий попкорн, «Сахарные малышки», изюм в шоколаде, арахис, тянучки «Вкуснотища» и мятные карамельки шли нарасхват.

Родители тряслись над маленькой Ханной Мари, но сама она еще не поняла, что не такая, как все, и не может говорить. Очень дружелюбная, девочка обожала с мамой ходить в гости. Она была всеобщей любимицей.

Стоило раскинуть руки, и она кидалась тебе в объятия. Все торговцы угощали ее конфетами, а Герта Нордстрём – разнообразной выпечкой. Улыбка ее всех покоряла. Но вскоре Беатрис попросила не давать девочке сладкого.

– Лидер так закармливает дочку мороженым, – пожаловалась она Герте, – что к двенадцати годам у нее не останется ни одного целого зуба.

Бедная Тотт

1951

По воскресным утрам обитатели «Тихих лугов» наслаждались разноголосым перезвоном четырех городских церквей. В остальное время на холме царили тишь и покой, изредка нарушаемые газонокосилкой.

А вот в доме Тотт Вутен, что на Первой Северной авеню, 12 августа было отнюдь не спокойно.

Наверное, в каждом городе найдется такой человек, кому всегда ужасно не везет. В Элмвуд-Спрингс эта доля выпала бедняге Тотт Вутен. Из-за нехватки денег в семье она начала работать в шестнадцать лет, на заднем крыльце дома устроив парикмахерскую. Отец ее был горький пьяница, и надо же такому случиться, муж тоже оказался алкоголиком. Джеймс Дуэйн Вутен квасил по-черному, из-за чего сменил кучу работ.

Не сказать, что у Тотт был природный талант куафера. Просто она не знала, чем еще заработать на жизнь. А теперь на ее шее сидели двое малолетних детей, Дуэйн Младший и Дарлин, муж и не вполне нормальная матушка. Многие горожанки пользовались услугами Тотт лишь из жалости и, вернувшись домой, заново укладывали волосы, но считали, что их христианский долг – поддержать эту рыжую худышку, дымившую как паровоз. Но кто ее за это осудит? Сперва бедняжка мучилась с отцом, а теперь вот с Джеймсом и полоумной мамашей.

Однако Тотт не роптала. Она могла терпеть долго, но если уж гирия до полу дошла – тогда берегись. Последний случай даже попал на страницы «Вестей Элмвуд-Спрингс».

ДОМАШНЕЕ ПОБОИЩЕ

14 августа

В доме по Первой Северной авеню помощники шерифа арестовали женщину, которая, затеяв ссору с мужем, дралась, царапалась и кидалась пустыми бутылками из-под виски. Затем она с корнем выдрала огородный урожай и плодовые кустарники,

после чего швырнула садовым бетонным гномом в машину, на которой пытался скрыться ее супруг. Женщину, вцепившуюся в дверцу автомобиля, проволокло несколько футов, после чего она упала, получив значительные ссадины и ушибы. После выписки из больницы нарушительницу, которую обвиняют в физическом насилии приотягчающих обстоятельствах, поместили в окружную тюрьму.

В заметке имена не упоминались, но все в городе знали, что речь о Тотт. Разоренный огород ее выглядел ужасно. Выслушав обвинение, Тотт сказала судье: – Спору нет, я вспылила. Но этот сукин сын завел бабу на стороне!

Ей сделали предупреждение и отпустили.

О ЧЕМ ВЕСЬ ГОРОД ГОВОРIT

колонка миссис Иды Дженкинс

На этой неделе весь город говорит о недавней свадьбе мисс Нормы Дженкинс и мистера Мэкки Уоррена. Если вы вдруг не в курсе, я – счастливая мать невесты! Господи, я не представляю, как другие матери выдерживают всю эту мороку с выбором подвенечного наряда. Мисс Говард из отдела дамской одежды в универмаге братьев Морган оказала мне неоценимую помощь. После долгих проб мы наконец остановились на платье с кружевной отделкой, а также шляпке, туфлях и перчатках в тон нежно-розовому жакету. В белом атласе невеста была просто загляденье. Сейчас новобрачные отправились в свадебное путешествие, из которого вернутся на следующей неделе.

Иные обсуждаемые темы: Стратфорду-на-Эйвоне больше нечем гордиться. Благодаря Андеру и Беатрис Свенсен в нашем городском парке поселилась очаровательная пара лебедей. Будем надеяться, они станут супругами. Как чудесно было бы увидеть их деток. Говорят, лебедята рождаются серенькими, отсюда и прозвище «гадкий утенок».

Нелишне напомнить, что лужайка перед домом много скажет о хозяевах. Ваша лужайка отражает вашу личность? Намек:

аккуратно подстриженная изгородь и чистые занавески на окнах
– знаки приличного семейства.

Лестер Шингл

Когда в апреле 1952-го по городу разнеслась весть о смерти Лестера Шингла, несколько женщин (по крайней мере четыре) опечалились не сильно. Вслух об этом они не говорили, но про себя знали. Трое на похороны пришли, а Тотт Вутен – нет, она была не из тех, кто изображает фальшивую скорбь. Панихиду служили в воскресенье, когда салон красоты не работал, и Тотт отправилась в боулинг-клуб. Предстоял важный турнир, она решила хорошенько потренироваться.

Прошлый год стал триумфом городской женской команды, занявшей первое место в чемпионате штата.

Близняшки Гуднайт и их младшая сестра Ирен (благодаря превосходным страйкам больше известная как Ирен-спокойной-вам-ночи) катали шары отменно. Но в критические моменты команду всегда выручала Тотт Вутен, которую за уникальный талант соперники прозвали Разящей Адовой Левшой. Щуплая худышка, она легко управлялась с шаром весом в тринадцать фунтов. Об ее беспримерной меткости ходили легенды. Она умела так закрутить шар, что одним броском сбивала все к чертовой матери.

– Наловчишься, если столько лет завиваешь клиенток на бигуди, – говорила Тотт.

Когда Лестер Шингл очнулся на «Тихих лугах» и понял, где оказался, он первым делом сказал:

- Угадайте, что со мной стряслось.
- Понятия не имею, – ответила Люсиль Бимер.
- А вы угадайте. Ну как я здесь очутился?
- Дай подумать. Может, болезнь? Скверный грипп или еще что.
- Нет. Меня хладнокровно убили.

Впервые за все время в роли встречающей Люсиль растерялась и даже не знала, что сказать. Невероятно, что подобное случилось в Элмвуд-Спрингс.

– Боже мой... – пролепетала Люсиль. – Какая жалость... Вот уж неприятность-то... – Она понимала, что слова эти совсем не годятся, но что еще тут скажешь?

Разумеется, она помнила Лестера. Вечно весь в прыщах. А теперь еще это. Помнится, его не любили, но все равно известие ошеломило.

Лучше бы, конечно, не ворошить эту историю. Даже думать о том не

хотелось, а уж тем более говорить. Но едва на «Тихие луга» прибыла миссис Кэрри Аптик, которую подвела печень, Лестер тотчас атаковал ее вопросом:

– Мою убийцу арестовали?

– Чего?

– Бабу, что меня грохнула, взяли?

– О господи... Да нет, я не слыхала, чтобы кого-нибудь повязали за душегубство.

Вот зараза, подумал Лестер. Значит, она на свободе и могут быть новые жертвы. Местные правоохранители явно не чешутся. А баба возьмет и скроется.

Он подозревал четырех женщин, но не знал, кто именно лишил его жизни. Возможно, бабы действовали скопом. В разное время все они ему угрожали. А в тот вечер вся четверка была в боулинг-клубе. Он их видел.

Лестер забыл, что среда – женский день, и поперся в клуб. Поняв свою оплошность, он хотел уйти, но, видимо, кто-то его засек. Последнее, что помнилось, – удар по затылку чем-то тяжелым, а затем он очнулся на «Тихих лугах». Все яснее ясного. Какая-то баба запустила шаром ему в башку, укокошив насмерть.

Поездка на ферму

Молодые супруги Уоррен не прожили и года, как Мэкки забрали в армию и отправили в Корею. Промаявшись неделю, Норма поехала к тетушке Элнер.

– Я ненавижу перемены, – сказала она, усевшись на ее крыльце. – Пусть бы все оставалось как есть.

– Но ведь многое неизменно, дорогая, – ответила Элнер. – Что бы человек ни творил, утром взойдет солнце, а ночью засияют луна и звезды. Прорва людей рождается и умирает, а мир все прежний. Разве не утешительно знать, что все равно придет весна?

– Наверное.

– Заведи-ка себе котенка. Он отвлечет от тревожных мыслей.

– Тетя Элнер, если Мэкки убьют, я этого, ей-богу, не переживу... Я не знаю, что я сделаю...

– Хватит себя изводить! Никто твоего Мэкки не убьет, и помни, что ты ждешь ребенка. Не думай о плохом. Думай о хорошем, чтоб ребеночек родился спокойный. Я говорила твоей матери: Ида, говорю, ты вот психуешь, а это все отражается на дочке.

– Да, я сильно нервничаю.

– Милая, ты всегда была психованная. Просто комок нервов. Так что следи за своими мыслями. Ты же не хочешь психованного ребенка, правда?

– Не хочу.

– И потом, от переживаний появляются морщины. Вот посмотри на меня: я старая, а ни одной морщинки. Почему? Потому что не психую.

Возвращаясь в город, Норма поймала себя на том, что опять думает о покойном Джине. Родители его так и не оправились от потери. Никто из родных не оправился. Вспомнилось, как Джин пришел на отчетный концерт степисточек. Норма исполняла партию главного тюльпана и сбилась с ритма. После выступления мать ругалась, а Джин обнял Норму, сказал, что она была самым красивым тюльпанчиком, и по дороге домой купил ей шоколадку. В шесть лет Норма без памяти в него влюбилась, обещав стать его женой, как только вырастет. Джин рассмеялся: «Родственникам жениться нельзя, но ты не расстраивайся. В свое время твой суженый объявится. А если он тебя обидит, я ему рыло-то начищу». Жалко, он не видел ее свадьбу. Если родится мальчик, они с Мэкки назовут

его Джином.

Смерть кузена сказала на всех родичах. Семейство – как мозаика, и теперь в ней не хватало большого фрагмента. Зияла пустота.

Через семь месяцев Норма родила девочку, которую назвали Линдой. Она была очень спокойной, а Мэкки вернулся домой целым и невредимым.

О ЧЕМ ВЕСЬ ГОРОД ГОВОРIT

колонка миссис Иды Дженкинс

Весь город говорит о новом телевизоре, установленном в витрине универмага братьев Морган.

Еще приятная новость: к восторгу ребятишек, в нынешнем году вместе с ними раскрашенные яйца искал Пасхальный кролик.

Спасибо всем, кто встал пораньше и спрятал яйца. Магазин Уорренов «Товары для дома» обеспечил игру симпатичными ведерками в горошек и полоску. Напоминаю: на следующей неделе в город прибудет пони, непременно сфотографируйте вашего ребенка на лошадке. У меня до сих пор хранится снимок Нормы верхом на пони – по-моему, том же самом.

Пасха прошла, пора готовиться ко Дню матери. На следующей неделе «Клуб садоводов» приступит к изготовлению корсажных букетиков для наших матушек и бабушек, обитающих в доме престарелых «Счастливое раздолье».

Поверьте, я не хочу выглядеть брюзгой, однако... Я посмотрела новый вестерн «Ровно в полдень», где Гэри Купер в роли шерифа, а прекрасная мисс Грейс Келли играет его долготерпеливую жену, хотя, по правде, годится ему в дочери. Возникает вопрос: кто в Голливуде ведает подбором актеров? Сдается мне, старичье, ослепленное беспочвенными мечтаниями. Посему я не рекомендую этот фильм к просмотру.

К сожалению, закончим обзор на печальной ноте: в прошлую среду от нас ушел всеми любимый горожанин Олаф Олсен. Соболезнования его жене Хельге Олсен и дочери Беатрис Свенсен. Вероятно, наши молодые читатели не помнят Олафа, а вот нам, кто привык видеть этого дружелюбного человека в

обувном отделе универмага братьев Морган, его будет очень не хватать.

Ида умолчала о том, что в роли Пасхального кролика выступила ее сестра Элнер Шимфизл, из подручных материалов соорудившая себе большие пушистые уши и кроличьи лапы.

Прибытие обувщика

Олаф Олсен, в ноябре 1952-го прибывший на «Тихие луга», страшно обрадовался встрече с сестрой:

– Ты бы не узнала свою ферму, Катрина! Теперь она просто огромная.
– А как поживает моя милая племянница Беатрис? У нее все хорошо?
– О да. У них с Лидером все прекрасно, ферма процветает. Наверное, они самые богатые в городе. Живут в двухэтажном каменном доме. Подумать только, Катрина! Мы с тобой бежали от нищеты, а теперь моя дочь владеет громадным домом с отоплением, горячей и холодной водой. Мама гордилась бы, правда? Ты, наверное, не поверишь... Когда я ушел на пенсию, Хельга захотела жить в деревне, и мы переехали в ваш старый фермерский дом.

– Ой, как я рада! А то я боялась, его снесут.

– Что ты, дом не тронут. Ты же знаешь, как Лидер любил вас с Дорддором. Он подсуетился, и теперь этот дом – исторический памятник. Я провел в нем столько счастливых часов, сказал Лидер, и не могу его потерять.

– Какой же он хороший!

– Это верно. А ты знаешь, что у тебя есть внучатая племянница Ханна Мари?

– Да, и очень этому рада.

– Вот только... она родилась глухой.

– Мне говорили. Бедняжка.

– Знаешь, это ее ничуть не портит. Конечно, она моя внучка и я предвзят, но девчушка – просто ангел. Ей-богу. Есть в ней что-то... этакое. Ее нельзя не любить.

– Эй, дядя Олаф! – подал голос Джин Нордстрём. – Угадай, кто это?

– Меня не проведешь! Ты мой племянник Джин, у которого великаны ноги...

– Точно! До чего же я тебе рад, дядя Олаф!

Олаф не преувеличил – Андер и впрямь обожал Лорддора, у которого всему научился. Однажды, Андеру было тогда лет шестнадцать, они вместе пошли на дойку.

– Хочешь узнать секрет хорошего молочника? – спросил Лордор.

Андер наострил уши:

– Конечно, сэр.

– Ты готов?

– Да, сэр.

– Осчастливь коров, и они осчастливят тебя.

– Как это, мистер Нордстрём?..

– Как с женщинами. Надо каждый день говорить, что они красивые.

Вот, гляди. – Лордор подошел в большой рыжей корове, пасшейся на лугу: – Ах ты, красавица моя! Сэлли, сегодня ты прелестно выглядишь, душенька.

Корова подняла голову, похлопала ресницами и, помахивая хвостом, следом за хозяином пошла в коровник. Что и говорить, Лордор имел подход к скотине.

Андер это запомнил накрепко. Став владельцем фермы, он наказал всем работникам: к коровам обращаться по имени и каждый день говорить им, что они красавицы. Когда поголовье так увеличилось, что пришлось перейти на машинную дойку, Лидер купил самые лучшие аппараты. Работники получили приказ: пока идет дойка, не отлучаться, но беседовать с коровами. Похоже, все это сработало, ибо надои росли.

В 1950-м Лидер завел логотип для всей своей продукции: коровья морда с длинными загнутыми ресницами, рыжая и симпатичная. Ниже шла подпись:

М-МУ! ИСТИННО ДОМАШНИЙ ВКУС! – ГОВОРЮ ВАМ
Я, ШВЕДСКАЯ КОРОВА СЭЛЛИ

*(Прямые поставки лучшей молочной продукции, любезно
предоставленной счастливыми коровами из Элмвуд-Спрингс,
Миссури)*

Пора отпустить

1952

Бобби, сынишка аптекаря Роберта Смита, был, как все дети, страшный сластена. Едва заведется пятак, бежит в булочную и покупает два пончика – один в кленовой сахарной пудре, другой в шоколадной крошке.

Пекарня опять работала бесперебойно, а вот в комнате сына Герта по-прежнему ничего не трогала. Как-то летним вечером они с мужем сидели на веранде.

– Нынче забегал Бобби Смит, – сказал Тед. – Славный парнишка.

– Да, хороший. Напоминает мне маленького Джина.

– Знаешь, я тут подумал... может, отдать ему старые вещи Джина – бейсбольную перчатку, баскетбольный мяч... Чего им зря в чулане пылиться...

Глаза Терты набрякли слезами, ей было жалко расстаться с любой вещицей сына. Тед взял ее за руку:

– Пора, милая... Я думаю, Джин был бы не против.

– Ладно, – кивнула Терта. – Если ты так считаешь...

– Да, считаю.

Утром по дороге на работу Тед занес Смитам большую картонную коробку. Дороти Смит открыла сетчатую дверь.

– Тут кое-что для Бобби, – сказал Тед. – Может, сгодится ему.

– Ой, спасибо, Тед. Конечно, сгодится.

Увидев коробку, от восторга Бобби обомлел и первым делом схватил игрушечную машинку:

– Ух ты! Вот это да! Настоящие резиновые покрышки!

Катилось очередное лето, на «Тихих лугах» сладко пахло свежескошенной травой.

– Запах этот особенно приятен, когда не тебе приходится косить, – сострил Джин Нордстрём.

Лето нравилось всем, обитавшим наверху и внизу. С холма белые облака смотрелись очень красиво. Плывут себе, точно огромные куски ваты.

В такие теплые славные дни Беатрис часто возила дочку в гости к Элнер. Там во дворе бродили откормленные куры, избалованные кукурузным хлебом, вымоченным в молоке, и выводки цыпляток, которых можно подержать в ладонях.

Нынче Беатрис и Элнер уселись на затянутой сеткой задней веранде и смотрели на резвившуюся Ханну Мари.

– Ох, просто сердце разрывается, – сказала Беатрис. – Здесь ей так хорошо. А вот когда мы гуляем в парке, она изо всех сил старается пообщаться с другими детьми, но ничего не выходит. Дочка не понимает, почему ребяташки ее сторонятся, и как ей объяснишь, в чем дело?

С возвращением, Гарри!

Январь, 1953

В день инаугурации нового президента Соединенных Штатов Дуайта Д. Эйзенхауэра бывший президент Гарри С. Трумен и жена его Бесс поездом выехали из Вашингтона в родной Миссури.

Через несколько дней женская делегация от Элмвуд-Спрингс отправилась в Индепенденс, дабы влиться в полуторатысячную ликующую толпу, которая собралась перед домом Труменов по адресу Норд-Делавер-стрит, 219.

Ида Дженкинс была республиканкой и голосовала за Томаса Э. Дьюи, но тоже вошла в состав делегации. Ей не нравилось, что столичные снобы обзывали Трумена деревенщиной и потешались над его грубым миссурийским выговором.

– Это у них самих черт-те какой выговор, – возмущалась она.

Теперь она стояла в толпе встречающих и размышляла: «Слава богу, сейчас январь и Элнер в длинном зимнем пальто. Поди знай, что под ним надето. Однако, вон, напялила старую черную шляпку. Это ж надо! А на венчании Нормы была единственной дамой с непокрытой головой. Нет, чутье ситуации у нее отсутствует напрочь. И ведь родная кровь... Может, она приемыш?»

Собственный наряд из останков убитых животных Ида считала роскошным и элегантным: лисья шубка, новая сумочка крокодиловой и ботинки змеиной кожи, коричневые кожаные перчатки по локоть. Раба моды, она бы закуталась и в шкуру кенгуру, если б «Гламур» и «Харпере базар» объявили это последним писком. А вот Беатрис, которая могла себе позволить любой наряд, в одежде оставалась консервативной: строгий черный костюм с белым атласным воротничком. И в отличие от Иды не закрашивала седину.

Наконец долгое ожидание закончилось – Трумены приехали. Сквозь толпу супруги прошли к дому и с крыльца помахали приветствовавшему их народу. Прикрываясь от слепящих фотовспышек, Бесс Трумен взглядела в людское море:

– Никак Элнер Шимфизл?

– Здравствуйте, Бесс! – откликнулась Элнер. – Добро пожаловать

домой!

Бесс подтолкнула мужа:

– Смотри, Гарри, здесь Элнер Шимфизл.

Экс-президент улыбнулся:

– Привет, Элнер! Рад вас видеть.

– Взаимно, Гарри! – крикнула Элнер. – Милости просим в Миссури!

Онемевшая Ида смотрела на сестру, словно видела ее впервые в жизни. Наконец дар речи к ней вернулся:

– Откуда ты знаешь Труменов?

– Как-то раз они заглянули ко мне на ферму, – ответила Элнер, размахивая белым платком.

– Что? С какой стати?

– А что тут такого? – удивилась Элнер.

В машине Ида накинулась на сестру:

– Почему ты даже не заикнулась, что знакома с ними?

– Так ты не спрашивала, – пожала плечами Элнер.

Всю обратную дорогу Ида удрученно молчала, что очень позабавило Элнер. Она не объяснила, что Гарри и Бесс оказались на ее ферме по той же самой причине, что и все другие случайные гости: заблудились. Благодаря хитрому повороту на Джоплин Элнер познакомилась с множеством приятных людей.

Правда, она думать не думала, что Трумены ее запомнят. Виделись они давно, задолго до того, как Гарри стал президентом. Однако Элнер не учла, что Труменам нечасто встречались люди, в доме которых живут слепой опоссум по кличке Калвин Кулидж, с блюдца угощавшийся мороженым, и трехногий петух. И потом, каждый год она посылала супругам консервированные фиги. Гарри был родом из деревни, и в беспокойные годы в Белом доме эти фиги напоминали ему о милых сердцу краях.

Надо сказать, что Ида не знала и о встрече сестры с Бонни и Клайдом. Элнер умолчала о том, что разъяснила им дорогу к банку Герберта да еще просила сослаться на нее. Слава богу, ограбления не случилось, иначе по сию пору ее бы ели поедом.

Ида была расстроена донельзя, однако не преминула осветить событие в своей колонке.

О ЧЕМ ВЕСЬ ГОРОД ГОВОРИТ

На этой неделе весь город говорит о нашей давешней автомобильной поездке в Индепенденс, дабы влить свой возглас «Молодец, Гарри!» в общий радостный хор приветствий, ознаменовавших возвращение на родину давних друзей нашей семьи – экс-президента Гарри Трумена и его супруги Бесс, завершивших госслужбу в Вашингтоне.

Тон заметки подразумевал, что все путем, однако Ида крепко осерчала на сестру.

– В кои-то веки выпал шанс сойтись со знаменитостью, а сестрица и словом не обмолвилась, – жаловалась она мужу – Знай я об этом знакомстве, уже через неделю чаевничала бы с Труменами в Белом доме.

– Это каким же образом?

– Легко. Ты меня знаешь. Мигом прикатила бы в Вашингтон и к ним на порог: здрасьте, я на минутку, вам привет от моей сестры Элнер.

– Ох, Ида! – рассмеялся Герберт.

– Смейся, смейся, но я гарантирую, что прежде чем уехать, я бы выхлопотала тебе отличную должность в правительстве или, на худой конец, в каком-нибудь посольстве. Так нет! «Ты меня не спрашивала», – заявляет эта дура, и вместо дальних краев мы торчим в нашей дыре. Я ее задушить готова.

Герберт изумленно посмотрел на жену, потом улыбнулся и покачал головой:

– Милая, ты просто чудо. Чокнутое, но чудо.

Приведи ребенка на свою работу

1954

Дважды в неделю восьмилетнюю Ханну Мари Свенсен возили в Спрингфилд учиться языку жестов. Беатрис с Лидером часто оставались на занятия и тоже осваивали язык глухонемых, чтобы уметь разговаривать с дочерью.

Лидеру с его крупными мясистыми руками наука давалась труднее, но он старался. Усердие его вознаградилось, когда в день рождения Ханны Мари он преподнес ей сюрприз, сказав жестами: «Ты самая красивая девочка на свете». Лидер не знал, что у него получилось «Ты самая красивая белка на свете». Ханна Мари засмеялась и кинулась ему на шею. Она любила папу.

Лидер, сам прошедший школу Лордора, много внимания уделял наставничеству. Каждое лето весь юношеский клуб проходил практику на его ферме. А потом, повзрослев, многие ребята становились его работниками.

С давних пор в первый понедельник мая Андер устраивал праздник «Приведи ребенка на свою работу». Он считал полезным, если дети видят, как их родители зарабатывают на жизнь. Уважительное отношение к труду воспитывается с малолетства. Но помимо практической стороны дела, в этот день предполагалось и веселье. Дети носились по ферме, гладили коров, наблюдали всю производственную цепочку от дойки до розлива молока в бутылки, изготовления сыров, оформления заказов и выписки счетов.

Ханна Мари любила в этот день побывать на папиной работе. Лидер же был рад провести ее по всем цехам и представить сотрудникам. Он лучился гордостью, когда дочка за руку здоровалась с каждым встречным.

Нынче они заглянули в контору, и низенькая секретарша мисс Дэвенпорт поразились, как девочка выросла:

– Господи, ты уж почти с меня ростом!

В конце дня всех детей ждало шикарное угощение, а Ханна Мари и Лидер в нарядных костюмах помогали сотрудникам раскладывать по вазочкам щедрые порции холодного лакомства.

Каждый год они возвращались домой, с ног до головы изгвазданные

мороженым, но Беатрис не ругалась. Она понимала, что для них этот день очень важен.

Ханна Мари не могла учиться в обычной школе, и потому родители наняли ей преподавателя, специалиста по обучению глухонемых. Учительница поселилась в доме Свенсенов. Вскоре девочка освоила чтение и письмо, что привело ее в неописуемый восторг.

И вот однажды Элнер достала из почтового ящика конверт, на котором адрес был написан по-детски крупными, но вполне читаемыми буквами:

*ТЕТЕ ЭЛНЕР ШИМФИЗЛ
ФЕРМА КОТТОНВУД
СЕЛЬСКИЙ ПРОЕЗД 216
ЭЛМВУД-СПРИНГС, МИССУРИ*

Дорогая тетя Элнер,

С приветом к тебе Ханна Мари. Надеюсь, ты здорова. У меня все хорошо. Привет от папы с мамой. Пожалуйста, напиши ответ. Учительница говорит, я уже читаю хорошо. Вот ее портрет.

Я тебя очень люблю, Ханна Мари Свенсен.

Ханна Мари вправду любила Элнер, хоть они и были родней, что называется, седьмая вода на киселе. На ферме Шимфизлов девочка бывала часто и даже оставалась ночевать. А сейчас Норма, племянница Элнер, почти каждую субботу привозила туда свою дочку Линду и всякий раз

брала с собой Ханну Мари.

Одним чудесным июньским утром Норма и Элнер сидели на задней веранде и потягивали холодный чай, а девочки возились с новорожденным крольчонком. С тех пор как научилась читать и писать, Ханна Мари не расставалась с блокнотом и карандашом; вот и сегодня она настроила в нем очередной из своих бесчисленных вопросов.

«Это девочка?» – прочла Элнер и, осмотрев крольчонка, утвердительно кивнула. Ханна Мари тотчас зачеркала в блокноте: «А как ты узнала?»

Элнер беспомощно взглянула на Норму:

– Чего написать-то?

– Уж что-нибудь напиши, – засмеялась племянница. – Иначе она не отстанет.

«У крольчих уши короче», – написала Элнер.

Лукавый ответ вполне удовлетворил девочку, и она перешла к новой теме: «Тетя Элнер, можно посмотреть козляток? Пожалуйста!»

Элнер отставила чашку и поднялась:

– Конечно, милая. Норма, вставай. Пойдем любоваться козами.

Норма замотала головой:

– Нет, идите сами. Я не поклонница коз. От них воняет. Если можно, я полюбуюсь издали.

– Ладно. Пока нас нет, остаешься здесь главной.

– Линда, держись за тетю Элнер, – сказала Норма дочке, спускавшейся с крыльца.

Ухватив тетушку за руки, девчушки радостно зашагали к хлеву. Норма улыбнулась, вспомнив себя маленькую и свои приезды на ферму. С тех пор столько перемен в жизни. Но тети Элнер они не коснулись. Такая же милая и добрая. Даже внешне ни капельки не изменилась.

О ЧЕМ ВЕСЬ ГОРОД ГОВОРIT

колонка миссис Иды Дженкинс

Весь город говорит о розовых плитах и холодильниках, поступивших в продажу. Забавно. Наконец-то наши кухни распрощаются с черно-белым унынием.

Всех взбудоражила новость о строительстве жилого микрорайона возле шоссе. Мой муж Герберт говорит, что

благодаря нашей близости к Джоплину за год можно возвести около семидесяти пяти кирпичных коттеджей вполне доступной стоимости. В жилье нуждаются многие молодые семьи. Муж говорит, новый район станет благом для наших школ и города в целом.

Некоторые считают, что плакучая ива сулит неудачу. А мне вот доподлинно известно, что под одной из прекрасных плакучих ив, окаймляющих наше озеро, мисс Эдна Нобблит сказала «да» мистеру Ральфу Чилдрессу. Кстати, вы знаете, что родина ивы – Китай? Можно не соглашаться с китайским коммунизмом, но любить их деревья.

Вы уже сделали покупки к Рождеству? Я еще нет. А главная улица украшена электрическими гирляндами, из магазинов доносится музыка, в городе царит праздничная атмосфера. Олененка Рудольфа в витрине «Товаров для дома» видели? Представляете, он светится!

По-моему, веточка-другая остролиста на камине или столе очень поднимает настроение, как вы считаете?

Выборы

1956

На майском заседании городского совета обсуждался вопрос, нужен ли городу свой полицейский участок.

Мерл Уилер привел веский довод:

– Если нет собственной полиции, со стороны это выглядит, будто нам плевать на закон и порядок.

– Я согласен, – поддержал Гленн Уоррен. – Незачем из-за всякой мелочи вызывать джоплинских полицейских. Кроме того, надо подумать о будущем. Говорят, новомодный рок-н-ролл – это коммунистический заговор с целью растлить нашу молодежь. Вы видали этого Элвиса Пресли? Кто его знает, чего ждать дальше. Надо быть готовыми.

Предложение голосовали, и оно прошло. Мэр Тед Нордстрём поднял еще один важный вопрос:

– Раз уж мы собрались... Не пора ли назначить выборы? Я уже давно в этой должности, но, возможно, кто-нибудь хочет баллотироваться на пост мэра.

Герберт Дженкинс ответил мгновенно:

– Это было бы зряшной тратой времени и денег, Тед. Никто не собирается с тобой конкурировать. И, умоляю, не зарони эту мысль в голову моей женушки. И без того ее дома не видно.

Позже владелец и главный редактор газеты Кутер Колверт опубликовал отчет о собрании. Он сообщил о решении создать городской полицейский участок, но умолчал о возможных выборах мэра. Информация не подлежала огласке, поскольку все и так шалели от безумных проектов Иды Дженкинс. И невозможно предсказать, что она учудит, если вдруг станет мэром.

Это ты?

Люсиль Бимер уже довольно давно обитала на «Тихих лугах» и работу свою любила. Так интересно наблюдать за впечатлениями вновь прибывших, особенно тех, кто тяжело болел, а теперь избавился от боли и чувствует себя пушинкой. Каждый день – неожиданность. Никогда не знаешь, кто появится следующим.

Люсиль не догадывалась, что вскоре ее саму ждет сюрприз.

Только она поприветствовала миссис Куниц и объяснила ей, что к чему, как прибыл новый обитатель.

– Здравствуйте, добро пожаловать на «Тихие луга», – сказала Люсиль. – Мы рады, что вы с нами, и сделаем все возможное, чтобы здесь вам было хорошо. Позвольте узнать, с кем я говорю?

– Что? – переспросил мужчина, все еще явно обескураженный.

– С кем я говорю? – повторила Люсиль.

– Ах да... Я Густав... Густав Тилдхолм.

Не будь Люсиль покойницей, она бы лишилась чувств, но сейчас просто онемела.

– Тут есть кто-нибудь? – после долгого молчания спросил Густав. – Эй?

– Я Люсиль Бимер. Ты меня помнишь? Я была твоей учительницей. – Люсиль подождала ответа. Тишина. Конечно, он ее не помнит. Люсиль вновь заговорила, стараясь скрыть огорчение: – Ну да, с какой стати тебе помнить, все это было так давно. Позволь тебя уведомить, что ты благополучно прибыл на «Тихие луга», где много твоих родных и старых друзей, они будут рады с тобой поздороваться. Известить твою матушку или ты хочешь сперва отдохнуть?.. Густав?

– Помню ли я тебя? Я ни на миг тебя не забывал. Я даже помню, как ты была одета в нашу последнюю встречу.

– Вот как? – опешила Люсиль.

– Ей-богу. Это вправду ты?

– Да, я.

Нахлынули воспоминания, в которых Густав снова был красивым дюжим парнем шестнадцати лет, а сама она – миловидной восемнадцатилетней учительницей с румянцем на щеках.

Густав никогда не видел усохшую седую вековуху в очках, в какую превратилась Люсиль. Она никогда не видела лысого морщинистого

старика, каким стал Густав. Друг для друга они навеки останутся молодыми.

О стольком хотелось спросить, но родителям уже не терпелось поздороваться с сыном, а другим – перекинуться парой фраз с давним приятелем.

– Вы, наверное, рады, что Густав с нами, – сказала Катрина. – Помнится, он всегда был вашим любимчиком.

– О да, – ответила Люсиль. – Всегда.

О ЧЕМ ВЕСЬ ГОРОД ГОВОРИТ

колонка миссис Иды Дженкинс

Злодеи, берегитесь! Нынче весь город говорит о нашем первом шерифе – мистере Ральфе Чилдрессе, недавнем выпускнике канзасской полицейской академии. С ним, я уверена, жизнь наша станет гораздо спокойнее. Как увидите его в новенькой черно-белой машине, помашите ему рукой.

Кстати, его невеста, красавица Эдна, отнюдь не чужая в наших краях. Наверное, вы помните, что прошлой осенью ее неподражаемый яблочный пирог в сладко-кислой подливке победил на кулинарном конкурсе. Ням-ням. Ральф – сын Мэри и Ричарда Чилдресс. Эдна – дочь мистера и миссис Дж. Д. Нобблит с Южной Второй авеню.

Всех нас опечалило известие о смерти нашего земляка мистера Густава Тилдхолма, чьи родственники по-прежнему обитают в здешних краях. Арвис и Нева Оберг, хозяйева похоронного бюро «Будьте покойны», отвечавшие за погребение, сказали, что соболезнования по поводу кончины мистера Тилдхолма пришли со всего света. Говорят, он весьма успешно занимался импортом-экспортом и владел большим числом компаний в разных странах.

P. S. Не забывайте поливать свои розы. Следите за тлей. Помните, что божьи коровки – лучшие друзья цветов.

Наверстывание

Наконец Густав со всеми поздоровался и продолжил прерванную беседу с Люсиль:

– Я думал о тебе постоянно, представлял, как ты живешь. У меня была сумасшедшая мечта: вернуться богачом, купить старую ферму и...

– Что же ты не написал мне?

– Я хотел. Но потом узнал о твоей помолвке и раздумал.

– Но я не была помолвлена, ни с кем.

– Не была?

– Нет. Тут какая-то ошибка.

– А мне сообщили... И тогда я рванул куда глаза глядят. На сухогрузе объездил весь свет. Япония, Китай, Индия, Южная Америка – где только не был.

– Ой, какая экзотика! Не зря ты хорошо успевал по географии.

– Если честно, только этот предмет я и любил. Значит... ты не была замужем?

– Нет... никогда.

– Боже мой, все эти годы я думал, что у тебя семья. Сбежал как дурак. Видно, гордыня заела. Столько лет профукал. Все искал кого-нибудь вроде тебя. Разок даже оженился. На славной женщине из Рио-де-Жанейро. Но она – не ты. Что ж я домой-то не заехал... Надо же быть таким ослом!

– Не казись, Густав. И я могла бы тебе написать, попросить приехать... Наверное, слишком боялась людской молвы. Но прошлого не воротись. Главное, теперь ты здесь... А вернулся бы раньше, не повидал бы свет.

– Да, так и есть. Как ты-то жила?

– Ну... бывало одиноко. Спасалась учениками. До сих пор кто-нибудь из бывших учеников меня навещает, представляешь?

– Вполне. Ты была прекрасной учительницей.

– Спасибо, Густав. Для меня очень важно, что ты так думаешь.

Верно, Люсиль была прекрасным учителем. Да, она прожила одинокую, но вместе с тем полную жизнь. На ее глазах выросли ученики. Позже за парту садились их дети, а потом внуки, и это наделяло душевным покоем.

Она не ведала, что изменила жизнь многих ребят, ибо в нужное время сказала им нужные слова.

Один ее ученик, хилый парнишка, посмешище класса, стал успешным нью-йоркским драматургом и написал ей об одном случае, совершенно ею забытом:

Я, двоечник по математике и прочим точным наукам, считал себя безнадежным тупицей, но однажды вы подсели ко мне и сказали: «Дорогой мой, одни сильны в математике, а другие, вроде тебя, одарены способностью к творчеству и удивительным воображением, Я уверена, ты совершишь нечто великое». В тот день вы, сами того не ведая, изменили мою жизнь.

Жаль, она не дожила до времени, когда это было сказано во всеуслышание. Получая премию «Тони» в номинации «Лучшая пьеса года», известный драматург так закончил свою речь: «И последнее. Я безмерно благодарен моей школьной учительнице, верившей в меня как никто. – Он вскинул руку с призом: – Эта награда – вам, мисс Бимер».

За долгие годы размышлений Люсиль пришла к выводу: ты можешь не понимать, почему жизнь твоя сложилась так, а не иначе, но в итоге все будет, как должно быть. Временная разлука с Густавом далась тяжело, но теперь они вместе навеки... а может, и дольше.

Через пару лет пребывания на «Тихих лугах» Густав сказал:

– Если вдруг я исчезну раньше тебя, запомни, милая: где бы я ни оказался, кем бы ни стал, я буду тебя ждать. Я не хочу снова тебя потерять. Что бы ни было, я тебя разыщу.

Неожиданно встрял старик Хендерсен:

– Господи ты боже мой! Меня уж тошнит от вашей любовной воркотни. Когда это кончится?

Густав рассмеялся и крикнул в ответ:

– Никогда, старый хрыч! Давай спи себе!

А в Элмвуд-Спрингс жизнь шла своим чередом. Народ покатывался от «Скрытой камеры» и «Шоу Рэда Скелтона», ржал над потешной Кэрол Бёрнетт в фильме «Шоу Гарри Мура». Элнер Шимфизл установила телевизионную антенну и теперь не пропускала «Шоу Лоренса Белка». Матушка ее, Нэнси Нотт, когда-то играла на гармонике, и Элнер самозабвенно внимала музыканту, покоренная танцем «Леди-шампанское». А все девочки влюбились в Таба Хантера.

Шестидесятые
В воздухе что-то витает...

Идем дальше

К 1960-му продукцию Сыроварни «Сладкий клевер» знали в шести штатах. Ферма, дававшая жителям рабочие места, стала истинной гордостью города.

На торжественном обеде в Цинциннати Гленн Уоррен, участник слета магазинных владельцев, спросил мистера Сокуэлла из Литтл-Рока, Арканзас, слышал ли он о масле «Сладкого клевера».

– Конечно, – ответил тот. – В нашей округе им торгуют все местные магазины. Жена покупает молоко и сыр с этой фермы... А что?

– История сыроварни началась в моем родном городе.

– Вот как? Хм.

– Да, ее основал некий швед Нордстрём. Мой отец был с ним очень дружен.

За множество добрых дел Андер и Беатрис пользовались всеобщей любовью. В 1949-м они учредили студенческую стипендию и финансировали строительство городской больницы.

Андер неоднократно вносил залог за Джеймса Вутена, вызволяя его из кутузки. На пятый раз Тотт сказала:

– Андер, спасибо, конечно, но больше не надо, пускай сидит... Он все равно возьмется за старое.

Так оно и случилось.

Линда, дочь Нормы Дженкинс, посещала танцшколу Дикси Кахилл. Тотт Вутен тоже записала туда свою дочку Дарлин, но вскоре Дикси ей позвонила и посоветовала забрать девочку.

– Танцовщицы из нее не выйдет, – сказала она. – Жалко тратить деньги, заработанные тяжким трудом, на то, что никогда не окупится.

В октябре 1963-го скончался мэр Тед Нордстрём, на похороны пришло больше двухсот человек. Во время погребальной службы Катрина не спускала глаз с Ингрид, приехавшей из Техаса. Город тяжело переживал утрату, но переход Теда на «Тихие луга» прошел легко. Там ему были рады, и сам он не чаял повидаться с родными.

– Подумать только, мисс Бимер, – сказал Тед, – нынче я встретился и с мамой, и с сыном.

Воссоединение с отцом успокоило Джина, теперь он не боялся, что его забудут.

– Слушай, пап, – сказал он, – что-то я давно не видел Мэрион и Дену. Как они там?

– У них все хорошо, сынок. Дело в том, что Мэрион уехала домой. По-моему, кто-то из родных ее захворал. Потом она отправилась в Нью-Йорк, где получила денежную работу в шикарном универмаге... как же его... Терта знает... А Дену просто не узнать! Мэрион прислала ее фото, которое поместили в журнале «Севентин». Совсем взрослая девица!

Джин улыбнулся: у дочки полно своих забот, как у него в ее возрасте.

На ближайшем заседании городского совета Гленна Уоррена назначили мэром.

– Я прям не знаю, ребята, – сказал он. – Такая ответственность. Может, проведем выборы?

– Да ладно тебе, – отмахнулся Мерл Уилер. – Ты – лучший друг Теда. Давай впрягайся.

Деваться некуда. Гленн согласился.

Когда он пришел домой на обед, жена Ола с порога его приветствовала:

– Наше почтение, мэр Уоррен!

– Откуда ты знаешь? И часа не прошло.

Ола рассмеялась:

– Вербена Уилер позвонила.

– Вот уж сорока-то болтливая! Невтерпеж ей!

– Верно сказано.

Да уж, для Вербены Уилер этакая новость – что горячий уголек в ладонях, долго не удержишь. К двум часам дня весь город знал, что Гленн Уоррен – новый мэр.

А на «Тихих лугах» природа затевала впечатляющие постановки. Вот давеча с ветки сорвался огромный ястреб и, взмахивая крыльями, что в ярком лунном свете казались белоснежными, сделал круг над холмом, а потом улетел в долину.

Вскоре в эти спектакли вписались реактивные лайнеры, проплывавшие в темном ночном небе. Удивительно, сколько их было, больших и малых самолетов, мигавших красно-белыми огоньками.

Один покойный фермер-норвежец, впервые увидевший самолет, спросил внука:

– Хочешь сказать, внутри этой штуки живые люди?

– Да, дед. Я на таком летал из Сент-Луиса в Нью-Йорк.

– И что, ты словно в утробе птицы?

– Нет, самолет здорово шумит и не машет крыльями.

– А как же он летит-то?

– Понимаешь, ты забираешься в такую трубу, похожую на длинный узкий автобус. Находишь свое место, пристегиваешься ремнем, и тут начинают реветь двигатели. Потом самолет выезжает на дорожку, что есть мочи разгоняется, и оглянуться не успеешь, как земля далеко внизу, а ты – в облаках и летишь, куда тебе надо.

– Ух ты! – завистливо вздохнул паренек, умерший в 1923-м.

– Симпатичная девушка приносит тебе орешки и напитки, а потом – раз-два, и ты опять на земле, но уже за сотни миль от места, где сел в самолет.

– А высоко он забирается?

– На тысячи футов.

– Мать честная! И что же эти дураки еще-то удумают?

Расставание с домом

Нынче Беатрис приехала к Элнер одна. В расстроенных чувствах. Ханна Мари собиралась на учебу в бостонскую спецшколу для глухонемых.

– Я очень за нее беспокоюсь, – сказала Беатрис. – Девочка никогда не покидала дом. А Бостон так далеко. Я буду ужасно по ней скучать.

– Понимаю, милая, это тяжело, и ты, конечно, будешь скучать, – ответила Элнер. – Все будем скучать. Но постарайся во всем этом увидеть хорошее. Слава богу, у вас с Лидером есть деньги, чтобы отправить дочку в лучшую школу. А если б девочка родилась в бедной семье?

– Да, за это я благодарна судьбе. Но будь моя воля, я бы веки вечные держала ее при себе.

– Когда она уезжает?

– Через пару недель... – Беатрис вздохнула: – Господи, с ужасом жду этого дня. Мне вот говорят, ей надо учиться самостоятельности, и это, я знаю, правильно... Но все равно страшно переживаю. Она такая доверчивая и простодушная, жизни совсем не знает.

– И хорошо, что она такая.

– Ты думаешь?

– Уверена.

Беатрис улыбнулась:

– Наверняка у нее все сладится, но меня тревожит не только школа – будущее дочки вообще. Вдруг она никогда не выйдет замуж? Мы с Лидером не так уж молоды. А если с нами что-нибудь случится? Кто тогда позаботится о Ханне Мари?

– Перестань, Беатрис, ничего с вами не случится.

– Ладно. Только обещай: если что, ты за ней приглядишь... чтобы все было хорошо.

– Само собой, об этом нечего и просить. – Элнер похлопала подругу по руке: – Пока я жива, никто нашего ангела не обидит. А я баба крепкая, из крестьян. И потом, весь город в ней души не чает.

2 сентября, 1965

Дорогая моя тетя Элнер,

Привет из Бостона! Извини, что не написала сразу, тут такая кутерьма – нас распределяли по спальням, классам и все такое. Вот

только-только улучила минутку. Спасибо огромное за консервированные фиги. Ем их и всякий раз вспоминаю тебя. Тетя Элнер, ты там без меня присмотри за мамой с папой, ладно? Они выглядели такими убитыми, когда я уезжала.

Ты меня не выдавай, но я по ним ужасно скучаю. Иногда вечером плачу, пока не усну. Много новых предметов – математика, например. Уф! Но все это мне пригодится, чтобы помочь папе в благотворительности.

Ну пока.

Всегда с любовью, Ханна Мари.

28 ноября, 1965

Дорогая тетя Элнер,

Я надеюсь, у тебя все хорошо. Мне уже гораздо лучше. По дому, конечно, скучаю, но очень здорово быть среди таких же, как ты. У меня много новых друзей из самых разных мест. Одна девочка – аж из Южной Америки. Она жестикулирует на испанском! Вот потеха! Мы с ней вместе учимся кататься на коньках, это очень весело. Как приеду на Рождество, покажу тебе фотографии – сколько тут снега. По воскресеньям я хожу в церковь для глухих, а на следующей неделе наш школьный драмкружок представит пьесу Шекспира «Ромео и Джульетта». Ваша покорная слуга в роли Джульетты. Только папе с мамой не говори. Знаю я их – захотят приехать на спектакль, и я буду волноваться еще сильнее.

С любовью, Ханна Мари.

Р. S. Знаешь что? В следующем семестре я начну заниматься бальными танцами!

30 января, 1966

Дорогая Ханна Мари,

Я получила твое письмо. Милая, да не волнуйся ты так за папу с мамой. Ей-богу, у них все хорошо. Тут вот надумали переехать в Бостон, чтоб быть поближе к тебе, да я их отговорила. Так что учись, веселись, а родителей предоставь мне. Уж ты меня знаешь. Есть у меня всякие хитрые способы. Норма шлет привет, от меня тебе поклон. Ты там поосторожнее с этим снегом, а то схватишь трехстороннюю пни-в-

манию или как там ее.

Тетя Элнер.

Р. S. Ты не слыхала про бостонскую фасоль? Она отличается от обычной? Коли так, привези мне штучку, ладно?

18 февраля, 1966 Милая тетя Элнер,

Спасибо, спасибо, тысячу раз спасибо! Я ужасно люблю папу с мамой, но если б они сюда переехали, я бы целыми днями только за них и переживала. Вот приеду на летние каникулы, примчусь к тебе на ферму, и будем мы с тобой разговаривать всю ночь до утра. Мне сто-о-олько всего надо тебе рассказать! Привет дяде Уиллу, Норме, Мэкки и Линде.

С любовью, Я.

Привет, Кутер

На «Тихие луга» Кутер Колверт прибыл еще довольно молодым – рак простаты.

Там его ждало приятное открытие: старый друг Джин Нордстрём остался все тем же классным парнем, полным живого интереса ко всему, что творилось на белом свете. За двадцать с лишним лет после его смерти много чего произошло, так что друзьям было о чем поговорить.

– Вернулся домой, женился на Тельме, – рассказывал Кутер, – у нас родилась дочка Кэти. А потом учредил газету, о которой мы с тобой мечтали.

– Вот молодец! – похвалил Джин. – Успешно?

– Да, вполне. Мама моя в доме престарелых «Счастливое раздолье»... у Мэкки и Нормы дочка Линда...

– Да, я знаю.

– Ну что еще... да, твоя тетя Элнер все такая же здоровячка... Говорят, держит свору кошек.

– Узнаю тетю Элнер! – засмеялся Джин. – А как тетя Ида?

– Ну что тебе сказать? Ида есть Ида. – Кутер усмехнулся. – В газете ведет свою колонку.

– Да брось ты! О чем?

– Просто всякая чепуха из жизни «Клуба садоводов».

Вот так они и болтали. Джин спрашивал, как поживает футбольная команда и прочее в том же духе.

Много шутили, вспоминали свое озорство.

– Помнишь, как ходили в кино? – спросил Кутер.

– Еще бы! Можно сказать, не вылезали из кинотеатра.

Кутер старался удерживать разговор на легких и приятных темах, хотя в мире случалось разное. Он не стал говорить, что сейчас парни сжигают призывные повестки, отказываясь служить в армии. Как об этом скажешь тому, кто отдал жизнь за родину?

Меж тем Лестер Шингл жадно ждал новостей. Он надеялся, что какой-нибудь новобранец «Тихих лугов» сообщит о поимке его убийцы. Но пока что никто ничего не говорил. Это убийство вообще не поминали. Казалось бы, в маленьком городе такое происшествие должно дать пищу для жарких обсуждений. Но время шло, и Лестер засомневался. Неужто она выйдет

сухой из воды? Свидетелей-то опросили? В тот вечер парковка перед боулинг-клубом была пуста. Следы крови на шарах нашли? Отпечатки пальцев сняли? Конечно, это нелегко, когда столько людей катают один и тот же шар. Но все равно в чем-нибудь убийца допустила промашку. Ведь это несправедливо. Злобная баба скосила здорового парня в расцвете лет, и всем хоть бы хны.

Особый мальчик

1967

Ханна Мари Свенсен превратилась в красивую девушку: стройная фигура, шелковистые каштановые волосы, выразительные карие глаза. Природное обаяние и общительность обеспечили ее массой друзей среди глухих и слышащих. От матери она унаследовала чувство стиля и всегда хорошо одевалась. И тем не менее, когда в начале последнего учебного года Ханна Мари написала родителям об одном замечательном юноше, новость эта стала в некотором роде сюрпризом. Беатрис знала, что у дочери много друзей, но прежде она никого не выделяла. Конечно, Беатрис разволновалась. Мальчик этот глухонемой или нет? И вообще, что он из себя представляет?

Родная моя,

Мы очень рады, что у тебя все хорошо и ты по-прежнему довольна школьной жизнью. Похоже, твой друг Майкл – славный мальчик. Прости за бестактность, он слышит?

Это совершенно неважно, просто для сведения. Если хочешь, мы с папой охотно пригласим его в гости. В любом случае помни, милая, что папа и мама тебя любят и очень по тебе скучают.

Мама.

Лидер, конечно, все изложил бы иначе: «Привези своего охламона, чтоб я его хорошенько рассмотрел». К счастью, письма всегда писала Беатрис.

У отцов иное отношение к дочерям. Когда Линда Уоррен начала встречаться с мальчиками, ни один из них не понравился ее отцу Мэкки.

– Пусть они прикидываются паиньками, я сам был парнем и знаю, что у этих гаденышей на уме, – поделился он с Нормой.

О ЧЕМ ВЕСЬ ГОРОД ГОВОРИТ

Нынче весь город говорит о том, что новый мэр Гленн Уоррен прекрасно справляется с обязанностями. Хотя планка задана высокая. Далее, наши поздравления «Клубу матерей», организованному при школе. Распродажа выпечки имела грандиозный успех. Стыдно признаться, я нарушила диету, купив два яблочных пирога Эдны Чилдресс, но кто меня осудит? Я задаюсь вопросом: как Ральф, муж Эдны, умудряется оставаться худым? Выручка от распродажи пойдет на благие дела. Наверняка все рады, что в оркестре долгожданная новая туба. Дирижер Эрнст Куниц говорит, что прежний музыкант дошел до ручки.

Кстати, в эту пору все гадают, какие цветы нести на кладбище. Общеизвестно, что на День матери прекрасно годятся розы. Матушкам и бабушкам под стать и цветущая гардения, но я себя часто спрашиваю: Ида, а что хорошо для отцов и дедов в их особый день? Вы не ошибетесь, если принесете им растение в горшочке, нечто такое, что говорит «Я тебя люблю» и выглядит не слишком женственно. Есть множество прекрасных вариантов. Когда опять зайдете в тупик, подумайте о горшочке с геранью, бегонией или плющом. Разноцветный перец, красный и зеленый, тоже очень неплох для ваших любимых мужчин. Как чудесно, что природа предоставила нам столь широкий выбор, правда?

А скажите, кто-нибудь заметил, что зацвели тюльпаны, посаженные «Клубом садоводов» у фонтана в парке? Бог мой, прогуляйтесь туда, и вы решите, что очутились в Голландии.

Красота важна и стоит очень дешево.

Через цветы природа нам говорит: «Гляди веселей, весна пришла!»

Молодой человек

Ханна Мари привезла Майкла Джеймса Винсента познакомиться с ее родителями, и он всех очаровал. Через несколько дней Свенсены устроили большой прием, чтобы друзья дочери увидели ее избранника.

Тем вечером Лидер и Беатрис сидели в гостиной, наблюдая за веселившейся молодежью.

– Я так счастлива, – сказала Беатрис. – По-моему, очень хороший мальчик. Как он тебе?

Лидер глянул на Майкла в соседней комнате:

– Возможно, хороший, но проверить его не мешает.

– Что значит – проверить? – нахмурилась Беатрис.

– Просто сделать пару звонков. Мы же про него ничего не знаем. Например, из какой он семьи.

– Даже не вздумай! Мне все равно, из какой он семьи. Девочка влюблена, и если она узнает о твоих затеях, никогда тебе этого не простит! Я, кстати, тоже.

Лидер уставился в потолок. Беатрис знала эту его манеру.

– И не надейся провернуть это втихомолку, – сказала она. – Рано или поздно я все равно узнаю.

Лидер вздохнул. Угораздило его жениться на той, кто читает мысли! Ведь узнает, точно. Неведомо как, но узнает. Чутье небывалое. Вот давеча по дороге домой он съел две шоколадки и думал, все шито-крыто, так на другой день она нашла обертки в бардачке.

С виду парень нормальный, но как же хорошо, что Лордор заставил включить в завещание пункт о ферме. Теперь на душе спокойно – никто и никогда ее не оттяпает у Ханны Мари. Как же не хватает Лордора. Свет не видел такого мудрого человека.

Словно в ответ на мольбы Беатрис, под Рождество молодой человек сделал предложение Ханне Мари, и свадьбу решили сыграть весной. Вне себя от счастья, Беатрис тотчас кинулась звонить Элнер:

– Наша девочка помолвлена!

Весь город был рад за Ханну Мари. Парень красавец – темные вьющиеся волосы, голубые глаза – и явно от нее без ума. Не глухой, ради возлюбленной он обучился языку жестов.

Золушка и ее прекрасный принц

Свадьба стала грандиозным событием. На венчании Нормы Ханна Мари была хранительницей колец, а теперь Норма охотно приняла роль подружки невесты. Бывшая наставница Ханны Мари, обучавшая ее языку жестов, стала сурдопереводчиком для священника. Когда жених и невеста взглянули друг на друга и жестами сказали «да, беру», в церкви никто не удержался от слез.

Потом новобрачные исполняли первый супружеский вальс, и молодой муж не сводил нежного взора со своей половины. Элнер, Беатрис и Андер сидели за столиком молодоженов.

– Бедняжка, ведь она не слышит музыки на собственной свадьбе, – сказала Беатрис.

– Ты глantzь, она же вся светится, – ответила Элнер. – Я еще не видала такой счастливой новобрачной.

Андер лучился радостью:

– Правильно, Элнер. Главное, чтобы девочка моя была счастлива, все остальное чепуха.

В своей колонке Ида написала: «Эта свадьба уподобилась сказке с благополучным концом, когда Принцесса выходит за Прекрасного принца и они живут долго и счастливо».

Новоиспеченный тесть сделал щедрый подарок – сразу после торжества молодые отправились в длительное свадебное путешествие по Европе. Когда Лидер заказывал билеты, у него возникла мысль, а не поехать ли им всей семьей, но Беатрис идею не поддержала:

– Нет, Лидер, нельзя вторгаться в их медовый месяц.

– А что такого? Мы будем жить в разных номерах.

Беатрис пошла на компромисс и согласилась проводить молодоженов до Нью-Йорка. В тот день, когда огромный корабль, готовясь отплыть, дал прощальный гудок, Андер и Беатрис, с головы до ног обсыпанные конфетти, помахали с причала, и Андер, как всегда, расчувствовался.

Заканчивался третий день пути; в роскошной кают-компании богатая вдова, пять раз побывавшая замужем и подолгу осенявшая себя крестным знамением, прежде чем усесться за столик вдали от оркестра, но с видом на океан, обратила внимание на Майкла с Ханной Мари и спросила свою

приятельницу, которая все про всех знала:

– Что это за красивая пара танцует? Раньше я ее не замечала.

– Я с ними не знакома. Фамилия их Винсент. Говорят, ее папаша держит большую молочную ферму где-то на Среднем Западе.

– Угу. А он кто такой?

– Ее муж – это все, что я знаю. Но кто-то слышал, как он уведомил стюарда: мол, жена его глухонемая, поэтому все вопросы – к нему.

– Надо же! Такая красавица.

– И, видно, богатенькая.

С минуту вдова разглядывала пару, затем спросила:

– Позволь, Клодия, как же она танцует, если она глухая?

– Не знаю. Наверное, он ее ведет, она подчиняется. Только посмотри, какая она изящная, стройная, стильная. Может, девушка и со Среднего Запада, но платье ее определенно не оттуда.

– Определенно. Глянь, как она на него смотрит – словно он ей луну с неба достал. – Вдова зачерпнула ложечкой парфе. – Но скоро это пройдет, поверь мне. Стоит пожить с мужчиной, и он весь как на ладони, уж я-то знаю.

Тут к микрофону вышел человек в смокинге и запел:

Дела нет до небосклона,
В звездах он или угас,
Лишь с тебя, моя мадонна,
Нынче не спускаю глаз.

Паршивая новость о Прекрасном принце. Если б Андер Свенсен послушался внутреннего голоса и навел кое-какие важные справки, он бы узнал, что Майкл Винсент действительно вырос в Лейк-Форест, Иллинойс, и учился в Северо-Западном университете. Но только человек, за которого дочь его вышла замуж, был *не тот* Майкл Винсент. И вообще его звали иначе. Имя «Майкл Винсент» он выудил из университетского ежегодника.

О ЧЕМ ВЕСЬ ГОРОД ГОВОРИТ

колонка миссис Иды Дженкинс

Вторую неделю весь город говорит о планах по возведению стационарного торгового центра на автостраде (напротив дома престарелых). По слухам, отдельные владельцы центральных магазинов не прочь там справить новоселье. Похоже, нас ждут большие перемены.

Строительство трейлер-парка завершено, и многие опасаются, что он накличет торнадо. Мой муж Герберт считает это суеверием. Надеюсь, он прав. А я вот задаюсь вопросом: нельзя ли обойтись без перемен вообще? Наш город в его нынешнем виде меня вполне устраивает. Муж говорит, прогресс – это благо, но порой меня одолевают сомнения.

Ох, как же надоела эта долгая холодная зима! Нелишне напомнить, что комнатные растения прекрасно оживляют интерьер. Бегония, азалия или гортензия превратят унылую комнату в празднество цвета. Кто из вас помнит чудесную задумку Дороти Смит? На все подоконники она выставила цветущий плющ в бутылочках синего стекла в форме скрипки. Боже мой, с возрастом я начинаю грустить по былым временам.

Мне кажется или время и впрямь летит? Вот только вчера моя Норма была крохой. А сегодня она уже взрослая женщина и у нее своя дочка.

Кстати, недавно мы с Гербертом летали в Чикаго (мужу надо было показаться кардиологу), и меня весьма впечатлила новая сине-белая форма стюардесс: жакет и юбка в обтяжку. Просто шик!

Ида не могла написать о том, что беспокоит ее не только собственно трейлер-парк, приманивающий торнадо, но и его обитатели определенного сословия. В особенности одно семейство. На ее глазах мамаша (у которой не хватало трех передних зубов) смертным боем лупила пятилетнего сынишку Лютер его звали. Правда, мальчишка сам дал ей пинка, когда в магазине она попыталась отобрать у него шоколадный батончик, однако мамашины выражения и эпитеты, какими она награждала сына, в Элмвуд-Спрингс обычно не услышишь. Разве что от Тотт Вутен. Но в ее случае соленые словечки никогда не адресовались детям. И, учитывая ее жизненные обстоятельства, выбор отдельных слов ей был простителен.

Бедная Тотт. Столько лет она терпела мужа-пьяницу, который наконец завязал, а потом через год сбежал с девицей, некоей Джеки Сью Поттс. Тотт просто взбеленилась и черт-те что творила с прическами клиенток.

Например, Вербене сделала такой перманент, который было невозможно расчесать.

Ну ты горазд врать

В Элмвуд-Спрингс народ любил хорошие шутки и байки, а посему держал ухо востро, всегда готовый к розыгрышу.

Когда в 1969-м мистер Клейборн прибыл на «Тихие луга» и поведал об американце Ниле Армстронге, прогулявшемся по Луне, ему, конечно, никто не поверил.

– Слушай, Уиллард, – сказал старик Хендерсен, – пусть мы покойники, но мы же не идиоты.

– Да нет, я говорю правду. Сам видел по телевизору. Парень даже сказал: «Это маленький шаг человека и громадный скачок людей». Или он сказал «человечества»? Ну как-то так. Ей-богу, не вру. Это не хохма. Могу побожиться.

– Ну да, конечно. А знаешь, у моей бабки три головы.

Все были уверены, что их дурачат, однако вечером разглядывали ночное светило: неужто вправду человек смог преодолеть такое расстояние, да еще пройти по Луне?

Через неделю-другую insult пополнил покойницкие ряды Джеком Луком, к которому тотчас все кинулись с вопросом:

– Вправду человек полетел на Луну?

– Да, по телику был репортаж. Нил Армстронг.

– И он прям оттуда говорил?

– Прямо оттуда.

– Ну что, олухи? – торжествовал Уиллард.

После того как невероятное сообщение подтвердилось, старики перестали гадать, что там наверху еще удумают. Дальше некуда, если уж до Луны добрались.

Семидесятые

Лихорадка субботнего вечера

Вьетнам

В грузовиках лежали сотни трупов в мешках, готовые к отправке на родину. Солнце палило нещадно, в наряде по изготовлению бирок одни солдаты были пьяны, другие валились с ног от усталости. Смены не было давно, и они допускали ошибки.

Как обычно, Люсиль Бимер приветствовала новичка:

– Добро пожаловать на «Тихие луга». Меня зовут Люсиль Бимер. Позвольте узнать ваше имя.

Парень вроде как смешался:

– Э-э... Джексон. Си Джей. Куда я, говорите, попал?

– На кладбище «Тихие луга».

– Это в Нью-Джерси?

– Нет, в Миссури.

– Вы шутите...

– Ничуть.

– Значит, я не туда прибыл. В другой штат. Я из Элмвуд-Хиллз, Нью-Джерси.

– Боже мой! Я даже не знаю, что сказать, дорогой. Если вас это утешит, для нас честь принять вас.

Другой новичок, Расти Хэгуд с участка № 431, смекнул, в чем дело, и вмешался:

– Привет, старина! Я сам только что из Вьетнама. Чего тут? Откуда тебя прислали?

– Из Пномпеня, – ответил Си Джей.

Завязался разговор, Расти представил Джексона всем ветеранам, включая Джина Нордстрёма.

Долгая беседа с множеством людей утомила новенького, и он решил вздремнуть. Засыпая, Джексон думал о своей странной ситуации. Нью-Джерси он любил не особо, по крайней мере, свой район. Из близких там осталась лишь наполовину родная старшая сестра, которой он никогда не нравился. Так что с этим, пожалуй, все в порядке. А народ здесь вроде бы хороший. Наверное, тут ничуть не хуже, чем в любом другом месте. И вообще ему всегда хотелось побывать на Среднем Западе. Одна армейская медсестра, родом из Айовы, была с ним очень мила. Прямо очень-очень. Так какого черта?

Не дожидаясь приветственных речей, пополнение «Тихих лугов» с ходу взяло быка за рога:

– Всем – здравствуйте! Я – Ида Дженкинс. Рановато я здесь оказалась, но это отдельная история. Однако, раз уж я тут, можете смело расспрашивать о наших последних проектах.

– О чем она толкует? – удивилась Берта Гаммз. – Какие еще проекты?

– Видать, что-нибудь касаясь «Клуба садоводов», она же его председатель, – ответила миссис Белл.

– А я этого и не знала.

– Радуйтесь, что вам не пришлось с ней столкнуться. В клубе она правила железной рукой, и если ей не нравился вид вашего палисада, она к вам заявлялась, чтобы собственноручно подстричь вашу изгородь.

– Не может быть!

– Может, – сказала миссис Белл. – Однажды я была в отлучке, так она выкопала четыре куста моих камелий и пересадила их туда, где, по ее мнению, они смотрелись лучше.

– И вправду – лучше?

– Да, но она даже не спросила позволения.

– Ах вон как.

– Миссис Белл, это вы там? – окликнула Ида.

– Да, я. Здравствуйтесь, Ида.

– Привет, дорогая... Просто хочу сообщить, что ваши камелии в полном порядке. Я переговорила с новой женой вашего мужа... подругой вашей... как же ее... Она неправильно поливала растения, и я ее подучила.

– Онзелла Дизен?

– Точно. Ваш муж Ллойд поживает хорошо, хотя, надо сказать, все чуть-чуть удивились, когда он снова женился так скоро после вашей кончины... Но вы же знаете этих мужчин. Хорошо, что Герберт умер раньше меня. Не хотела бы я оказаться на вашем месте, когда другая женщина моментально въезжает в твой дом. Вас это не удивляет, миссис Белл?

– Я не знала, что он снова женился, Ида.

– Даже так... Ну что ж, я была рада поболтать с вами, дорогая.

Герберт, годом раньше перебравшийся на «Тихие луга», попенял жене:

– Ида, ты бы думала, прежде чем говорить. Ну вот, ты расстроила миссис Белл.

– Не понимаю, чему тут огорчаться. Вот если б он женился на какой-нибудь незнакомой женщине, другое дело.

Верно, мистер Белл женился на той, кого все знали. Но когда через несколько лет он сам прибыл на «Тихие луга», миссис Белл встретила его весьма и весьма прохладно. Мистер Белл никак не рассчитывал вновь свидеться с супругой, которая к тому же знала о его втором браке. Вот те раз! А он еще прикупил участок для Онзеллы, рядом со своим. Вышла крупная неприятность. После смерти Онзеллы мистер Белл оказался навеки зажатым между двумя своими женами. Храни его господь.

Вечером Ида поделилась с мужем:

– Герберт, я рада, что мы снова вместе, но, знаешь, я немного беспокоюсь.

– О Норме?

– Нет, о своей колонке. Как без меня люди узнают последние новости?

Ида тревожилась напрасно. Теперь газету выпускала Кэти, дочь Кутера Конверта, и она сама вела колонку новостей, подписываясь «Балаболка Кэти».

Элнер перебирается в город

1972

Норме, единственному ребенку в семье, было тяжело лишиться обоих родителей. Сначала умер отец, а год спустя от редкого вида лейкемии скончалась мать, по которой она очень скучала, хотя при жизни та, случалось, доводила ее до белого каления.

А теперь она просто устала. Перед ней стояла кошмарная задача: продать старый родительский дом и расчистить все четыре кладовки. Зачем человеку девятнадцать столовых наборов и семьдесят шесть птичьих статуэток – было выше ее разума.

После кончины Уилла Шимфизла Норма вяло уговаривала тетю Элнер перебраться с фермы в город. Поскольку Ида спрятала семейную Библию, никто не знал точно, сколько тетке лет, но все равно в таком возрасте жить одной негоже. Норма хотела переманить ее в город, чтоб была у нее на глазах. Наконец Элнер согласилась:

– Ладно, дорогуша, если тебе так будет спокойнее.

Она продала ферму знакомым, однако оставила себе старую мебель, одного старого рыжего кота и несколько любимых куриц. Норму это сильно напрягло. Нынче в городе никто не держал кур, и она опасалась недовольства.

Норма советовала тетке приобрести кирпичный домик в новом городском районе неподалеку от торгового центра. Но Элнер купила бывший дом Уорренов, во дворе которого росло фиговое дерево, в старой части города.

– Жизнь не в радость без крылечка, на котором можно посидеть, и без заднего дворика, куда можно выпустить кур, – сказала она.

Как выяснилось, куры ничуть не мешали соседям. Народ балдел от вокала Элнер. Нынче утром она всех порадовала вдохновенной версией «Когда мы были молоды, Мэгги». Несмотря на смену жительства, куры неслись исправно и щедро. Отныне никто из соседей уже не покупал яйца и консервированные фиги.

Элнер жила далековато от племянницы, но зато была знакома с обитателями старой части города. Мерл и Вербена Уилеры, владельцы химчистки «Голубая лента», жили прямо через дорогу. Справа стоял дом

Руби Робинсон, фельдшерицы на пенсии, и ее мужа Джона. Слева обитала Тотт Вутен со своей матушкой девяноста двух лет. Люди все общительные. В теплую погоду они собирались на заднем дворе Элнер, выходявшем на обширное кукурузное поле, и, устроившись в принесенных с собою пластиковых креслах, смотрели на закат, прихлебывая холодный чай или, кто хотел, пиво.

Здесь не было табличек «Район под охраной добровольных дружин». Одна востроглазая Вербена чего стоила, да и соседи приглядывали за домами друг друга, так что у грабителей не было ни малейшего шанса. Норму беспокоило, что Элнер вообще не запирает свою дверь, но та отвечала:

– Дорогуша, грабитель оказал бы мне услугу, а то столько хлама скопилось.

И верно, в доме царил немыслимый кавардак, а уж о чистоте нечего и говорить.

Однажды, вскоре после переезда Элнер, на ее кухонном столе Норма увидела большую банку из-под кофе «Максуэлл Хаус», наполненную землей.

– Что это, тетя? Какое-то растение погибло?

Элнер рассмеялась:

– Нет, это мои червяки. Они мои питомцы, хоть этого не знают. Такие миляги! Время от времени какой-нибудь высунется и повертит своей маленькой башкой. Умора, и только!

– У тебя в питомцах черви?

– Да им не требуется особый уход. Кинешь хлебных крошек или кофейных зернышек, они и рады. Кстати, дорогуша, угадай, что я для тебя приготовила? Этим утром нашла у себя во дворе.

– Надеюсь, не улитку или червяка?

– Нет, клеверок с четырьмя лепестками. Показала Мерлу и говорю: отдам, говорю, Норме. Спрятала его в морозилку.

Норма подсела к столу, не спуская глаз с банки:

– Они не вылезают наружу?

– Бывает, но я их запикиваю обратно.

– Личинок не боитесь?

– Да нет, вон, стол-то чистый.

По дороге домой Норма возблагодарила господ, что мать не дожила до подобного зрелища. Узнай она, что сестра ее держит банку с червями на кухонном столе, она бы хлопнулась без чувств. А Норма просто ужаснулась. Хотя чистота была ее пунктиком. Гость не успевал докурить

сигарету, как она уже вытряхивала пепельницу. Норма изо всех сил сдерживалась, старалась не смотреть на пепельницу, но совладать с собою не могла. Однажды она спросила дочь:

– Линда, у меня, может, психическое расстройство?

– Не знаю, мам. Разве не все дважды в день ватной палочкой протирают жалюзи, нет?

– Это у меня из-за твоей бабушки. – Норма вздохнула. – Если моя комната не блистала чистотой, она говорила: хочешь, чтоб люди думали, будто ты выросла в свинарнике? Только простолюдины разводят грязь в доме!

В журнале «Психология сегодня» Норма прочла об этой неумной тяге к совершенству. Мать явно страдала «комплексом стыда», который передался дочери.

Норма прекрасно понимала истоки и всю глупость своего поведения, но, с другой стороны, кто почистит эти жалюзи, если не она? И потом, она же не пьянствует, не принимает наркотики, не грабит банки, а просто любит чистоту.

И порой даже могла над собой посмеяться... так, изредка... может быть. Хотя, по правде, ничего смешного, если в доме грязь. Кроме того, уборка – это возможность чем-нибудь заняться. Странно, что Линда и Мэкки придают этому такое значение. У других же есть всякие увлечения, так вот, ее хобби – уборка. И что в этом ужасного? Вот почему дверца холодильника вся залапана? В четвертый раз за день протирая холодильник, Норма подумала, что ей, возможно, и впрямь нужна психологическая помощь, но тогда кому она не требуется? У всех свои маленькие сдвиги. Вон, тетя Элнер пестует червяков. Мэкки, разумеется, сказал, что ничего смешнее он в жизни не слышал, но вреда от теткиного закидона никакого. Он просто обожал Элнер. И каждое утро по дороге на работу заходил к ней на чашку кофе. Оставалось загадкой, о чем они могли говорить, но Элнер названивала днем и ночью, желая поболтать с Мэкки. Понятия времени для нее не существовало. Иногда она звонила в шестом часу утра, чтобы о чем-то спросить Мэкки или рассказать ему дурацкий анекдот.

Вот и сегодня на рассвете раздался телефонный звонок. Мэкки взял трубку:

– Нет, не знаю, тетя Элнер. Почему броненосец перешел через дорогу?

Потом он рассмеялся и, повесив трубку, опять захрапел, а вот Норма уже не уснула.

Хотя ей совершенно безразлично, почему броненосец перешел через

дорогу.

Годовщина

1974

В Чикаго у Майкла Дж. Винсента состоялась деловая встреча с рекламщиками, обслуживающими ферму его тестя. Днем он возвращался в Элмвуд-Спрингс, но перед отъездом надо было купить какой-нибудь подарок жене. Завтра шестая годовщина их свадьбы, и старик будет следить за ним, точно ястреб.

Перед женитьбой Майкл надеялся, что тесть выстроит им собственный дом, но старик уговорами и угрозами заставил молодых поселиться в его огромном особняке.

– Когда-нибудь этот дом станет вашим, – сказал он, – и то время, что отпущено нам с матерью, мы хотим быть ближе к нашей дочери.

И вот теперь Майкл вел игру и выжидал. С женой и тещей было проще. Но ублажить старика становилось все труднее.

В магазине Майкл смахнул снег, припорошивший плечи, и в ювелирном отделе поманил смазливую продавщицу:

– Иди-ка сюда, красавица. Выбери что-нибудь из этой мишуры и упакуй.

– Но что вы предпочитаете, сэр? – растерялась продавщица. – Рубины или, может, изумруды...

– Все равно, просто выбери что-нибудь. Я вернусь и заберу. Где продаются запонки?

– Вон там, через два отдела.

Не имело значения, что подарить жене. Целыми днями она торчала в своей комнате, готовила благотворительные акции или возилась с кошками, которых надарила тетка Шимфизл. Ей ничего не нужно. Все нужно только ему.

Они родились в один год. Ханне Мари отец давал все что ни пожелает. А он, шестой из восьми верещащих детей, рос в южном пригороде Чикаго, в однокомнатной съемной квартире, грязной и без горячей воды. От отца он получил только оплеуху и пинок под зад, когда ему исполнилось пятнадцать. В тот день он дал две клятвы: не заводить детей и не переступать порога этой квартиры. Обе исполнил. Через несколько лет, проезжая мимо своего бывшего дома, он глянул на темное расшатанное

крыльцо и подумал, жив ли кто из его семейства. Лучше бы – нет. Узнай родичи, что он при деньгах, постарались бы их захватить, но черта лысого. Слишком тяжело они достались.

Работать он начал в тринадцать лет – стоял на шухере, пока ребята собирали дань с игорных заведений, и получал приличные башли, но этого было мало. С детства ему казалось, будто сквозь чужое окно он, расплющив нос о стекло, смотрит, как живут другие люди. И его испепеляло желание оказаться по их сторону окна. Ради этого он был готов на все – врать, жульничать, воровать... или жениться на богатой.

Майкл не хотел возвращаться в Чикаго. Там он маленько наследил. Устроился в рекламное агентство, и вроде бы все шло хорошо. А потом одна конторская девица сказала, что беременна, и он крепко озлился. Девка завела бодягу – мол, женись теперь. А была всего-навсего секретаршей. Майкл позвал ее в ресторанчик рядом с работой, чтобы все обсудить.

Через два часа девушка сидела за столиком одна, уставившись на клочок бумаги с именем и адресом в районе, где прежде не бывала. Когда низенький толстяк открыл дверь служебного входа камеры хранения, он увидел юную блондинку, дрожавшую от страха перед тем, что ее ожидало. Она была очень похожа на последнюю девушку, присланную Сардино.

К половине восьмого вечера Херши Абрамс весь взмок, измотавшись за два часа работы. Наконец он набрал номер Сардино и просипел в трубку:

– Это я... Облом.

– Что?

– Она умерла. Не понимаю, что случилось. Я не смог остановить...

– Кто умер? О чем ты?

– Девушка... которую ты прислал. Истекла кровью. Давай приезжай и заведи ее.

– Не понимаю, о чем ты. Я никого не присылал.

– Блондинка. Сказала, от тебя.

– Не знаю я никакой блондинки.

С Абрамса пот уже лил градом.

– Ну помоги. Она мертвая.

– Говорю же, я не знаю никакой девицы.

– Что мне делать?

– Понятия не имею. Наверное, надо вызвать полицию, – сказал Сардино и повесил трубку.

Херши остолбенел. На своем веку он повидал хладнокровных подонков, но такого еще не встречал. Отмазался вмиг.

Энтони Сардино знал, что против него ничего нет, но счел за благо

уехать. Дуры бабы. Он решил с ними больше не связываться, если это не сулило выгоду.

Бостон, Массачусетс

1967

Энтони Патрик Сардино, присвоивший себе имя Майкл Джеймс Винсент, был наполовину ирландцем, наполовину итальянцем и стопроцентным сукиным сыном. Притом красивым, обаятельным и напористым. Сейчас он жил в Бостоне и работал в рекламной фирме.

Он приглядывался к стильным парням – как они ходят, как одеваются. Перенять их манеру было несложно. Произвести впечатление он умел. Нынче через приятеля он затесался на студенческую вечеринку. Студентки ему нравились. Оглядывая контингент, он ее и заприметил. Кого-то спросил, кто такая эта глухонемая девушка.

– А, это Свенсен, – ответил студент. – У отца ее огромная молочная ферма где-то на Среднем Западе. В Миссури, кажется.

О коровах он знал не много. Отец и дядья трудились на чикагских скотобойнях. Работа грязная и вонючая, он бы в жизни за такую не взялся. А вот владеть молочной фермой, большой, красивой и чистой, вполне можно. Он снова взглянул на девушку. Очень даже ничего. Этакая симпатяшка с открытым простодушным взглядом. Ну и что из того, что глухая? Безмолвная жена – это очень мило. Он ей кивнул и улыбнулся. О, смутилась. Даже покраснела. Нет, она совсем недурна. Он отставил стакан с пивом и подошел к ней.

День матери

На «Тихих лугах» царило хорошее настроение. Здесь очень любили весну. Сперва – Пасха, а это значит, что придет куча народу и весь холм будет уставлен корзинами с белыми лилиями.

А нынче – День матери. Даже если тебе самой не довелось стать матерью, у тебя-то мать была и, стало быть есть, кого сегодня вспомнить. Тед Норд стрём мог поздравить маму лично.

– Я просто счастлива, что сын мой рядом со мной, – сказала Катрина. – О лучшем Дне матери нельзя и мечтать.

Мэкки с Нормой заехали за тетей Элнер, и все вместе они отправились на кладбище. Последние шестьдесят с лишним лет Элнер привозила матери розы. Мэкки и Норма последовали ее примеру.

К вечеру холм утопал в аромате роз. Уже засыпая, Ида проговорила:

– Как приятно, когда тебя помнят, правда?

– Да, – ответила Катрина. – Тебе повезло иметь такую чудесную дочку.

– Она всегда была милой девочкой, – улыбнулась Ида. – Нервной, но милой.

Для Тотт Вутен День матери прошел незаметно. Она его и за праздник-то не считала. Одно время дочь ее, Дарлин, вместе с ней работала в салоне красоты, пока не выкрасила жену священника в ярко-оранжевый цвет. Девчонка не могла прочесть этикетку хоть убей. А потом оставила зажженную сигарету на полке с бумагами и устроила пожар. Она стала помехой, пришлось ее уволить. А у нее еще хватило наглости потребовать выходное пособие в размере месячного жалованья. Это с родной-то матери.

Сынок, Дуэйн Младший, тоже не закончил школу. Тотт было горько видеть машины с наклейками на бампере: МОЙ РЕБЕНОК – ШКОЛЬНЫЙ МЕДАЛИСТ. А вот ее дети в школу ходили поддатые. Наверное, этого следовало ожидать. Отец с матерью были для них не лучшим примером. Все мы крепки задним умом, и теперь-то она понимала: надо было давно бросить Джеймса, чтобы дети не видели их жутких скандалов. Конечно, зря она разбила телефон о мужнину голову. Не будь он так пьян, сказал врач, этакий удар его бы прикончил. Ой, да много чего надо было сделать совсем по-другому.

Прежде всего – родиться не такой, как сейчас, и в ином месте. Где-то она читала, что человеческая душа сама выбирает себе родителей, дабы

получить необходимые жизненные уроки. Бред собачий. Кто в здравом уме выберет себе отца-пьяницу и сумасшедшую мать? На свадьбе в стельку пьяный отец упал в вестибюле, и ей пришлось идти к алтарю одной. Когда священник спросил: «Кто отдает эту женщину?» – ему никто не ответил. А через год-другой съехала с катушек мать. Ранняя деменция, говорили врачи, но, думается, матушка намеренно выключилась из жизни. И кто ее за это осудит? Вот только мало радости печься о несчастной старухе, которая то и дело удирала.

Последний раз это случилось в торговом центре. На секунду Тотт отвернулась, и мать будто растаяла в воздухе.

- Я потеряла маму, – сказала Тотт охраннику Грейди.
- Ох, мои соболезнования. Когда она скончалась?
- Да не померла она, а потерялась – тут где-то, в магазине.

После двухчасовых бесплодных поисков мать объявилась сама. Она, оказывается, забрела в кинотеатр и, усевшись в зале, от начала до конца посмотрела фильм.

После этого случая Тотт прикрепила ей бирку с надписью «Нашедшего просят вернуть в салон красоты миссис Тотт Вутен».

Бедняга Тотт стала представителем «бутербродного поколения» задолго до появления этого термина. Ее зажало между матерью и детьми. Она понимала, что люди ей сочувствуют и лишь потому многие клиентки пользуются ее услугами. Жалость ей претила, но она нуждалась в деньгах. Забота о матери и детях не позволяла отложить ни гроша. По ночам, когда все уже спали, Тотт сидела в темной гостиной, курила и мечтала об одинокой бездетной жизни.

Последняя распродажа

После кончины Иды Дженкинс «Клуб садоводов» вроде как распался, что плохо сказалось на «Тихих лугах». Первое время Норма вместе с добровольными помощниками устраивала ежемесячную уборку кладбища, но потом кто-то уехал, кто-то отлынивал, и в результате все вернулось на круги своя: каждый ухаживал только за могилами родственников.

После того как местный банк закрылся, Арвис Оберг, владелец похоронного бюро «Будьте покойны», взял на себя бухгалтерию «Тихих лугов», но за двенадцать лет притомился этой морокой. Бумаг куча, а большинство захоронений уже происходило на новом кладбище. Посоветовавшись с женой, Оберг решил распродать оставшиеся участки на «Тихих лугах» и тем самым избавиться от обузы.

Утром Кэти Колверт пришла в редакцию и увидела объявление, которое Арвис желал разместить в пятничном номере газеты.

НА ЧТО УБИТЬ ЦЕЛУЮ ВЕЧНОСТЬ?

Гадать, что бы такое подарить папе на День отца?

Или маме – в ее праздник?

Ломать голову, что преподнести своей половине на годовщину?

Бриллианты – подарок надолго, а могильный участок – навеки.

Распродажа последних участков на «Тихих лугах».

Спешите... спешите... спешите...

Осталось всего 54 места!

Только на этой неделе мы предлагаем двухместный участок по цене одноместного.

Нынче же позвоните или приезжайте в похоронное бюро «Будьте покойны».

Кэти сомневалась, что кладбищенское место – лучший подарок, но Арвис был среди основных рекламодателей. И что ей оставалось делать?

Еще одна годовщина

Приближалась двадцать четвертая годовщина их супружеской жизни, и Норма, как всегда, мучилась с подарком для Мэкки. Большинство женщин покупали мужьям подарки в «Товарах для дома», но как быть, если твой муж – хозяин такого магазина? В конце концов по каталогу Сирса Норма купила пижаму и увешала ее рыболовными блеснами.

У Мэкки была та же проблема. Он напрочь не знал, что подарить жене, а дата подходила все ближе и ближе, и потому объявление о распродаже участков на «Тихих лугах» стало ответом на его молитвы. На другой день Мэкки с утра поехал в бюро и обрадовался, что не поленился встать пораньше. Он взял последний «двухместный участок по цене одноместного». От желающих не было отбоя, сказал Арвис. Едва он открыл контору, могилы разлетелись как горячие пирожки.

Норма еще была в халате, когда позвонила тетя Элнер:

– С годовщиной свадьбы!

– Спасибо, тетя Элнер.

– Как вы, голубки, отметите дату? Праздничным ужином в ресторане?

Норма вздохнула:

– Наверное.

– В каком?

– Не знаю. Мэкки сказал, это сюрприз.

– В чем дело, дорогуша? Что-то ты не особо радостная.

– Ну... пожалуй, так. Ты не поверишь, что Мэкки мне подарил.

– И что же?

– Ты лучше сядь. Двухместный участок на «Тихих лугах». Мэкки, говорю, могила – не очень-то романтичный подарок.

– Ох ты! По-моему, он просто молодец.

– Возможно, но я бы предпочла что-нибудь такое, чем можно пользоваться сейчас. Что проку от участка? Когда настанет время, я уже не смогу оценить всей прелести подарка.

Тетя Элнер засмеялась.

– Смейся, смейся, только, по-моему, в смерти нет ничего забавного.

– Дорогуша, не теряй чувства юмора. Смерть – всего лишь часть жизни.

– Но часть серьезная и страшная, я ее боюсь.

– Да, серьезная. Потеря любимых – тяжелейшее испытание, через

которое проходит человек. Именно поэтому, я думаю, Господь наделил нас чувством юмора. Иначе от горя все бы умерли, согласна?

– Не знаю, возможно... Но не могу ничего с собой поделаться. От одной мысли мурашки по коже.

– Все мы, душенька, когда-нибудь умрем.

– Но я не хочу умирать! И тем более думать о смерти, своей или Мэкки, в день нашей годовщины.

– Мало кто хочет умереть, но этого не избежишь. Что до меня, я готова отойти, когда Он сочтет это нужным.

– Тетя Элнер... Ну вот ей-богу же... Я потеряла маму с папой, и если еще ты умрешь, я тебе этого никогда не прощу. И даже позову Тотт Вутен тебя причесать.

Элнер рассмеялась:

– О нет, тогда уж лучше я еще поскриплю. Я не хочу в гробу выглядеть, как Ида.

Норма и сама не удержалась от смеха:

– Это ж надо – сделать начес с одного боку!

– Хорошо, что Ида не могла встать, она бы нас обеих убила.

– Но Тотт считала, что сотворила шедевр. Все прощание меня просто трясло. Люди подойдут к гробу, глянут и...

– Да знаю, я ж там была. Бог с ней, с Тотт. У нее свои достоинства. К несчастью, парикмахерское искусство не в их числе.

– Уж это точно! – От смеха Норма икнула.

– Будем надеяться, она уйдет на пенсию раньше, чем мы помрем. Иначе нас похоронят с начесами.

Норма повесила трубку и салфеткой отерла глаза. Настроение исправилось. Тетя Элнер права – Мэкки сделал прекрасный подарок. И очень забавный, если вдуматься. Другим женщинам дарят рубины и жемчуга, а вот ей преподнесли кладбищенский участок.

Спасайтесь!

1975

В полдень после пасхального воскресенья завывали сирены. Внезапно голубое апрельское небо обрело мерзкий темно-зеленый оттенок, поднялся вихревой ветер. Мерл Уилер первым увидел серый завинченный столб и заорал:

– Торнадо!

Потом раздался грозный рокот, и смерч, изрыгавший кровельную дранку, куриные клетки, шезлонги, пронесся через город, после чего взобрался на холм и утащил корзины с белыми лилиями, прихватив щепки от разломанной им старой кладбищенской арки. Затем пала зловещая тишина, которую вскоре нарушили гудки пожарных машин и стрекот телевизионных вертолетов.

Обитатели «Тихих холмов» замерли в тревоге за родных и друзей, проживавших в городе. Прислушиваясь к устрашающим звукам, они были уверены, что вскоре их ряды пополнятся многочисленными жертвами торнадо. Уилл Шимфизл весь извелся от беспокойства за жену:

– Господи, хоть бы она успела укрыться в погребе!

К счастью, соседка Вербена вовремя предупредила Элнер, и та вместе с котом и бельчонком, жившим в обувной коробке, благополучно отсиделась в подвале.

Шли дни, однако новички на кладбище не появлялись, и старожилы его облегченно вздохнули.

– Значит, никто не погиб, – сказал Джин. – Ну слава богу.

Да, человеческих жертв не было, но торнадо снес старую водонапорную башню и разметал трейлер-парк, превратив его в заваленный газовыми баллонами пустырь, на котором маячили тридцать четыре бетонные заплатки – основания под фургоны.

Многие горожане тотчас изъявили готовность приютить лишившихся крова людей. Но этот добрососедский жест имел одну единодушную оговорку: «Мы примем кого угодно, кроме семьи Григз».

Родители еще туда-сюда, но всех отпугивал сынок. Одиннадцатилетний Лютер Григз, отпетый хулиган, твердо стоял на пути превращения в оперившегося малолетнего преступника. Он уже дважды

поджигал школу.

За неделю все бездомные семьи получили временные пристанища. Осталось одно семейство. Григзы надумали вернуться в Западную Вирджинию, но решили, что сыну их лучше закончить учебный год в элмвудской школе.

– Я не буду жить со старухой, – заявил Лютер, с пакетом пожертвованной одежды стоя на крыльце дома Элнер Шимфизл.

– Дело скверное, ибо только она согласилась тебя взять, – сказал раздосадованный Мерл Уилер, председатель комитета по расселению. – Так что помалкивай.

Элнер открыла входную дверь:

– Здравствуй, малыш. Входи и чувствуй себя как дома.

Лютер не шелохнулся; Мерл втолкнул его в дом и поспешно отбыл, пожелав Элнер удачи.

В прихожей Лютер ожег хозяйку взглядом:

– Я тут не останусь.

– Ну и ладно, милоч. Но прежде чем ты уйдешь, давай-ка я тебя покормлю и, пожалуй, простирну эти одежды.

– Но жить я тут не буду. И ты меня не заставишь.

– Кто бы спорил.

Лютер огляделся:

– Дурацкий старый дом, а ты – древняя страхолюдина.

После этой реплики он вжал голову в плечи, ожидая тумака, но Элнер лишь согласно кивнула:

– Верно, дом дурацкий. – Потом глянула в зеркало и добавила: – А я и впрямь страшна. Ну ладно, пошли на кухню. У меня там бекон, горячие бисквиты, мед... Ты клубничное мороженое любишь? Если хочешь, перед твоим уходом можем полакомиться.

Лютер потоптался, затем следом за хозяйкой прошел в дом.

Узнав, что Элнер приютила Лютера Григза, Норма позвонила тетке и закатила истерику:

– Боже мой, тетя Элнер! Зачем ты дала себя уговорить на такое безумие? Почему со мной не посоветовалась?

Элнер племянницу знала и звонка от нее ожидала:

– Все понятно, но кто-то должен был его принять. И потом, это ненадолго.

– Только не удивляйся, если он сожжет твой дом или прирежет тебя во сне! – Норма бросила трубку, но не могла успокоиться: – Господи ты боже мой!

Мало ей тревог за дочку, уехавшую учиться вдали от дома, так теперь еще это. Как можно быть такой беспечной? Так рисковать жизнью и здоровьем?

На другой день к Элнер зашел мэр Смит с коробкой в руках:

– Я тут разбирал чулан и нашел старые вещицы Бобби. Может, Лютеру чего сгодится.

Когда он ушел, в гостиной Лютер заглянул в коробку, цапнул игрушечную машину, некогда принадлежавшую Джину Нордстрёму, и заперся в своей комнате. Оказалось, мальчишка любил все игрушки на колесиках.

Через месяц, когда учебный год почти закончился, за завтраком Элнер сказала:

– Ты, поди, ужасно соскучился по родителям?

Лютер оторвался от оладий, щедро сдобренных кленовым сиропом:

– Не-а.

– Разве тебе не хочется повидаться с ними, дорогой?

– Нет. Лучше я у тебя останусь. Им на меня плевать с высокой колокольни.

– Не может такого быть, милый.

Однако могло. Лютер был нежеланным ребенком, о чем мать много раз ему говорила:

– Если б не ты, мы бы с твоим папашей не торчали в этом мерзопакостном городишке. Жили бы себе в Лас-Вегасе или каком другом веселом месте.

Элнер позвонила его родителям и спросила, не возражают ли они, если мальчик еще побудет у нее.

– Да рада бога! – ответил отец. – Держите его у себя сколько влезет.

Так она и поступила.

В августе на «Тихие луга» прибыла Хейзл Гуднайт, и все кинулись расспрашивать ее о торнадо.

– Ой, это было ужасно, – сказала Хейзл. – В центре смерч наломал дров – ни одного целого окна, сорваны вывески магазина хозтоваров и химчистки. Хорошо еще, сами дома устояли. Больше всех досталось району возле автострады. Трейлер-парк просто снесло.

Ида Дженкинс тотчас набросилась на мужа:

– Ну? Что я говорила! Я же сразу сказала, что он накличет торнадо. Вот, пожалуйста!

– А что такое трейлер-парк? – спросил Генри Нотт, умерший в 1919-м.

– Ой, лучше тебе не знать, папа, – сказала Ида. – Нынче люди живут в консервных банках.

– Почему?

– Кто бы знал. Мир утратил свое былое очарование и прежнюю изящность. Я счастлива, что выросла в совершенно иных условиях.

Любопытно слышать подобное от человека, выросшего на свиноферме.

Андера что-то беспокоит

Поначалу Андер Свенсен обрадовался, что зять согласился жить в его доме. Но после нескольких лет под одной крышей он уже сомневался, хорошо ли это.

Успешный бизнесмен, на своем веку Андер повидал всяких людей, но такого, как Майкл Винсент, еще не встречал. День ли, ночь ли, Майкл всегда так выглядел, словно сошел с рекламы мужских рубашек. Идеально пострижен и причесан волосок к волоску. Ботинки сияют ослепительно. Все на нем до хруста свежее и отглаженное. И приятный одеколон вдобавок. А как он умел очаровать дам!

Вот и сегодня: когда семья садилась ужинать, Майкл подвинул стул Беатрис, потом Ханне Мари, затем сам расположился между ними. Как всегда, он сделал комплимент теще:

– Сегодня вы чудесно выглядите, мама. Очень красивая брошка. Она подчеркивает синеву ваших глаз.

Беатрис коснулась броши в виде рога изобилия, украшенного камнями:

– Правда? Спасибо, Майкл.

Внешне все было вроде бы хорошо, но Андера что-то беспокоило, хотя он не понимал – что именно. Одно время он разрывался между радостью за дочь, души не чаявшей в муже, и желанием разбить тарелку с пюре о голову зятя. Что-то было не так. На его вкус, парень уж слишком лощеный, и Андера всякий раз передергивало, когда тот называл его папой.

Нынче за супом Майкл улыбнулся, взял жену за руку и сказал, не сводя с нее глаз:

– Папа, вы не против, если в это воскресенье я увезу наших дам на пикник? Можно взять большую машину?

Карие глаза Ханны Мари сияли, когда она взглянула на отца, ожидая его согласия. На воскресенье Лидер уже составил другие планы для семьи. Он мог отвергнуть любое деловое предложение, но никогда не умел отказать дочери. Для него она и сейчас была маленькой девочкой и всегда получала все, что хотела.

После десерта Майкл сказал кухарке, вошедшей в столовую:

– Можете убирать со стола, Бриджит. Кофе мы выпьем в гостиной.

Лидеру сразу не понравилось, когда зять начал распоряжаться прислугой, но он молчал. Однако нынче загородил свою тарелку:

– Погодите, Бриджит. Я еще не закончил.

– Ох, виноват, папа, – тотчас извинился Майкл. – Я думал, вы уже все.

Анд ер посмотрел на него:

– Еще нет, Майкл. – В голосе его как будто прозвучала чуть заметная угроза. – Пока еще нет.

Глухая Ханна Мари не могла уловить легкую перемену в отцовском тоне, но поняла: что-то случилось. Она это почувствовала. Ханна Мари пристально посмотрела на отца, затем перевела взгляд на мужа, однако тот улыбался, словно все было в порядке. Беатрис вообще ничего не заметила. Она по-прежнему считала Майкла замечательным. Но тот все понял. Теперь ему надо быть еще осторожнее.

Визит

1976

– Джин, просыпайся, – сказала Люсиль Бимер, – к тебе кое-кто пришел.

Над его могилой стояла красивая блондинка. Джин понятия не имел, кто это, но явно не местная горожанка. Она как будто сошла с киноэкрана: коричневый замшевый жакет, черная водолазка, черные брюки. И тут подросла тетя Элнер:

– Вижу, ты его нашла.

– Да.

Обе помолчали.

– Ты помнишь, как крохой его навещала?

Блондинка вроде как удивилась:

– Нет... Значит, я тут уже бывала?

– Да, раза два-три. Тебя сюда приводили в День поминовения. Ты разговаривала с папой и все такое.

– Правда?

Тетя Элнер кивнула.

– Жаль, ты никогда его не видела. Такой милый мальчик и... умница. Боже мой, я всегда думала, он станет писателем, когда вырастет.

– Да?

– Как ни придешь к ним, он, еще школьник, все в своей комнате на пишущей машинке стучит: тук-тук-тук, дзынь... Ты, маленькая, любила играть с этой старой машинкой.

– А я не помню. – Блондинка засунула руки в карманы жакета. – Кто еще здесь похоронен?

– Все. Твои прадедушка и прабабушка, дед с бабушкой, когда-нибудь и я тут лягу. – Элнер взглянула озабоченно: – Дорогуша, а себе-то ты купила участок?

– Нет.

– Надо, я тебе советую. Конечно, ты еще молодая, но всегда хорошо знать, где ты... как это... упокоишься.

Потом они ушли, а Джин все еще пребывал в легком ошеломлении. Эта красивая женщина – его дочь. Последний раз он ее видел почти

тридцать лет назад. Теперь она совсем взрослая – он умер, когда был моложе ее. Конечно, ей невдомек, но внешне – светлые волосы, голубые глаза – она копия своей прабабушки Катрины.

Дена приехала всего на несколько дней, и после кладбища Норма повезла ее в пригород – показать старый фермерский дом Нордстрёмов. Когда они подъехали, Дена тотчас обратила внимание на большое поле в стороне от дома:

– Ой, вы только взгляните на эти подсолнухи! Я их просто обожаю.

– А как же иначе? – засмеялась Элнер. – Это у тебя наследственное. Почти восемьдесят лет назад их посадила твоя прабабушка, и вот год за годом они расцветают.

– Да ну?

– Ей-богу. Помнится, матушка моя говорила, что Катрина Нордстрём очень любит подсолнухи. Жаль, я ее не знала, она умерла, когда я была совсем маленькой. Но все ее любили, это уж точно. Эх, видела бы она, какая красавица ее правнучка. Она бы тобой гордилась.

Элнер и Дена не знали, что Катрина их *видит* и в эту самую минуту говорит Джину:

– Ой, в какую же красавицу она превратилась!

– Да уж, бабуль. По-моему, она похожа на тебя.

Тут вмешалась Бёрди Свенсен:

– Джин верно говорит, она вылитая ты в этом возрасте, только повыше.

– Спасибо, конечно, но я не была так хороша.

– А я говорю, была! – настаивала Бёрди.

– Я же носила очки.

– Даже в очках ты была писаная красавица. Только сама этого не понимала.

Возвращаясь в Нью-Йорк, Дена жалела, что не приехала в Элмвуд-Спрингс раньше. За годы в большом городе она почти забыла свою малую родину. Улетала она с подарком от тети Элнер – банкой консервированных фиг и клеверком с четырьмя лепестками.

Она переживет

1978

Тотт Вутен, похоже, оправилась от удара, который нанес ей муж Джеймс, сбежав с восемнадцатилетней Джеки Сью Поттс.

Нынче утром она колдовала над головой Нормы, которая пришла на еженедельную укладку, и между затяжками сигаретой излагала свою новую жизненную философию:

– Все вокруг скулят о поколении молодых эгоистов, мол, какое оно ужасное, а по мне, так это – самое то. Отныне я думаю только о себе. Всю жизнь я заботилась о ком-то другом, и что в результате? Целых двадцать лет я нянчилась с матушкой, а она меня даже не узнавала. Последние лет пять перед смертью называла меня Жанеттой.

– А кто это?

– Понятия не имею. Нет, жалко, что она померла, но зато теперь у меня куча времени на всякое другое.

Что еще радовало – дела в салоне красоты шли хорошо. Благодаря Фэрре Фосетт из телефильма «Ангелы Чарли» в моду вошли пышные прически. Если твои волосы не были подвиты, начесаны, уложены, залачены и взбиты до размеров копны, за которой мог бы спрятаться ребенок, ты, значит, отстала от моды. Нынче после визита в салон шевелюра Нормы, начесанная и залаченная, была примерно в фут вышиной.

Тотт резко изменилась после того, как посмотрела фильм «Лихорадка субботнего вечера». Она вдруг стала ходить в туфлях на четырехдюймовой платформе, носить синтетические костюмы с расклешенными брюками и каждую неделю отправлялась на дискотеку.

– Ты знаешь песню «Я переживу»? – спрашивала она Вербену. – Это прям про меня. Как говорит Мэри Тайлер Мур, «а, пожалуй, я все-таки справлюсь».

В семидесятые годы Тотт кинулась остервенело. В 1973-м в своем салоне она повесила плакат с изображением теннисистки Билли Джин Кинг. В спальне ее стояла лава-лампа, а в гостиной – кресло-мешок. А еще Тотт приобрела кольцо настроения.

– Утром просыпаюсь, – рассказывала она Норме, – и смотрю на кольцо. Если оно показывает, что настроение у меня неважное, я просто отменяю все договоренности. Тем самым сберегаю нервы, свои и клиенток.

Восьмидесятые
Мир вертится

Невыразимо крутые

Джеймс Дуэйн Вутен Младший, сын Тотт, всегда якшался с крутыми ребятами. Курить травку и пить пиво они начали в седьмом классе.

Футбол, баскетбол или школьный оркестр их не интересовали, как прочих тупиц и зануд, и, уж конечно, они не гнались за хорошими отметками.

С девчонками встречались, но так, изредка, потому что и без них ты «круче некуда», если у тебя длинные сальные патлы и майка с «Грейтфул Дэд». Но если в восемь утра ты еще не накатил пивка, ты «полный раздолбай». К одиннадцатому классу почти вся их компания бросила школу, а кого-то, как Дуэйна Младшего, оттуда вышибли.

Деньги на пиво он воровал у матери, ночью забравшись в салон красоты, а приятели его, Узир и Бак, зарабатывали, вкалывая на автомойке. Но уж в выходные-то они гуляли. Отрывались по полной.

К тридцати одному году Дуэйн Младший был трижды женат, имел условный срок, дважды лишался прав за вождение в нетрезвом виде и дважды арестовывался за хранение наркотиков. Жил он у матери. Узир по-прежнему мыл машины, а еще три дружка мотали срок за торговлю коксом. Лучший друг Бак перебрался в Канзас, где ночевал на улицах, а днем, с одиннадцати до двух, стоял на обочине шоссе, держа в руках картонку с надписью «Помогите бездомному ветерану». Насчет ветеранства – полное вранье, но деньги капали. Сердобольные люди давали кто доллар, а кто и больше, и к двум часам набиралась достаточная сумма, чтобы купить наркоту и пережить ночь. Ни тебе работы «на дядю», ни тебе квартплаты. Разве не круто?

Тайные мечты

Что в людях симпатично, так это их маленькие тайные мечты. Эдна Чилдресс, жена элмвудского шерифа Ральфа, мечтала о покупках в торговом центре «Молл оф Америка». Кэти Колверт, завзятая газетчица, мечтала взять интервью у какой-нибудь знаменитости.

Лютер Григз, кому уже исполнилось семнадцать, мечтал, что с ним заговорит Бобби Джо, работавшая в кафе-мороженом. Эрнст Куниц, местный уроженец и некогда первая туба Миссурийского университета, а ныне дирижер школьного оркестра, мечтал, что когда-нибудь его ансамбль отберут для участия в нью-йоркском параде в честь Дня благодарения, проводимом торговой сетью «Мэйси».

Тотт Вутен мечтала о дне, когда ее дети, Дуэйн Младший и Дарлин, уберутся из дома навсегда.

Даже у Лестера Шингла, обитавшего на «Тихих лугах», были свои мечты. Он уже распрощался с надеждой, что городская полиция восстановит справедливость. Если до сих пор никто не арестован за его убийство, значит, дело не завели. И теперь душегубы, кто бы они ни были, лакомятся, наверное, мороженым, полагая, что совершили идеальное преступление. Что ж, времени – вагон. Когда-то Лестер прочел пару детективов о Перри Мейсоне и теперь разработал план. Если закон не может поймать убийц, он сам это сделает. Надо только дождаться, когда все четыре бабы окажутся на «Тихих лугах», и тогда уж поочередно за них взяться – все разложить по полочкам, допросить с пристрастием. Наверняка кто-нибудь расколется и выдаст убийцу. Либо вспомнит какую-нибудь мелкую деталь, которая станет неопровержимой уликой и позволит выставить злодейку перед всем покойничкиным сообществом. Пусть преступницы избегли наказания в земной жизни, но здесь этого не случится. Уж он за этим приглядит. А пока надо передохнуть. Все эти планы шибко утомляют. Лестер решил годок-другой поспать.

– Эй, Джейк! – окликнул он соседа. – Разбуди меня, когда здесь объявится Тотт Вутен или кто-нибудь из баб Гуднайтов.

– Ладно, разбужу.

Лестер уснул, мечтая о судном дне, когда отмщение наконец-то свершится.

Сбывшаяся мечта

Иногда мечты сбываются. После многолетних попыток городской школьный оркестр победил в конкурсе и стал первым в истории штата коллективом, приглашенным участвовать в нью-йоркском параде на День благодарения. Это была огромная честь, и весь город до крайности взволновался.

Все жители были уверены, что их школьный оркестр на голову выше всех прочих ансамблей в округе. Как он исполнял «Бразилию» – с ума сойти! Кто знает, как восприняли бы эту аранжировку сами бразильцы, однако она добыла победу в штате и открыла дорогу к национальной славе.

Линда Уоррен была оркестровой мажореткой, и Норма опекала ансамбль, занимаясь сбором средств. По всему городу люди собирали деньги на новую униформу оркестрантов, наряды мажореток и замену некоторых старых инструментов. Устраивались благотворительные обеды и всевозможные распродажи – выпечки, старья, книг. По выходным старшеклассники подражались на мойку машин. Ежедневно после уроков и каждое воскресенье оркестр репетировал шествие, маршируя по главной городской улице. Музыканты старались звучать и выглядеть как можно лучше. Не ведая, что происходит, обитатели «Тихих лугов» гадали, чем вызвано такое обилие музыки.

– Видит бог, я люблю послушать хороший оркестр, но эта «Бразилия» уже лезет из ушей, – сказал Мерл Уилер, хозяин химчистки. – Сил моих больше нет.

Вместе с соседями Элнер наблюдала, как солнце садится за кукурузное поле.

– Я люблю осенние закаты, – сказала она. – Порой они даже красивее летних.

– И длятся дольше, – поддержала Вербена. – А вот с ноября солнце заходит быстро.

– Здорово, что наши ребята выиграли поездку в Нью-Йорк, правда? – сказала Тотт.

– Да, они очень старались... Могут собой гордиться.

– И я однажды выиграл приз, – сообщил Мерл.

– Правда? Какой? – заинтересовалась Элнер.

– Я вырастил огромный помидор – весом больше двенадцати фунтов. Наверное, мутант.

– По-моему, Лютер Григз тоже мутант, – вставила Вербена. – Он невиданно быстро растет и невероятно много съедает за один присест.

Элнер рассмеялась:

– У парня хороший аппетит, только и всего.

Школу Лютер закончил еле-еле – тройки по всем предметам, кроме труда, по которому у него всегда были одни пятерки. По какой-то редкой генетической причуде он оказался гением во всем, что касалось автомобилей. Лютер был без ума от них и мог починить любой мотор. В комнатах его сверстников висели картинки с девицами, а стены его спальни украшали фотографии легковушек, грузовиков и цистерн. С двенадцати лет после уроков он подрабатывал на заправке, а к семнадцати годам стал автомехаником.

Лютер был счастлив, что Элнер им ужасно гордится. В его жизни она была единственным человеком, позаботившимся о нем. Кто бы мог подумать, что тщедушный парнишка с нравом одичавшего кота превратится в бугая весом под двести тридцать фунтов? Элнер не ставила это себе в заслугу:

– Просто надо было проявить к нему капельку внимания.

Оба-на!

Воскресный вечер был неописуемо хорош. Когда Норма проснулась, на подушке лежала записка от Мэкки: «С добрым утром, моя очаровательная распутница. Позже звякну. Удачного дня!»

Норма улыбнулась. Удивительно, что после стольких лет супружества Мэкки так заводится в постели. Она-то думала, что с годами плотская жизнь угасает.

В кухне Норма сварила себе кофе. Когда зазвонил телефон, она сняла трубку и на низах, с придыханием, проговорила:

– Ну здравствуй, мой ненасытный жеребец!

Возникла небольшая пауза, после которой мужской голос сказал:

– Доброе утро, миссис Уоррен. Это Эммет из автомастерской, я насчет сметы.

Норма попыталась скрыть обуявший ее ужас.

– Да-да, слушаю, – сказала она как можно будничнее.

– Шеф говорит, на круг выйдет семь двадцать пять – это за капот и крыло.

– Хорошо, спасибо. – Норма дала отбой.

В мастерской Эммет положил трубку и подумал: господи, куда катится мир? Миссис Уоррен неплохо сохранилась, но ведь ей уже, поди, за пятьдесят. Видимо, охоча до молодых парней.

Сама не своя, Норма тотчас набрала номер Мэкки:

– Боже мой, я жутко опозорилась! Почему ты не позвонил?

– Да вот как раз собирался. А в чем дело?

Узнав, что произошло, Мэкки засмеялся:

– Ты определенно его порадовала.

– Я чуть со стыда не сгорела!

– Ладно, милая, не переживай. С кем не бывает?

– Со мной не бывает! Сейчас же позвони ему и скажи, что я не его имела в виду.

– Тебе так важно, что он подумал?

– А если он расскажет жене и пойдет молва, что я к нему приставала?

– Ох, Норма...

– Нет, ты не понимаешь, Мэкки! С такой репутацией я не смогу жить в нашем городе. Немедленно позвони!

– А сама чего не позвонишь?

– Я не могу. Ну пожалуйста, Мэкки. Прошу тебя! Как всегда, Норма истерила из-за ерунды. Но Мэкки обещал позвонить.

В мастерской по внутренней связи сказали:

– Эммет, тебя к телефону... третья линия... Механик отер руки и взял трубку:

– Алло?

– Эммет, говорит Мэкки Уоррен.

– Слушаю, сэр.

– У тебя шуры-муры с моей женой?

– Нет, что вы, богом клянусь!

– Да шучу я.

– У-уф...

– Видишь ли... она думала, это я звоню, понимаешь?

– А, ну да, сэр.

– Вот и ладно. Она маленько сконфузилась, и я решил все прояснить.

Порядок, старина?

– Никаких проблем...

– Чудесно. Да, и со сметой все замечательно.

– Да, сэр.

Эммет повесил трубку, но сердце его колотилось. Он знал, что Мэкки служил в «зеленых беретах», и здорово перетрусил.

Через две минуты Норма снова была на линии:

– Ты позвонил?

– Да, пустячное дело. Он просто посмеялся. Живи спокойно, ладно?

– Ладно, только машину ты сам заберешь. Я не могу с ним встречаться.

– Я уже понял.

– Это ты во всем виноват. Нечего быть таким обворожительным.

– Я стараюсь, да не выходит. Кстати, Эммет сказал, мне повезло, что жена моя такая страстная секс-бомба.

– Не ври! Он правда так сказал?

– Нет, но наверняка подумал.

– Ох, Мэкки!

– Все, убегаю. Пока.

Норма положила трубку и покачала головой. Иногда Мэкки бывает таким дураком...

Парад

За три дня до парада весь город провожал школьный оркестр, который на большом желтом автобусе отбывал в Нью-Йорк. С группой ехали несколько матерей музыкантов, а также Тотт Вутен, дабы перед выступлением причесать мажореток.

– Нас увидит вся страна, – делилась она с Кэти Колверт, – и я залью девчонок крепчайшим лаком. Даже под ураганным ветром все они будут на загляденье.

Лютер Григз ехал грузчиком инструментов и багажа.

Через два дня автобус, набитый возбужденно галдящими ребятами, прибыл в Ньюарк, Нью-Джерси. В холле мотеля музыкантов встретил плакат-растяжка, заказанный жителями Элмвуд-Спрингс: **УДАЧИ НА ЗАВТРА! МЫ ВАМИ БЕЗМЕРНО ГОРДИМСЯ!**

Однако ранним утром, всего за несколько часов до соприкосновения школьного оркестра с великим событием, кое-что случилось.

Около четырех утра Лютер Григз вышел на парковку, но своего автобуса не нашел. Его угнали, вместе со всеми инструментами и костюмами.

Потрясенные ребята бродили вокруг мотеля. Девочки плакали. Случившееся не укладывалось в голове. Город столько сил положил на сбор денег, родители, бабушки и дедушки предвкушали, как увидят своих чад по телику. В некоторых семьях ради этого даже купили новые телевизоры. А ребят на параде не будет. Полицейские составили протокол, но помочь ничем не могли.

Днем ребята, мистер Куниц и сопровождающие матери смотрели парад по телевизору. Они приехали в такую даль, столько репетировали, и все напрасно. Школьный комитет прислал за ними другой автобус.

Когда музыканты вернулись домой, Мерл Уилер сказал Эрнсту Куницу:

– Что же это за люди такие? Как их земля-то носит? Неужто не понимали, какой это удар для детей?

Тотт Вутен вышла из автобуса злая как черт и сказала встречавшей ее Вербене:

– Представляешь, сперли все мои щипцы и бигуди, весь гель и лак.

Мэкки и Норма Уоррен тоже встречали автобус, чтобы помочь развезти по домам ребят, от убитого вида которых просто разрывалось

сердце.

Вечером, уже в постели, Мэкки не сдержался:

– Твою мать! Ох, попадись мне эти мерзавцы! Убил бы голыми руками!

Конечно, автобуса, инструментов и костюмов жалко, но все это можно возместить, думал он. А вот как быть с детскими душами? Гадкий случай убил в них толику прежней веры в добрый мир. И этого уже не вернуть.

Разумеется, в преимущественно христианском городе лейтмотивом ближайшей воскресной службы стала молитва об отпущении греха: «Прости их, Отче, они не ведают, что творят». А вот Мэкки не простил. Он был уверен, что сволочь, угнавшая автобус, прекрасно сознавала, что творит. Молись не молись, но он бы свернул ей шею.

Плохая карма, или Две золотые цепочки

Сгрузив добычу в подвал заброшенного дома, где всегда хранили краденое, двое воров отогнали школьный автобус на другой конец города. Там его «раздели» и бросили на стоянке.

Когда они вернулись в подвал, мать одного из них и ее сожитель уже разобрались с одеждой: срезали пуговицы с форменных пиджаков и сорвали нашивки «Духовой оркестр Элмвуд-Спрингс».

Через неделю пуговицы, униформа, белые ботинки музыкантов и сапожки мажореток были проданы за двести долларов комиссионке в Секокасе.

Все барабаны, трубы, тромбоны, саксофоны, кларнеты и тубы, так дорого доставшиеся школьникам, оказались в ломбардах Нью-Джерси и Нью-Йорка. Хозяева понимали, что инструменты краденые. Но это их не заботило. Главное – выгодная сделка. Воров так и не поймали, и ловко провернутое дельце значительно повысило их авторитет в банде.

Года через три, когда в Ньюарке их стало припекать, они перебрались в Сан-Франциско, где у одного из них имелся кузен. В октябре 1989-го, в день открытия Мировой серии, они отправились на стадион «Кэндлстик-парк», но, конечно, не ради бейсбола. Через десяток минут со стоянки воров газанули на новеньком угнанном «феррари». Выбравшись на шоссе, они хлопнули друг друга по ладоням и заржали как ненормальные. Под рев магнитолы на бешеной скорости машина летела к автостраде Нимиц. И тут вдруг землетрясение так потрянуло весь Залив, что дорожное покрытие поменялось местами с дорожной подушкой, сплющив «феррари» с его пассажирами в плоский блин.

Чтобы расчистить магистраль, пригнали большой автокран.

– Эх ты! – крикнул дорожный рабочий, гляди на останки красного «феррари», извлеченные из-под завала. – Смахивает на фрисби...

Владелец заявил об угоне машины. Через пару недель ему позвонили из полиции.

– Сэр, я по поводу вашей украденной машины, – сказал мужской голос.

– Да?

– Хочу сообщить, что мы ее нашли. Можете обращаться в страховую компанию.

– Машина повреждена?

– Да, сэр.
– А где она? Можно ее осмотреть?
– На вашем месте, сэр, я бы этого не делал. Смотреть, в общем-то, не на что.
– Ах так... Где вы ее нашли?
– На автостраде Нимиц. Подозреваемые выехали из города, но угодили в землетрясение, их накрыло мостом. Оба погибли мгновенно.
– Понятно. Их идентифицировали?
– Нет, сэр. Идентифицировать тоже некого, остались лишь две золотые цепочки.
– М-да... А как же теперь прижать их обвинением?
Полицейский, любитель черного юмора, хотел было сказать: «Их и без того хорошо прижало, сэр», но сдержался.
Растерзанный школьный автобус нашли через неделю после угона; в Ньюарке он стоял на пакгаузной парковке. С него сняли абсолютно все: двигатель, покрышки, магнитола, сиденья. И кто-то черной краской разрисовал его бока.
В своей колонке «Балаболка Кэти» сообщила:

НОВЫЙ АВТОБУС, ИНСТРУМЕНТЫ И УНИФОРМА УЖЕ В ПУТИ

Городской совет извещает, что благодаря щедрому пожертвованию анонимного дарителя школьный оркестр получит автобус, инструменты и костюмы не позднее 15 января.

Все в городе, конечно, знали, что чек выписала Ханна Мари. Теперь она носила фамилию Винсент, но оставалась истинной Свенсен и дочерью своего отца.

Андер, достигший почтенного возраста, уже несколько лет как отошел от дел. Руководство фермой он передал Альберту Олсену, племяннику Беатрис. Молодой человек прошел школу Андера, и тот знал, что оставил ферму в надежных руках. Но время от времени туда наведывался – просто поздороваться.

Если Андер Свенсен был доволен новым управляющим, этого не скажешь о его зяте, которому приходилось исполнять распоряжения молокососа. Майкл считал, что именно он, как муж Ханны Мари, должен был встать у руля. Однако решил до поры до времени промолчать. По его

прикидкам, терпеть осталось недолго. Как только старик окочурится и уйдет с дороги, все будет по-другому.

Старость не радость

Приближался день рождения Элнер, и Норма спросила тетушку, что она хотела бы в подарок.

– Ой, милая, не надо ничего, – сказала Элнер. – Я стараюсь избавиться от того, что есть.

– Но чего-нибудь тебе хочется, тетя Элнер.

– Ничего.

– Ой, перестань... Ну вот представь: если б можно было получить все, что захочешь, что бы ты выбрала?

– Но я, ей-богу, ничего не хочу.

– Правда?

– Ну, будь я помоложе, я бы, наверное, попросила выводок котят. На свете нет ничего забавнее, чем котятки, когда играют. Они такие милые, у них такие лапки... до смерти зацеловала бы...

– Это понятно, но дело в том, что они вырастают в здоровенных противных кошек, которых никак не выгонишь. А кому нужна старая шелудивая кошка?

– Норма, они же не виноваты. Все стареют. А если б про нас так сказали? И потом, старая кошка все равно милая.

Как нарочно, на «Тихих лугах» говорили о том же самом. Тему подняла Люсиль Бимер:

– Миссис Белл, когда вы поняли, что состарились?

– Когда последний раз фотографировалась на водительские права – со страху я чуть не померла. Господи, думаю, откуда этот подслеповатый взгляд, эти брыли? Нет, лучше не видеть свое фото и не слышать свой голос на пленке. Я-то думала, я еще ого-го-го-го, – ан нет. Оказалось, старуха со старческим голосом. Все это подорвало мое высокое мнение о себе.

– А вы, Бёрди?

– Когда стала походить на свою бабушку. Но штука в том, что внутри-то я себя не чувствовала старой. Раньше я смотрела на стариков и не могла представить их молодыми... Но ты сама – совсем другое дело.

– Так оно всегда, – сказала Ола Уоррен. – В конце я возненавидела свое тело. Все как-то расшаталось, и я начала разваливаться на части, будто старая машина. Не одно, так другое. Только тебе вырезали желчный пузырь, извольте – сердце забарахлило, потом надо заменить бедренный

сустав и удалить катаракту, а следом – купить слуховой аппарат. И так без конца и краю. Ну вот вроде все починили, теперь, думаешь, ты молодцом, так на тебе – подкашивает псориаз. О прочих мелочах я уже не говорю.

Особая ранняя пташка

Лорен Гиббл была такой же неотъемлемой частью кафе на Мэйн-стрит, как столы и стулья. Там она работала с шестнадцати лет и отпуск брала всего три раза – для рождения детей, да и то лишь на неделю-другую. Когда дети выросли, Лорен перешла в смену, обслуживающую ранние ужины. Рабочие часы ее вполне устраивали. Заступаешь в три, сервируешь столы, с полпятого подаешь, а полдевятого ты уже дома, смотришь свои любимые сериалы, затем баиньки.

Нынче она взгрустнула, не увидев милую маленькую миссис Флloyd, которая с 1966 года садилась за четвертый столик возле окна. Подруга ее сказала, что позавчера старушка скончалась. После инсульта миссис Флloyd не могла говорить, но все равно не хватало ее ласковой, чуть кривой улыбки. Она неизменно заказывала холодный чай, жареную куриную грудку с зеленой фасолью и картофельным пюре, а на десерт – шоколадный пудинг, если был в меню.

Лорен любила своих ранних пташек – вдовиц и парочку овдовевших стариков. Но старух жалела больше. Все они жили на пенсию, и многие по-настоящему ели один раз в день – в кафе. Лорен всегда аккуратно убирала остатки их ужина в пакет и еще подкладывала пару булочек – чтоб было чем позавтракать. Бедные как церковные мыши, старухи копались в кошельках, стараясь оставить ей непосильные для них чаевые. Лорен знала дни рождения всех стариков и не забывала устроить им маленький праздник: кекс и мороженое бесплатно. Малость, так много для них значившая.

Уже долгие годы к половине пятого, минута в минуту, перед кафе выстраивалась очередь из старушек, принаряженных, напудренных, чистеньких. Лорен знала, что многие из них вернутся в пустой дом. Сердце разрывалось от мысли, что эти женщины, бывшие учителя, воспитательницы, продавщицы и библиотекари, вовремя выплачивавшие все налоги и кредиты, теперь вынуждены считать каждый грош.

Несправедливо. В то же время куча вполне работоспособного народа, ничего не сделавшего для общества, высасывала его соки и припеваючи жила на государственные пособия. Вот, скажем, дочь Лорен сидела на пособии по инвалидности, потому что у нее покалывало спину, а врач оказался набитым дураком. Сама Лорен плевать хотела на мозоли, изводящую боль в коленке, а порой и дикое похмелье – каждый день она

шла на работу, где улыбалась и даже шутила, стараясь подбодрить своих старух.

Многие сказали бы, что в этом мире впечатляющих успехов Лорен мало чего достигла. Сорок два года день за днем, в дождь и пекло, больная и здоровая, она заботилась о своих ранних пташках. И для некоторых была единственным светлым пятном в их нынешней жизни. Пусть мир не был сражен ее яркой судьбой, но когда она очутилась на «Тихих лугах», очень многие ей обрадовались.

– А вот и наша Лорен, – сказала миссис Флойд, у которой не осталось и следа от бывшей немоты после инсульта.

Девяностые Уолмарт и суперстрижки

Новые перемены

Нынче центр Элмвуд-Спрингс слегка обветшал. С тех пор как на северной окраине открылся большой супермаркет «Уолмарт», в центр за покупками почти никто не ездил. После смерти Дикси Кахилл танцевальная школа закрылась. Та же участь постигла кафе на Мэйн-стрит и закусочную «Трамвай». Теперь заморить червячка можно было лишь в кафетерии на углу, но работал он только до трех дня. Вечером центр пустел совершенно.

Вся молодежь ошивалась в торговом комплексе, где были многозальный кинотеатр и кафешки быстрого питания. Под его крышу перебрался даже универмаг братьев Морган.

Когда рядом с супермаркетом открылся магазин бытовой техники «Ас», Мэкки стало трудно конкурировать с его ценами. Торговый комплекс задел и бизнес Тотт Вутен.

– Как только открылись эти «Суперстрижки», вся молодежь там, а у меня остались одни старые клиентки, – жаловалась она Норме. – Я бы и сама переехала в торговый центр, но моему старичью в такую даль не добраться. Некоторые ходят ко мне больше пятидесяти лет, и я уж с ними до конца.

Тотт осталась на прежнем месте. А по понедельникам, несмотря на усталость, садилась в машину и ехала в дом престарелых, где бесплатно причесывала всех старух. Дочь ее не понимала:

– Чего ты возишься с этими бабками? Они все равно никуда не выходят.

– А того, Дарлин, что это помогает им чувствовать себя живыми. Они меня ждут... Тут дело совсем не в деньгах.

– Ах вон как! Чего ж тогда не подкинешь денюжат нам с Бастером?

– Чтоб вы нанюхались белой дряни? Не дожدهшься. Скажи спасибо, я не стукнула на тебя шерифу.

– А сама хлещешь пиво.

– Насколько помнится, законом это не запрещено. А вот преступников в своем доме я не потерплю.

– Тогда мы съедем.

– Хорош трепаться, Дарлин. Пока здесь дармовая кормежка, вас с места не сдвинешь.

Ни раньше, ни теперь Тотт не верила поговорке «Дети – утешение в

старости». Дарлин и Дуэйн Младший сходились и жили с каждым встречным-поперечным. Тотт уже оплатила семь их разводов. Да и вообще ей совсем не нравилось, как менялся мир. Дискотеки больше не было. Ее давно сменил «Красный амбар», где народ топтался под музыку кантри, не касаясь друг друга. И радио туда же: «меньше болтовни, кантри нон-стоп».

– А я скучаю по диско, – говорила Тотт.

В 1990-м восьмидесятилетняя Беатрис Свенсен прибыла на «Тихие луга», и родители ее тотчас кинулись к ней с расспросами.

– Как там наша драгоценная внучка Ханна Мари? – первым делом осведомился Олаф.

– У нее все замечательно, папа. Муж ее Майкл – прекрасный человек. Вместе с Лидером он занимается фермой. Ханна Мари – просто красавица. Все говорят, она самая изящная женщина в городе. Я ею ужасно горжусь.

Через год Лидер воссоединился с женой, однако на вопросы о зяте отвечал очень скупно.

Маленькая мисс Дэвенпорт

Любопытно, что в маленьких городах некоторые жители получают нечто вроде прозвища. Скажем, невезучую Тотт все называли «Бедная Тотт». И с Дотти Дэвенпорт вышло так же. Росту в ней было всего пять футов, и потому все ее звали «Маленькая мисс Дэвенпорт». Идеальная работница, тридцать пять с лишним лет она прослужила секретаршей Андера Свенсена и была ему предана беззаветно. Даже когда мистер Свенсен отошел от дел, Маленькая мисс Дэвенпорт осталась на своем посту, дабы приглядывать за его зятем. Ему она не доверяла.

Майкл Винсент был принят в компанию сразу, и у него вроде как все шло хорошо. Все, в том числе Маленькая мисс Дэвенпорт, радовались за Ханну Мари, которая нашла себе такого славного мужа. Любящего и внимательного – по крайней мере, на людях. Но потом кое-кто его раскусил. Например, его тесть. Андер и Маленькая мисс Дэвенпорт заметили, что Майкл потихоньку берет деньги с банковского счета фермы. Главное – зачем воровать-то? Стоило попросить, и он бы получил все, что хотел. Андер ничего не сказал ни жене, ни дочери. Если Ханна Мари счастлива с мужем и тот хорошо к ней относится, все прочее неважно.

После смерти отца предприятие, дом и земля отошли Ханне Мари. Однако вскоре работники подметили перемены в поведении Майкла Винсента. Теперь он орал на служащих и отдавал приказы наперекор указаниям управляющего Альберта Олсена. Он считал себя хозяином фермы. Все растерялись. После очередной стычки с ним начальник упаковочного отдела заглянул в контору:

– Дотти, а точно ли Винсент не упомянут в завещании?

– Никаких сомнений. Мистер Свенсен все записал на Ханну Мари. Пусть Винсент строит из себя хозяина, по бумагам он всего лишь наемный работник под началом Альберта.

– Однако он вносит смуту и за спиной Альберта грозит людям увольнением. В моем отделе три человека уже ушли.

– Я знаю, – сказала Маленькая мисс Дэвенпорт.

– Очень жаль, что Ханна Мари, извините за крепкое словцо, не даст ему пинка под зад. Конечно, как уволить собственного мужа?

– Да уж. – Маленькая мисс Дэвенпорт вздохнула. – Я хотела поставить ее в известность о том, что происходит. Только мало радости – вскрывать нарыв. Но если так будет продолжаться, я ей все скажу.

Субботним вечером соседи собрались на заднем дворе Элнер Шимфизл и, любуясь закатом, говорили о жизни, обсуждали человеческие поступки.

– Я уже ни черта не понимаю, – сказала Тотт. – Сегодня Дарлин клянет жизнь, а завтра выскочит за очередного паразита – и все опять прекрасно.

– Я думаю, многие теряются перед жизнью потому, что на них все обрушивается не по отдельности, а разом, – ответила Элнер. – В жизни все вперемешку: печаль и радость, простое и сложное. Возьми мою сестру Иду. Вечно она чего-то добивалась: чтоб муж богатый, дом огромный, ребенок идеальный, садоводы правильные, и прочее, и прочее. Ну вот все наконец заполучила, а счастья нет. Ей сколько ни дай, все мало. Покупает и покупает да в кладовки прячет. Я как-то прикинула и говорю ей: Ида, говорю, а ты знаешь, что за четверть века ты истратила больше тридцати двух тысяч долларов на всякое такое, что уже девать некуда? А ей нет удержу. Покупает про запас – а вдруг когда-нибудь понадобится? Точно бурундук, ей-богу, шныряет туда-сюда, туда-сюда. И не давала себе времени погоревать. Даже когда умер Герберт. Уже на другой день после похорон отправилась за матрасом в «Присядь и усни». Ида – та еще штучка, но, несмотря на все ее недостатки, я по ней скучаю. И по Герте тоже.

– И я скучаю, – подхватила Руби. – Как пекарня закрылась, хорошего пирога уже нигде не найдешь. В супермаркете продают ужасную дрянь. Один раз я там купила пирог, так потом весь его искрошила воронам.

– Вот уж кто умеет испечь пирог, так это Эдна Чилдресс, – сказала Элнер. – Из ничего сотворит. Право слово. Уж на что хорош мой яблочный пирог, но с Эдной мне не тягаться.

– Спору нет, – кивнула Вербена. – Потому-то Ральф и отрастил брюхо. Эдна говорит, днем он всегда заезжает домой перекусить пирогом с кофе.

– И кто его осудит? – вскинула бровь Тотт. – Будь я мужем Эдны, и я бы не устояла перед ее пирогом.

– Она его страшно балует, – нахмурилась Вербена.

– А почему ты меня маленько не побалуешь? – вклинился Мерл.

- Нечего там. Три раза в день кормлю – и будет с тебя.
- Тотт Вутен затянулась сигаретой:
- Кстати, о грустном. Вы давно видели Ханну Мари?
- Не видала ее с похорон Андера, – покачала головой Элнер. – И уже беспокоюсь. Хочу думать, у нее все хорошо.
- Дай-то бог, – поддержала Вербена. – Маленькая мисс Дэвенпорт говорит, раньше она заглядывала в контору, а теперь целыми днями сидит одна в огромном доме. Мужа-то ее я встречаю – разъезжает в машине Андера, весь такой из себя. Жалко девочку, что тут еще скажешь.
- Знаете, на нее это совсем не похоже, – опечалилась Элнер. – Обычно всегда меня проводит или хотя бы черкнет пару строк.
- Наверное, замоталась с благотворительной работой, – сказала Руби. – Скоро заглянет, вот увидишь.
- Очень надеюсь. А то уж я маленько тревожусь.
- И я, – сказала Тотт. – И ведь по телефону-то ей не позвонишь.
- Не позвонишь, – вздохнула Руби.

На самом деле Ханна Мари вовсе не замоталась в делах. Рухнул ее мир. Сразу после смерти ее отца муж запретил ей появляться на ферме и почти не бывал дома – заезжал только переодеться. Она не понимала, чем провинилась. Пыталась это выяснить, но муж говорил, что она себе все надумала.

Изредка ее видели в городе, и выглядела она очень печальной. В ноябре экономка поделилась с Вербеной – мол, слышала, как Ханна Мари плачет в своей комнате. Узнав об этом, Элнер решила отбросить церемонии и поехать к ней самой. Дверь открыла служанка; по роскошной лестнице Элнер поднялась в спальню Ханны Мари, где та сидела за столом. Она удивилась нежданной гостье, но встала и обняла ее.

- От тебя давно никаких вестей, – сказала Элнер. – Как поживаешь?
- Ханна Мари улыбнулась и написала в блокноте: «Хорошо. Как ты?»
- Чего мне сделается? Все по-прежнему.
- Только сейчас Элнер заметила, как изменилась Ханна Мари: в каштановых волосах, собранных в пучок, посверкивала седина, а глаза почти утратили юношеский блеск.
- У тебя точно все хорошо?
- Ханна Мари кивнула.
- Элнер оглядела комнату:
- А где котенок?
- Ханна Мари скорчила печальную гримаску и написала: «Убежал».

– Жалко, очень жалко. Послушай, милая, я понимаю, ты уже взрослая, но я обещала твоей маме за тобой приглядывать. Если какая нужда, просто дай знать. Иначе я рассержусь.

Ханна Мари улыбнулась, кивнула и на прощанье ее обняла.

На выходе из дома Элнер столкнулась с Майклом Винсентом. Тотт опешил:

– Что вам здесь нужно?

– Просто навестила подругу, – ответила Элнер, спускаясь с крыльца.

– Не вздумайте притащить новую кошку! – крикнул вслед Майкл.

Молочник

Верджил А. Ньютон, племянник Вербены, на ферме проработал больше сорока лет. Он вставал в три часа ночи, облачался в белую накрахмаленную униформу, повязывал галстук-бабочку, надевал фуражку и спешил на ферму; без двадцати четыре заканчивал погрузку, а четверть пятого уже въезжал на пустынные улицы спящего города. В это время мир, в котором еще не было автомобильного и людского шума, принадлежал ему безраздельно. Лишь изредка залает собака или заголосит петух. Верджил изо всех сил старался не потревожить эту предрассветную тишину. К каждому дому он подъезжал максимально тихо, снимал с грузовика проволочную корзинку с молочными бутылками и почти беззвучно ставил ее на крыльцо. Чтобы не топтать, он носил черные кожаные ботинки на толстой двойной подошве. Забирая пустые бутылки, старался ими не греметь.

Утром горожане откроют двери, заберут молоко и даже на секунду не задумаются о том, кто его доставил. Но молочник приходит к ним в дождь и солнце, зной и стужу, причем задолго до появления разносчика газет, булочника и почтальона.

Однако с годами маршрут Верджила становился все короче и короче. Супермаркет продавал молоко и сметану в картонных упаковках, люди уже не хотели возиться с бутылками. И вот настал день, когда ферма прекратила доставку вообще, а Верджила перевели в учетчики. Теперь он работал с восьми до четырех, но все равно просыпался в три ночи. Иногда он садился в машину и до рассвета кружил по городу, вспоминая былые дни.

Он ездил по своему прежнему маршруту и смотрел на дома стариков, в которых свет зажигался около пяти утра. В 5.15 Элнер Шимфизл обычно уже бродила по кухне, соседи ее вставали не позже половины шестого. Мы с Элнер чем-то похожи, думал Верджил. Она тоже не хочет пропустить восход солнца. В ее доме когда-то жила семья Гленна Уоррена. Район был людный. Сейчас большинство старых домов пустовали, но Верджил помнил всех прежних обитателей.

Иногда, кружа по городу, он насвистывал свою любимую мелодию:

Как мы с тобою встречались летом...
Как звезды будто летели вспять...
Память об этом, ах, память об этом,

Нет, никогда никому не отнять.

Ему нравилось быть молочником. На старого мистера Свенсена так хорошо работалось. Но он умер, и дело его захватил зятек, а тут еще недавно померла Маленькая мисс Дэвенпорт. Ничто не остается неизменным. Жизнь казалась просто чередой перемен. Были стеклянные бутылки – стали картонные упаковки, был молочник – стал учетчик. Прежде работал на хорошего человека – теперь горбатишься на сволочь. Раньше ферма была семьей, но вот в нее затесался урод.

Теперь все сотрудники шли на работу как на каторгу. А прежде – как на праздник. Все сгнуло. И что Ханна Мари нашла в этом Винсенте? Конторские девушки рассказывали, он вытворяет такое... Хорошо бы кто-нибудь уведомил его жену.

Сердце вдребезги разбито

1998

Почти у каждого человека есть секрет, который он уносит с собой в могилу, и новосел «Тихих лугов» Бонни Гамме не стала исключением.

Она долго проработала в «Красном амбаре» – обучала групповым танцам – и считала себя таким профессионалом шоу-бизнеса. Как-то раз она даже встретилась с Тэмми Уайнетт^[11] и, конечно, хорошо знала все мелодии кантри. В городе Бонни была почти что знаменитостью, но все равно оставалась недовольна своей судьбой. Ей всегда хотелось чего-нибудь нового, яркого, захватывающего.

И вот однажды это произошло. На уроке Бонни демонстрировала ученикам новые па, и вдруг ей показалось, что в глубине зала она разглядела знаменитого певца Вилли Нельсона. Потом она зашла в бар и снова его увидела – он сидел один. Бонни слышала о его привычке там и сям появляться тайком. Сердце ее слегка засбоило, и она вроде как ненароком приблизилась к стойке, чтобы рассмотреть человека получше. Точно, Вилли Нельсон. Лицо как печеное яблоко, сальные волосы, борода и всем известная красная бандана. Бонни изо всех сил пыталась не нарушить его уединение, однако не устояла. Из-за такой близости к звезде она не совладала с собою и тихонько подсела на соседний табурет. Наверное, он оценит, как тактично девушка сохраняет его инкогнито. Иначе его окружит толпа почитателей, и тогда прощай возможность соприкоснуться рукавами с выдающимся Вилли Нельсоном. Через минуту Бонни прошептала, глядя в сторону:

– Между прочим, я вас узнала. Не волнуйтесь, я вас не выдам. Просто хочу сказать, что я ваша горячая поклонница.

Вилли слегка опешил, но прошептал в ответ:

– Спасибо, милочка. Я ценю вашу деликатность.

– Вы здесь проездом? – спросила Бонни, уставившись в потолок.

– Да, – кивнул Вилли. – Славный у вас городок. И ваш танцевальный урок мне очень понравился. – Глаза его хищно блеснули. – Что-нибудь выпьете, душенька?

Наутро Бонни проснулась в мотеле, мучаясь жутким похмельем. Вилли исчез – видимо, снова пустился в путь.

Мало того, что переспала с мужиком вдвое старше себя, так позже еще выяснилось, что она обозналась – это был вовсе не Вилли Нельсон. Кошмар. Даже через двадцать четыре года, уже упокоившись в могиле, Бонни держала рот на замке.

Следующим новичком «Тихих лугов» стала Бесс Гуднайт, и сосед Лестера Шингла выполнил свое обещание:

– Эй, Лестер, просыпайся! Объявилась одна Гуднайт.

В вечер убийства Бесс была в боулинг-клубе и числилась среди главных подозреваемых.

Судьбе было угодно, чтобы всего через полгода сестры-близнецы воссоединились – на холм прибыла Ада Гуднайт. И вот уже два главных подозреваемых!

Отныне Лестер Шингл не смыкал глаз и внимательно прислушивался к разговорам. Он был начеку – вдруг кто-нибудь упомянет его имя. Но пока – ничего. Обычная болтовня о рождениях, свадьбах и прочей ерунде.

Новое тысячелетие
Конец эпохи

Элнер перебирается

2006

Года два назад Элнер Шимфизл свалилась с фигового дерева и угодила в больницу^[12]. Соседка ее Вербена Уилер тотчас пустила слух, что она умерла. Это не вполне соответствовало истине, но Кэти Колверт узнала о том уже после публикации некролога. Выписавшись из больницы, Элнер прочла его с огромным удовольствием. К сожалению, в следующий раз слух о ее смерти соответствовал истине. Кэти опубликовала тот же самый некролог, который так понравился Элнер. Она так долго присутствовала в жизни города, что Кэти решила спросить его обитателей, как в двух словах они бы охарактеризовали эту женщину.

Вот какие ответы она получила: «забавная», «милая», «как ребенок», «мудрая», «хорошая кухарка», «веселая», «замечательная соседка», «лучше всех консервировала фиги», «неподражаемая», «любила животных», «любила букашек», «истинная христианка», «неповторимая» и два раза – «незаменимая». Лучшего нельзя и желать.

Смерть Элнер Шимфизл опечалила город, но обрадовала «Тихие луга». Весть разнеслась мгновенно: «Здесь Элнер Шимфизл! Элнер с нами!» Люсиль Бимер была просто счастлива.

Она знала, что многие захотят поболтать с Элнер, у которой всегда были весьма любопытные взгляды на жизнь.

Однако все ее так любили, и за долгую жизнь у нее появилось столько знакомых и родственников, что лишь на то, чтобы со всеми просто поздороваться, ушла целая неделя.

Наконец покончив с приветствиями, Элнер сказала:

– Вы даже не представляете, как я ошарашена. Я не могла дождаться, когда снова со всеми увижусь, но думала, что отправлюсь на небеса, а вы, оказывается, все это время были по соседству!

Муж ее Уилл рассмеялся:

– Нет, ты скажи, почему так долго копалась? Я уж тебя заждался.

– Знаю, милый, знаю. Но я не пыталась растянуть свою жизнь. Наверное, здоровье у меня крепкое.

Племянник Джин тоже очень обрадовался тетушке и первым делом спросил, как там Дена.

– У нее все хорошо, мой дорогой. Она вышла за симпатичного доктора и очень счастлива.

– Правда?

– Да, конечно, на прошлой неделе Норма получила от нее письмо.

– Хорошая новость, спасибо, что сообщила. Как поживает Норма?

– Непоседлива, точно кошка, и все такая же душенька, – засмеялась Элнер. – Я буду по ней шибко скучать. И по малышу Мэкки тоже.

Она огорчилась, что многие старожилы уже сгинули, но и с теми, кто остался на холме, ей было приятно поболтать. В земной жизни народ любил обсуждать свои хвори, а теперь говорил лишь о том, что привело его на кладбище.

Миссис Белл уже в десятый, наверное, раз поведала свою историю:

– Значит, врач звонит мне и говорит: «Очень жаль, миссис Белл, но у вас рак, и мы должны начать лечение немедленно». Не морочьте мне голову, отвечаю, некогда мне цацкаться с этим раком, у меня дел по горло. К врачу носу не казала и прожила еще пять лет. Да уж, сколько тебе отпущено, то – твое, и я свое пожила, никаких обид. Самое смешное, что померла-то я от сердечного приступа.

– Вряд ли вы знаете, Элнер, а меня вот прикончил клещ, – сказал Густав.

– Ох ты! Где ж ты его подцепил?

– На Аляске. Завалил лося и с него хватанул клеща. Началось заражение, через неделю я сыграл в ящик.

– Выходит, лось с тобой поквитался.

– Похоже, так, – засмеялся Густав.

Малыш

Мэкки обедал в кафетерии, когда в окно увидел Томми Линдквиста Младшего – нынешнего героя школьной футбольной команды. Все встречные ему радостно улыбались и махали руками.

Некогда Мэкки и сам был Малышом – всеобщим любимцем, который сделал победный тачдаун и женился на Норме, первой городской красавице. Он был тем, кто, конечно же, горы свернет. Тем, кому все улыбались и махали. А потом в один прекрасный день все закончилось.

После Кореи пришлось помогать отцу в магазине. Мэкки даже не пробовал стать профессиональным футболистом, чего все от него ожидали.

Теперь он слегка облысел и хрустел коленками, и кто-то другой был Малышом. Его и сверстников потеснило следующее поколение молокососов. Теперь он всего лишь пожилой никчемный дядька, который сидит и смотрит на невероятно самоуверенного паренька, неизбежно убежденного в своей вечной удаче. Бессмысленно говорить ему, что оглянуться не успеет, как счастливые деньки закончатся и он будет гадать, что же произошло: он-то думал, что только начинает жить, и вдруг оказалось, жизнь почти прожита. Как там в песне поется – «И это – все, что ли?» Да нет, так не годится.

Что-то я разнюнился, подумал Мэкки. Наверное, тоскую по тете Элнер. Невозможно осознать, что больше никогда ее не увидишь. Он знал ее с самого детства. Родители покупали у нее яйца, потом он женился на ее племяннице. До самой своей смерти она называла его «малыш Мэкки», и он чувствовал себя молодым. Да что ж с ним такое-то, черт бы его побрал? Надо же, усталился в окошко и жалеет себя. Господи, жизнь так скоротечна... Тратишь ее на всякую ерунду, но когда это поймешь, уже слишком поздно и ты превратился в старого пердуна, чье время ушло, и ему осталось только завидовать юнцу.

Подошла молоденькая официантка. Мэкки отер глаза и высморкался в салфетку.

- С вами все хорошо, мистер Уоррен? – спросила девушка.
- Все нормально. – Мэкки шмыгнул носом. – Борюсь с простудой.
- Еще кофе?
- Да, пожалуйста. Бекки, ты не раздумала осенью поступать в техникум?

Девушка чуть нахмурилась:

– Не знаю, мистер Уоррен. По обстоятельствам.

– Послушай, если дело в деньгах, мы с Нормой охотно одолжим тебе, сколько надо.

Бекки опешила:

– Правда?

– Ну конечно. – Мэки посмотрел на девушку: – Не торчи здесь, Бекки, езжай. Не теряй времени, дорогая.

Вербена неудачно зашла в туалет

Кроме воссоединения с любимым мужем, множеством родных и друзей, Элнер радовалась тому, что в будущем ее земные подруги разместятся неподалеку от нее – Вербена, Руби и Тотт купили соседние участки. Значит, все как раньше. Те же люди, только адрес другой. Первой явилась Вербена – в буквальном смысле рванула на холм.

Узнав о ее прибытии, Элнер Шимфизл очень обрадовалась давней приятельнице и еле дождалась, когда та поздоровается с родными.

– Привет, Вербена! Как хорошо, что ты здесь, я по тебе истосковалась.

– Я тоже соскучилась. Я была на твоих похоронах, Элнер, и положила тебе цветы.

– Спасибо. Прости, что не смогла ответить тем же.

– Пустяки. Ты знаешь, Лютер Григз купил твой дом.

– Да, мне сказали. Как самочувствие, дорогая?

– Приличное. Нога больше не болит, но, если честно, особой радости нет.

– Правда? – удивилась Элнер. – Но почему, дорогуша?

– Злость берет, что я умерла, вот почему. Десять лет я копила на поездку в Калифорнию, но теперь никуда не еду, причем билет мой не подлежит возврату.

– Ой, сочувствую. А что случилось, ты заболела?

– Вовсе нет. Я так и знала, что смерть моя будет нелепой. Всю жизнь, Элнер, я старалась быть дамой – не сквернословила, не курила на людях, всегда имела чистый носовой платок, ни разу не пропустила воскресную службу. А в результате – взорвавшийся унитаз выстрелил мною в потолок.

– Не может быть!

– Вот так вот. Очень надеюсь, что в некрологе умолчали о причине смерти. И вот что я тебе скажу: Джастин Кламپ разбирается в сантехнике как свинья в апельсинах. Когда эта штуковина забарахлила, я сказала Мерлу, чтобы вызвал водопроводчика из фирмы О’Делла. А ему, видишь ли, там показалось дорого. Ты же знаешь, какой он скупердяй. Помнишь, как он купил остатки искусственного газона? Все разного оттенка. А подержанный комплект для ванной? В нем же ничего не работало. Вечно так: грош наживает, а два проживает. Вот пусть теперь радуется, что сэкономил десять баксов: я – покойница, он – вдовец.

– Очень жаль, что сорвалась твоя поездка в Калифорнию, но

постарайся увидеть и положительную сторону во всей этой истории. Скажем, ты все-таки довольно долго прожила на белом свете.

Элнер очень обрадовалась, что Лютер купил ее дом. Тот дом, в котором он, можно сказать, вырос.

Учеба ему не давалась, и он был готов бросить школу, но Элнер неустанно вдалбливала:

– Дорогой, каждый в чем-нибудь да хорош. Главное, понять – в чем.

К счастью, Лютер понял. Сразу после школы он устроился на ферму Андера – стал водителем фуры. Для бывшего троечника он очень неплохо зарабатывал и смог позволить себе жениться на своей подружке Бобби Джо.

К несчастью для жены, его понятие хорошего времяпрепровождения заключалось в том, чтобы тащить ее к каждому авто, грузовику или фургону, какие встретятся в радиусе пятисот миль.

– Что поделаешь, милая, – говорил Лютер, – такая моя работа. Я должен быть в курсе всех автомобильных новинок.

Конечно, это была наглая ложь. Просто он обожал любые машины.

Все новости, пригодные к публикации

Составляя некролог Вербены Уилер, Кэти Колверт столкнулась с нешуточной проблемой. Отец Кэти, основавший газету, в некрологах всегда называл причину смерти, и если сейчас о ней умолчать, читатели взбелеются.

Однажды Кэти уже попыталась обойтись недомолвками, когда миссис Спейр отравилась несвежей устрицей в ресторане морепродуктов «У Арнольда» (хозяин был одним из главных рекламодателей, а старухе стукнуло сто два года), но подписчики оборвали телефон:

– От чего она умерла?

– Я хочу знать, что именно ее прикончило!

– Что значит – умерла? Дайте подробности!

Кэти получила суровый урок: нельзя утаивать существенную информацию. Тем более что ресторан Арнольда все равно закрылся. Но сейчас ситуация иная, крайне щекотливая. Как тут соблюсти право общественности на информацию, не вторгаясь в частную жизнь покойной? Намучившись с формулировками, Кэти опустила пикантные детали и остановилась на «бытовом несчастном случае, закончившемся трагически».

Как ни старалась она уберечь Вербену, слухи просочились и все всё узнали в мельчайших подробностях, да еще Мерл подал иск к сантехнической фирме Клампа. Конечно, некоторые бесчувственные люди давились смехом, представив, как унитаз взрывается и его сиделец пробивает потолок.

Однако истинная трагичность происшествия была в том, что Вербене вовсе не хотелось в туалет. Она собиралась в магазин и наведальась в сортир, что называется, на всякий случай. Убедившись в бесплодности своего визита, Вербена машинально спустила воду. Разумеется, в эти детали она никого не посвятила.

Три месяца спустя ее муж Мерл тоже прибыл на «Тихие луга».

– Так вот он какой, этот загробный мир, – сказал Мерл, выслушав приветствие и ознакомительный рассказ Люсиль Бимер. – Это великое «потом», о котором столько разговоров.

– Все именно так.

– Спасибо, что встретили и ввели в курс дел, Люсиль. Но позвольте кое-что уточнить. Вы говорите, временами кто-нибудь бесследно исчезает?

- Да.
 - И еще никто не вернулся?
 - Нет, и пока что, к сожалению, это остается загадкой.
- И тут вдруг Элнер Шимфизл по привычке запела:
- Ах, сладкая тайна жизни, наконец-то я тебя разгадала...
- Бёрди Свенсен шепнула мужу:
- Ну почему люди без слуха так любят петь?

Грустное Рождество

Норма печалилась. Первое Рождество без тети Элнер, да еще Мэкки куда-то запропастился. Утром проснулась – его нет. Совсем на него не похоже. И ведь прекрасно знает, что она в подавленном настроении. Норма натянула халат, влезла в тапочки и спустилась в кухню. Кофеварка включена, однако ни Мэкки, ни его машины, и даже записки нет, хотя обычно он всегда оставляет записку. Что происходит? Норма позвонила на мобильный Мэкки, муж долго не отвечал, потом наконец откликнулся.

– Ты где?

– Прости, выскочил на минутку, уже еду домой. – Мэкки отключился.

Норма налила себе кофе и вернулась в спальню. Раздражение росло. Ведь знает же, она пугается, если проснется одна и не найдет записки. Минут через пять хлопнула входная дверь.

Норма сошла в гостиную и увидела мужа: рот до ушей, смотрит на большую коробку под елкой.

– Ох, Мэкки! – вздохнула Норма. – Ну зачем? Мы же договорились, в этом году – без подарков.

– Открой коробку, – сказал Мэкки.

– Ладно, я надеюсь, ты не истратил кучу денег. Пойду налью еще кофе.

– Нет, сначала открой.

Норма подошла к елке – из коробки доносились какие-то странные звуки.

– Господи, что там? – Норма сорвала обертку – в коробке хором мяукали шесть сереньких полосатых котят. – Боже мой, ты спятил, что ли? Где ты их взял?

– Санта-Клаус принес.

– Поверить не могу, что ты притащил их в дом. И что с ними делать?

Тут один котенок выбрался из коробки. Норма его подхватила, и он заурчал, как моторчик.

– Мэкки, я тебя убить готова. – Норма ожгла его взглядом. – Только этого мне не хватало – заботиться о гадкой своре вонючих бродячих кошек.

В ближайшие дни они купили игрушки, наполнитель для лотка, кошачью еду и все время возились с малышами. Это было лучшее Рождество за последние годы.

Через месяц-другой трех котят пристроили знакомым, а трех оставили

себе. Девочек. Одна, которую назвали Элнер, разодрала красивые шторы, однако Норма ее не бранила.

Здорово, соседка

Элнер и Вербена ликовали – к ним прибыла их старая подруга Руби, которая тоже очень радовалась встрече:

– Ой, я прям как дома со всеми моими соседкушками. Как вы, девочки, померли, я сломала шейку бедра и уселась в инвалидную коляску. Ни сходить никуда, ни сделать ничего. А по телику сплошная мурра. От скуки я чуть не свихнулась.

– После нас ничего интересного не случилось, что ли? – спросила Вербена.

– Ничегошеньки. Ну вот разве что доктор Орр вляпался в грандиозный скандал.

– Кто? – не поняла Элнер.

– Ну, доктор Орр, дантист. Тот, что днем рвал зубы, а вечером изображал Элвиса. Иногда он выступал в «Красном амбаре». Хотел, чтобы его называли «пародистом», но умел показать только Пресли.

– И что с ним приключилось?

– В каком-то мотеле Орра застукали с его ассистенткой, и ему пришлось спешным порядком свалить из города. Муж той девицы обещал его пристрелить, если еще раз увидит.

– Похоже, кранты его артистической карьере, – сказала Элнер.

– Скорее всего.

– Обалденная история, – восхитилась Вербена. – Жалко, я все пропустила.

– О Ханне Мари что-нибудь слышно? – спросила Элнер.

– Нет, ничего, дорогуша. Она стала настоящей затворницей.

– А как там наша чокнутая Тотт? – перебила Вербена.

Руби засмеялась:

– Ну ты же ее знаешь. Как всегда, хлещет кофе и смолит сигареты. Наверняка скоро прибудет к нам.

Кумушки не ведали, что Беатрис и Андер слышали их разговор о Ханне Мари.

– На нее это не похоже, – сказала Беатрис. – Тут что-то не так, Андер.

С днем рождения

2008

Норма поднялась на веранду бывшего дома тети Элнер и огляделась. Старая фига, с которой когда-то тетушка упала, вроде как слегка пожухла. Темно-зеленые пластиковые кресла, в супермаркете купленные Лютером и Бобби Джо Григз, не сочетались с обаятельной стариной. Прежде здесь радовали глаз белая железная качалка с подушками в белый и желтый горошек и два белых кресла. Что ж, теперь у дома другие хозяева. Норма постучала в сетчатую дверь, но никто не откликнулся. В прихожей Норма разглядела клетку с приколотой запиской. В клетке сидел Сонни, рыжий кот тети Элнер. Норма вошла в дом и прочла записку: «Норма, я убегаю. Вот он. Бобби Джо».

Вместе с котом Норма поехала на кладбище. На могиле тети Элнер появилась вазочка с желтыми искусственными цветами. Наверняка их поставила Тотт. Конечно, она хотела как лучше, но, ей-богу, цветы кошмарные. Норма отодвинула вазочку в сторону.

– Здравствуй, тетя Элнер, вот и я. Не знаю, помнишь ли ты, что сегодня твой день рождения? Так что поздравляю! Мэкки и Линда шлют наилучшие пожелания. Вот тебе свежие цветы, а еще к тебе приехал Сонни. Наверняка тебе это понравилось бы.

Норма посадила кота на могилу, мордой к надгробию. Сонни, похоже, заинтересовало, куда это его привезли.

Норма взяла жестяную баночку, торчавшую из земли, сходил к колонке и набрала воды.

– Знаешь, тетя Элнер, – приговаривала она, устраивая цветы в банку, – когда ты была жива, меня просто изводили твои бесконечные звонки и дурацкие вопросы. А теперь вот тебя нет, и ты даже не представляешь, как я по тебе скучаю. Раз десять на дню собираюсь тебе позвонить. А когда звонят нам, первая мысль – наверное, тетя Элнер. Но это, конечно, не ты. – Норма вздохнула. – Я знала, что буду по тебе скучать. Но не думала, что так сильно. И Мэкки тоже... ему ужасно не хватает ваших утренних встреч за чашкой кофе... Ладно, я пойду проведу маму с папой, а Сонни пусть посидит с тобой.

Бывая на кладбище, всякий раз Норма подмечала удручающие

перемены. Красивую деревянную арку с резными цветами, которую разломал торнадо, так и не восстановили. Мощные дорожки щербаты от выбоин, разрослись сорняки. А ведь некогда кладбище смотрелось яркой зеленой лужайкой, утопавшей в свежих цветах. Теперь повсюду мусор, вон валяются пакеты из-под чипсов.

А надгробия! Раньше на них высекали масонский знак или какую-нибудь армейскую эмблему, но с каких это пор, скажите на милость, грузовая фура или мотоцикл считаются приличной надгробной гравировкой? Теперь никаких правил, каждый – кто во что горазд. Тут скамейка, здесь какой-то шар, а там сияющая черная стела соседствует со скромным бетонным памятником двадцатых годов. Все равно что «Макдоналдс» рядом с красивым домиком.

Вовсе не сноб, Норма понимала, что у всех разный уровень культуры, но в мире, который телевидение неустанно пичкало всяческим безобразием, с каждым днем все меньше хоть какого-то подобия благопристойности. Даже это убежище тишины, покоя и красоты стало совсем другим. И что тут поделаешь? Дошло до того, что некоторые уже ставят надгробия с портретом усопшего. Жутковато идти меж могил, с которых тебе улыбаются покойники. Это ведь надо умудриться выбрать фотографию, которая тебя увековечит.

А надпись на памятнике Гарольда Уиглера – это вообще что-то с чем-то: «Ну и темнотища здесь. Эй, кто-нибудь, включите свет». Так ужасно, даже думать об этом не хочется. Норма всегда старалась не проходить через двенадцатый ряд. Надпись отнюдь не забавная. Смерть – не шутка, а тут и шутка-то не смешная.

Навестив родителей, Норма забрала Сонни, попрощалась с тетей Элнер и поехала обратно в город.

После ее ухода Элнер поделилась со своей соседкой Руби Робинсон:

– Сонни мой хорош, правда?

– Наверное, если ты кошатница. Как мило, что Норма не забыла про твой день рождения, да?

– Умничка.

– Она и впрямь по тебе скучает.

– А я – по ней. Славная девочка. Но, как ни старается, нервишки, бывает, ее подводят.

– И не говори. По-моему, она из тех, кому всегда поможет капелька спиртного.

Привет, Тотт!

Как и предрекала Руби, на «Тихие луга» Тотт Вутен прибыла почти следом за ней. Едва мисс Бимер ее поприветствовала, как раздался молодой сочный голос:

– Привет, Тотт! Это я, твоя мама.

– Мама, ты? – опешила Тотт.

– Да, милая, я.

– И ты меня узнаешь?

– Конечно.

– А как же твой Альцгеймер?

– Больше нету... Сразу после смерти разум ко мне вернулся. Теперь, как в старые добрые времена, мы будем вместе.

Тотт даже не мечтала когда-нибудь свидеться с матерью, а уж тем более застать ее в здравом уме. Последние шестнадцать лет жизни та ее не узнавала.

Затем Тотт поздоровалась с дедом и бабушкой, со старыми соседями и многочисленными клиентками салона красоты.

– Готова спорить, ты не страдаешь от того, что не надо каждый день тащиться на работу, – сказала Вербена. – А, Тотт?

– Уж точно, дорогуша, – ответила Тотт и повернулась к Элнер: – Как подумаю, что больше не придется начесывать чью-то башку, от радости хочется скакать.

– Здесь тебе понравится, – вмешалась Руби. – Только представь: все волнения позади, ни горестей, ни забот. Отныне ты в спокойном плавании.

– Ну, значит, ура. Вот озолоти меня, я бы не хотела воскреснуть. А ты, Элнер? Ты обрадовалась, когда все закончилось?

– Даже не знаю. Я любила жизнь, несмотря на все ее маленькие неприятности.

– Тебе-то хорошо, ты не была замужем за придурком.

– Здравствуй, Тотт, – вклинился мужской голос.

– Джеймс? – удивилась Тотт. – Ты, что ли? Ты где?

– Через шесть рядов от тебя.

– Ах да, точно. Тебя же похоронили на участке Вутенов.

– Ну как дела? – робко спросил Джеймс.

– Все прекрасно, если не считать того, что я померла и меня закопали, – сказала Тотт и негромко добавила, обращаясь к Элнер: – Я

совсем забыла, что он здесь. Слава богу, не рядом со мной. А то новая женушка всякий раз перешагивала бы через меня, навещая его. Нет уж, спасибо.

Однако Джеймс ее услышал:

– Она сюда почти не заходит.

– Даже так? Этого стоило ожидать.

– Бросила меня.

– Да, люди говорили. – Тотт помолчала. – Ты разбил мне сердце, Джеймс.

– Прости. Все еще ненавидишь меня?

– Ненависти к тебе нет и в помине. Досада была, раздражение. Если бы ты завязал с выпивкой раньше, мы бы ужились. Я нуждалась в тебе, и детям был нужен отец. Видит бог, из меня получилась плохая мать – с утра до ночи на работе. А что поделаешь? Кому-то надо было зарабатывать на жизнь. И вот из детей вышло черт-те что. Уж не знаю, через сколько поколений сгинет все, что мы напортачили. Дуэйн Младший без продыху женится на всякой дуре, возомнившей, что сумеет его спасти. Дарлин трижды выходила за никчемных мужиков, сейчас обрабатывает четвертого. Одна твоя внучка подсела на кокаин и дважды побывала в кутузке, другая в Канзасе танцует на шесте. Вся в татуировках и с кольцами в носу. Ужас в том, что она считает – это красиво. – Тотт вздохнула: – Не знаю, Джеймс, я старалась, но ничего не вышло. Я вот тут сказала Элнер: хорошо, что я умерла.

– Не говори так, милая...

– Это правда. Я страшно устала. Сил моих больше нет. Ты не представляешь, какое это облегчение, когда не надо подпрыгивать от каждого телефонного звонка и гадать, какую твою внучку арестовали и за что.

– Прости меня, Тотт. Я тебя любил, всегда. Только сам этого не понимал.

– И ты меня прости, Джеймс. Наверное, надо было помягче с тобой. Зря я швырнула в тебя садовым гномом.

– Пустяки, дорогая.

– Наверное, у тебя есть оправдание – ты стал совсем другим после того, как на свадьбе рисовое зернышко застряло в твоём ухе.

– Может быть, но это не давало мне права на подлости.

Они надолго замолчали, потом Тотт сказала:

– Прошлого не воротишь, Джеймс, и ошибки не поправишь, но я хочу, чтоб мы были друзьями. Не возражаешь?

– Господи, Тотт, я денно и ночью об этом молился.
– Вот и славно. И раз уж теперь мы друзья, скажи-ка мне, какого черта ты нашел в этой Джеки Сью Поттс?
– Бог его знает. Дурак я был, вот и все. Дурак набитый.
– Самое противное, что она была моей клиенткой.
– Да, я знаю. Не серчай.
– Но ты ведь мужчина, и ты не виноват, что тебя таким сотворили. Теряешь голову от всякой юбки. Ты не один такой.

«Аминь, сестра», – подумали шесть женщин, слушавшие их разговор.
– Может, и так, – сказал Джеймс. – Но думаешь, я не казнился? Тысячу раз я хотел вернуться, но было стыдно посмотреть тебе в глаза.

Тотт его услышала и сокрушенно вздохнула: господи, какой балбес! Ему невдомек, что она тотчас бы приняла его обратно.

Это ж надо, сколько всего интересного узнаешь о людях, подумала Элнер. В городе Тотт, в общем-то, любили, но считали задиристой злокой. Что верно, то верно, отбрить она могла. Но боже ж ты мой, все дело-то, оказывается, в том, что она была безнадежно влюблена в мужчину, который ее бросил. А безответная любовь кого хочешь превратит в злыдню.

На другой день Элнер и Вербена радовались за Джеймса и Тотт, которые снова общались.

– И он трезвый как стеклышко! – сказала Вербена. – Вот уж не думала, не гадала, что доживу до такого дня.

И тут вдруг огромная стая ворон уселась на дуб, но через секунду-другую вновь взлетела.

– Какие они забавные, правда? – рассмеялась Элнер. – Я знаю, многие терпеть не могут ворон, а я вот от них всегда балдела. Сонни, кот мой, их просто ненавидел и пытался сцапать, но так ни одну и не поймал. Бедняга. – Неожиданно она запела: – Труба зовет, Сонни, зовет тебя труба, с тобою я и в горе, и в печали, люблю тебя, Сонни, люблю-у-у-у-у-у...

– Ты врешь мелодию, и потом, там совсем другие слова, – перебила Вербена.

– И так сойдет, – отмахнулась Элнер и продолжила: – Залезай ко мне на колени, Сонни, тебе стукнул всего-то годок, Со-о-онни мой...

Уилл Шимфизл хихикнул и сказал приятелю:

– Во голосок-то, а? Будто дюжину котов тянут за яйца.

После столь горестной и весьма несчастливой жизни Тотт Вутен очень нравилось на «Тихих лугах». Как-то вечером она поделилась с Руби:

– Прямо тоска берет, как подумаешь, сколько прекрасных ночей пропустила я в земной жизни. Какое изумительное зрелище, эти мириады мерцающих звездочек. И ведь они всегда были там. Иногда вместе с Элнер я любовалась закатом, но потом шла домой и до поздней ночи пялилась в телик. И такая радость сейчас – видеть ночное небо, слушать сов, лягушек и сверчков. Вот оно где, настоящее, а я как проклятая каждый вечер смотрела «Династию» и «Большую долину» с Барбарой Стэнвик. Но артистка классная. Как взглянет – уложит наповал. Я таких люблю.

Лестер Шингл, взявший за правило внимательно слушать все разговоры главной подозреваемой, отметил последнюю реплику. Да, шила в мешке не утаишь. Это явная черта агрессивной натуры.

Шривпорт, Луизиана

2011

Лютер Григз вел многотонную фуру и мечтал о выигрыше в лотерею. В кармане у него лежали десять билетов. В мечтах выигрыш был крупный, позволяющий купить роскошный серебристо-коричневый дом на колесах. Причем не абы какой, марку и модель Лютер знал точно. Он хотел «Баундер» со всеми прибабасами: раздвижные двери, просторный душ, на шторе которого изображен супермен, выносные тенты.

Он бросит работу и вместе с Бобби Джо изъездит всю Америку, путешествуя от одного трейлер-городка к другому и ведя светскую жизнь. Говорят, в Бьюлтоне, Калифорния, на стоянке автофургонов «Развевающиеся флаги» есть бассейн, ресторан, по пятницам там играют в бинго, а по субботам звучит живая музыка и все готовят барбекю. Чего еще желать-то?

Дождь моросил. В боковое зеркало Лютер увидел нагонявшую его машину. Симпатичный красный «плимут-дастер» семидесятого года. Лютер пропустил легковушку, чтобы хорошенько ее рассмотреть. Женщина за рулем ему помахала, Лютер ответил. Он самый, «плимут» семидесятого. Сразу видно, о машине заботятся. Краска и покрышки еще заводские.

Последние часов шесть дождь то стихал, то опять принимался, и Лютер, хоть спешил домой, держал скорость около пятидесяти пяти миль в час. В здешних краях полно нефтеперегонных заводов, в дождь этот участок дороги особенно скользкий.

Красный «плимут» ушел вперед и въезжал на мост, когда вдруг на шоссе перед ним выскочил броненосец. Женщина-водитель выбрала самый плохой вариант: пытаясь избежать столкновения, слишком резко вывернула руль. Машину занесло, и она, пробив бетонное ограждение, ухнула в реку.

– Ох, черт! – обомлел Лютер.

Он глянул в зеркало – сзади никого, впереди тоже было пусто. Лютер плавно затормозил, чтобы фура не сложилась в гармошку, и съехал на обочину. Из-под сиденья выхватил монтировку, которую держал там на всякий пожарный случай, и, выскочив из кабины, что есть духу рванул к мосту.

Красная машина еще держалась на плаву, но довольно быстро погружалась, пуская пузыри. К счастью, она была недалеко от берега, и Лютер, на заднице съехав по откосу, кинулся в реку. Он успел добрести до машины, которую уже подхватило течением, и, сделав рывок, уцепиться за ручку дверцы.

Все окна были закрыты, чего Лютер и опасался. В салоне охваченная паникой женщина никак не могла отстегнуть ремень. Машина уже скрылась под водой, а Лютер все еще отчаянно колотил монтировкой по стеклу. Только с десятой попытки ему удалось разбить окно, просунуться внутрь и расстегнуть ремень. С огромным усилием он открыл дверцу, вытащил женщину из машины и со всей силы толкнул ее вверх. Последнее, что он видел, – женщина всплывала, молотя ногами в чулках. Ну слава тебе господи.

Машина легла на дно, и только теперь Лютер вспомнил: черт! я ж плавать-то не умею...

В пять лет он чуть не утонул, когда отец швырнул его в озеро. С тех пор Лютер жутко боялся воды.

ЛЮТЕР ГРИГЗ

1964–2011

Нет любви крепче, чем отданная за ближнего жизнь

Когда на «Тихие луга» прибыл Джон Робинсон, муж Руби, он спросил Элнер:

– Лютер вам поведал, как он здесь очутился?
– Говорит, просто несчастный случай.
– Что? Эй, Лютер, ты почему не сказал, что утонул, спасая женщину?
– Да зачем... – промямлил Лютер. – Вроде как позорно, что не умею плавать.

– Брось, тут нечего стыдиться. Ты настоящий герой. У той женщины трое детей. Вообразите, он кинулся спасать совершенно незнакомого человека.

– А я ничуть не удивляюсь, – сказала Элнер, выслушав всю историю. – Я всегда знала, что он хороший мальчик. Правда, милый?

– Ну, так ты говорила.

Спасенная женщина не забыла того, что для нее сделал Лютер. Вместе с мужем и детьми она приехала на его похороны. Младшая дочка, которой только-только исполнилось шесть лет, положила на его могилу

самостоятельно написанное письмо:

Дорогой мистер Григз,

Спасибо, что спасли мою маму. Она хорошая и тоже очень этому рада. Мне жалко, что вы утонули.

С любовью, Трейси.

Попугайная голова

Вторник выдался удачным. Как всегда, поддатый, Дуэйн Младший напялил футболку с надписью «Даешь пьянку» и решил передохнуть от дома. Жена на работе, дети в школе. Прихватив упаковку с шестью банками пива, он отправился на кладбище. Возле могилы матери плюхнулся на траву, забил косячок и открыл холодное пиво. Потом глянул на город у подножия холма и вздохнул. Как мамаша откинулась, не житуха, а сплошная тягомотина. Маманя-то была потешная. Вредная, зараза, но потешная. И чего ей вздумалось помереть? Блин, не женись он на всех этих бабах и не наплоди этих детей, сорвался бы в Ки-Уэст и там дал бы жару с другими попугайными головами. Дуэйн покивал своим мыслям. Да, было бы здорово очутиться в Ки-Уэсте. Весь день сидишь на пляже, прикладываешься к бутылке. Никаких тебе действующих и бывших жен, никаких детей. Блин... Вдруг там встретится Джимми Баффет? Было бы круто, а? Нет, ей-богу, надо туда сгонять. Вот только бы водительские права вернуть. Да хрен-то с ними, можно и автостопом. Сорваться – и с концами. Во будет круто. Дуэйн открыл вторую банку. Не, скажи, это круто, да?

Когда он ушел, Тотт вздохнула и окликнула Джеймса:

– Пьет, как в бездонную кадку льет.

– М-да, – вздохнул Джеймс.

День уже разгорелся, когда на «Тихих лугах» услышали пронзительный вой сирен. Промчавшись по городу, машины «скорой помощи» и полицейского патруля взвизгнули тормозами и остановились.

Что случилось? – гадали обитатели кладбища, не разобрав, в какой части города смолкли сирены. Кто-то ранен? Кому-то плохо?

Первой заговорила Тотт Вутен:

– Я надеюсь, тот, кого повезут в больницу, знает, во что ему это обойдется. Когда во Флориде меня пырнула в ногу рыба-игла, мне выставили счет на пять тысяч долларов. Там ехать-то всего шесть кварталов. Я говорю, пропадите вы пропадом, говорю, я бы взяла такси и сэкономила кучу денег. С тех пор я всех упреждаю: если, говорю, можешь, встань и дуй пешком, только смотри не дай запихнуть себя в их треклятую карету.

К несчастью, тот человек перед домом Свенсенов, кому вызвали «скорую», не мог дуть пешком.

Женщина-лайнер

В любом городе одни люди всегда на виду, а другие живут себе потихоньку и никто их не замечает.

Спокон веку Норвалин Уиттл была полновата, что гасило мужской интерес к ней и лишало возможности стать мажореткой или чирлидером.

Сейчас, в тридцать семь лет, она вела бухгалтерию нескольких городских компаний, но благодаря интернету могла работать на дому. Родители оставили ей удобный домик в две комнаты и одну ванную, из которого она выходила лишь за продуктами или в аптеку. И это ее вполне устраивало. С нею жила собака Митци (нечистокровный йоркширский терьер) – прекрасная компаньонка, приученная делать свои дела на газетку.

И вот однажды, отправившись в магазин, Норвалин заметила, что при ходьбе переваливается с боку на бок, точно огромный океанский лайнер на волнах. Лишь теперь она осознала, какая она большая и толстая. Вот те на. А ведь правда: она с трудом влезала в туфли, уже давно не носила кольца и часы. Как же раньше-то ничего не замечала?

Беда в том, что прочие радости жизни она компенсировала в «Макдоналдсе», сметая двойные чизбургеры с картошкой фри. И диетическая кола, видимо, не уравнивала поглощенные калории. Обалдеть. Она даже не заметила, как стала носить просторные балахоны и обувь без задника. Норвалин всегда знала, что слегка полновата, однако нынче на осмотре доктор Холлинг ее известил, что стадию полноты она уже миновала. Весы, определяющие соотношение жира и мышечной массы, вынесли приговор: она переметнулась в категорию тучных и вот-вот перейдет в класс болезненного ожирения. Врач записал ее на прием к диетологу.

По дороге домой Норвалин кляла себя на чем свет стоит. С чего это она решила, что может объедаться, как подросток? Вот оно что. Не потрудилась задуматься. Последние двадцать два года сидела перед телевизором и трескала не закрывая рта, превратила свою жизнь в жвачное существование. И если теперь не пойти к диетологу, тот наябедничает доктору Холлингу.

Диетолог излучала жизнерадостную уверенность в успехе лечения. Внутри вас, сказала она, сидит худышка, которой не терпится вылезти наружу. Норвалин знала, что это не так. Внутри нее сидела толстуха, у

которой не было сил даже шевельнуться. Да и зачем? Никто ее не любит. Единственный парень, в которого она была влюблена, женился на другой. Тогда – зачем? Ради себя, сказала себе Норвалин, но, по правде, ей хотелось лишь поесть вкусенького, поиграть с Митци и посмотреть телесериал.

– Дело тут не в силе воли, – пояснила диетолог. – У вас, мисс Уиттл, зависимость от еды. Вы пристрастились к углеводам, как наркоман – к героину. Единственный способ постепенно сбросить вес – категорически отказаться от сладкого и мучного.

Ну ладно. Предположим, она пройдет весь курс, потратит время и деньги, измучает себя всякими ограничениями – и что потом? Станет несчастным скелетом с обвисшей кожей. Если избавиться от лишнего жира, сказала докторица, проживете на добрых десять лет дольше.

А на кой она такая жизнь – без хлеба и мороженого? – подумала Норвалин и, сделав выбор в пользу десерта, решила в клинике больше не появляться.

Прошло несколько лет. Пятничным утром Норвалин с большим трудом выбралась из машины, поочередно выпростав ноги, отдышалась и через парковку двинулась к аптеке. И тут вдруг из супермаркета донеслись крики и шум, люди вокруг попадали на землю. Кто-то завопил:

– Держите его! Держите!

Из стеклянных дверей магазина выскочил человек с пистолетом, за ним гнался охранник. Раздумывать было некогда. Норвалин скрестила руки и встала на пути беглеца. Человек с разгону в нее врезался и, выронив пистолет, упал. Норвалин тотчас на него уселась и так сидела до приезда полиции. Оказалось, не зря – злодей только что ограбил ювелирный салон.

Свидетели показали, что бандит извивался ужом, но выбраться на волю не смог. Сам преступник позже уверял, что задержавшая его баба весила фунтов шестьсот с лишком. Он, конечно, приврал, но понадобилась помощь трех пожарных и одного зеваки, чтобы поднять Норвалин на ноги.

Когда суматоха улеглась и грабителя, закованного в наручники, увезли, полицейский, допрашивавший Норвалин, взгляделся в нее и вдруг удивленно спросил:

– Вы – Норвалин Уиттл? А меня не помните? Мы вместе учились в школе. Я Билли... Билли Макмайкл...

Норвалин зарделась до оттенка лилового. Она его помнила. Это был тот самый парень, в которого некогда она влюбилась.

В тот же день Кэти Колверт взяла у нее интервью, которое под

заголовком «Местная жительница задерживает грабителя» поместила на первой странице.

Норвалин не стала говорить, что все получилось случайно. Просто она не могла встать. Кто-то из зевак снял ее на телефон и разместил видео в «Ютубе». Конечно, посыпались насмешливые комментарии (в основном от подростков), но многих ее храбрость впечатлила.

– Пусть погоня не для нее, – говорили люди, – зато уж она остановит – будьте покойны!

В знак признательности супермаркет вручил ей подарочный сто долларовый сертификат, действительный во всех его отделах и закусовых. Мэр наградил ее медалью «За гражданское мужество», а шериф Ральф Чилдресс назначил своим почетным заместителем и выдал полицейскую бляху. По такому случаю в магазине «Наряд от Росс за бесценок» Норвалин купила просторное черное платье и парадные туфли без задника, но со стразами.

На церемонию награждения Билли привез ее в своей полицейской машине, а затем подбросил домой.

– Может, как-нибудь вместе поужинаем? – на прощанье спросил он.

Билли женился на красивой однокласснице, но семейная жизнь не задалась. Он развелся и последние три года жил в паршивом многоквартирном доме на городской окраине.

Сперва были совместные ужины, раз-другой в неделю, а потом Билли остался ночевать. Норвалин была так счастлива, что всего за год без всяких усилий вернулась в категорию полноватых. Что очень радовало Билли. Он вдруг понял, что вообще-то любит женщин в теле. В тот год Норвалин воспользовалась подарочным сертификатом – в ювелирном салоне купила обручальное кольцо для Билли.

Бывает, долго-долго мучаешься, а потом, когда меньше всего этого ожидаешь, судьба вдруг делает удивительный пируэт. Ведь Норвалин шла в аптеку за мазью от экземы, а вон чего получилось. И уж кто-кто, но она-то никак не рассчитывала на счастливый конец.

Норма на волосок от гибели

2012

Кэти Колверт удивилась, в аптеке встретив Норму на костылях:

– Господи, что случилось?

– Ногу сломала.

– Как же так?

– Я делала покупки в торговом центре. Мэкки сносил все майки, а в цокольном этаже была распродажа белья. Ну вот, пошла я к эскалатору, и тут вдруг зазвонил мой мобильник. На ходу я полезла в сумочку и, видимо, зазевалась, потому что шагнула мимо первой ступеньки. Опомниться не успела, как уже кубарем лечу вниз, подол на голове, и рядом никого, чтоб меня подхватить.

– Ой, надо же!

– Успела только подумать, что сейчас вот докувыркаюсь до низу и там эскалатор защемит мое платье, а следом зажует и меня. Лечу я, значит, и ору: «Выключите его! Выключите его!» Слава богу, в последнюю минуту какой-то смекалистый продавец из ювелирного отдела подскочил к тумблеру, иначе меня разодрало бы в клочья. Лежу я такая, ноги выше головы, вся скособочилась, шевельнуться не могу. И тут надо мной возникает моя старая школьная подруга Кэти Гилмор, которую я не видела лет двенадцать. Норма, говорит, ты, что ли? Она самая, говорю. А чего, спрашивает, ты тут разлеглась? Я, говорю, упала с эскалатора и, похоже, застряла. Звони в 911. Сию, говорит, секунду, дорогая. Тут уже и толпа собралась, а я в разодранном платье. Шум-гам-тарарам. Неделю провалялась в больнице. Знаешь, что самое обидное? Звонок, которой меня чуть не убил, был каким-то оповещением. Это мне робот звонил, представляешь?

– Боже мой, ты и впрямь могла убиться! Вспомни, что случилось с несчастной Ханной Мари.

– Да я только о том и думала, пока летела. Неужто, думаю, и меня ждет такой же конец?

Что произошло

Газетный заголовок извещал:

НАША СЛАВНАЯ ГОРОЖАНКА УБИЛАСЬ ДО СМЕРТИ

Утром экономка пришла на работу и под лестницей увидела Ханну Мари. Следователь сказал, что смерть наступила мгновенно. Весть о несчастье облетела город, и все опечалились. А потом разъярились, узнав, что в тот день Майкл Винсент был в Нью-Йорке по своим частым так называемым делам.

– Вообрази, Мэки, – сказала Норма, – всю ночь глухая бедняжка одна в огромном доме, а он где-то там веселится, хотя живет за ее счет. Не понимаю, как таких земля носит.

Неужели ты меня слышишь?

Учитывая возраст и здоровье Ирен Гуднайт, все полагали, что она станет следующим новоселом «Тихих лугов». И удивились, когда к ним прибыла Ханна Мари Свенсен.

И вот тогда-то Люсиль Бимер столкнулась с неслыханной проблемой: как общаться с глухонемой?

Она все же заговорила с Ханной Мари, но ответа, конечно, не получила.

– Боже мой, какой ужас, – сказала Люсиль. – Я не смогу ей объяснить, где она очутилась.

– Даже не знаю, чем тебе помочь, – расстроилась Вербена. – Говори мы хоть до второго пришествия, она ничего не услышит. Худо дело, худо. А так хотелось бы расспросить ее, что она думает о своем никчемном муженьке-кобеле. Ведь все эти годы он ей изменял с каждой смазливой девкой.

И тут вдруг женский голос произнес:

– Кажется, я слышу.

– Это вы сказали, Ханна Мари? – удивилась Люсиль.

– Да, наверное. Я свой голос слышу?

Изумленная Люсиль воскликнула:

– Свой, свой, чей же еще?

– Я говорю словами?

– Ну да.

– И верно их произношу?

– Идеально.

– Не слишком ли громко я говорю? Самой не определить.

– Ничуть, у вас приятный голос, – заверила Люсиль. – Ну и чудеса...

Вот уж родители-то ваши обрадуются. Беатрис! Андер! Поздоровайтесь с дочкой!

Первой откликнулась Беатрис:

– Милая, это я, твоя мама. Неужели ты меня слышишь?

– Да, мамочка, слышу!

– А это я, родная, твой папа.

– Папа! Невероятно!

Вербена Уилер не стерпела и что есть мочи гаркнула:

– Боже мой! Здесь Ханна Мари! Она слышит и говорит!

Неописуемая минута. Беатрис и Андер впервые говорили с дочерью, и та впервые их слышала.

Элнер немного выждала и присоединилась к беседе:

– Здравствуй, дорогуша. Это я, твоя большая старая тетя Элнер.

– Ой, как я рада услышать твой голос! – сказала Ханна Мари. – Спасибо огромное, что всегда была так добра ко мне.

– Не за что, милая. К тебе-то как же не быть доброй?

– Ханна Мари, я – твоя двоюродная бабушка Катрина Нордстрём. Знаешь, я тебя очень хорошо понимаю. К концу жизни я совершенно ослепла, а здесь опять прозрела.

И тут уж всем захотелось поговорить с Ханной Мари, дабы соучаствовать в чуде.

Весь день Ханна Мари беседовала с родными и друзьями. К шести вечера старик Хендерсен проворчал:

– Господи, ну и балаболка! Замолчит она когда-нибудь или нет?

Сестры Гуднайт выступили с особым приветствием: на закате они исполнили песню «Над радугой», разложив ее на три голоса.

– Ой, спасибо вам большое, – сказала Ханна Мари. – Так вот, значит, какая она, музыка. Мне всегда хотелось узнать, что она такое. Оказывается, это красота и утешение. Вы поете просто чудесно.

Бёрди Свенсен, ее двоюродная бабушка, тотчас окликнула Элнер:

– Я тебя умоляю, не вздумай запеть. Пусть бедняжка хоть немного побудет в иллюзии.

– Я постараюсь сдержаться, – усмехнулась Элнер. – Дам ей пару дней обвыкнуться.

Перед сном Руби шепнула соседке:

– Зря ты, Вербена, сказала, что муж изменяет Ханне Мари.

– Кто ж знал, что теперь она слышит? Может, все-таки не расслышала?

На другой день, когда все немного успокоилось, Люсиль Бимер спросила, что именно случилось с Ханной Мари.

– Я очнулась и вдруг стала слышать звуки. Сначала я даже не поняла, в чем дело.

– Нет, я о том, что привело вас на «Тихие луга».

– Ах, это. Честно говоря, я не знаю. Видимо, что-то произошло, иначе я бы здесь не оказалась.

– Конечно.

– Да уж. Я сама гадаю, что случилось. В тот день Майкл уехал, и последнее, что я помню, – я встала с кровати и пошла в кухню... А потом – ничего...

– Ну хорошо, не волнуйтесь. Мы все узнаем. Какой-нибудь новенький нам обо всем расскажет. А сейчас все вам ужасно рады.

– И я рада, мисс Бимер. К сожалению, последнее время жизнь моя была не особо радостной.

– Ты слышала, Руби? – прошептала Вербена. – Она сказала: муж уехал. Может быть, ей известно больше, чем мы думаем.

Дело закрыто

Будь у Лестера Шингла усы, он бы их подкрутил. Ирен Гуднайт, последняя из подозреваемых в его убийстве, только что прибыла на «Тихие луга», и наконец-то Лестер мог устроить судный день. Наутро громовым голосом он возвестил:

– Говорит Лестер Шингл! Я знаю, что убийца – кто-то из вас четверых. Думали, все шито-крыто? Ну уж нет!

Что правда, то правда: в разное время эти женщины грозились его прикончить.

Все они прекрасно знали, что Лестер – злостный соглядатай. Ада и Бесс Гуднайт обещали его пристрелить, если поймают возле своего дома. Ирен сулила освежать живьем. Самая страшная угроза исходила от Тотт Вутен и заключала в себе применение ножиц.

Первой опомнилась Ада:

– Чего ты буровишь-то?

– Вы отлично поняли, о чем я. Я говорю про мое убийство.

– Чего?

– В апреле 1952-го на парковке боулинг-клуба кто-то из вас хладнокровно меня убил, швырнув шар мне в голову. И я собираюсь выяснить, кто именно это сделал.

Тотт ушам своим не поверила:

– Ты спятил, что ли? Никто не кидался в тебя шаром, дубина! Ты поскользнулся и шандарахнулся башкой о машину Милдред Оглби. Надо ж такое выдумать! Эй, Билли!

– Ау?

– Это я, Тотт Вутен.

– Привет, левша, как делишки?

– Чудненько... Слушай, тут к тебе вопрос. Ты помнишь, как Лестер звезданулся башкой о машину? Потом ты еще «скорую» вызвал.

– Да, а что?

– Этот кретин считает, что ему разнесли кумпол шаром.

– Что? Полный бред. Я же помню: он разбил фару и погнул крыло.

В разговор вступила миссис Оглби, хозяйка «бьюика» 1946 года выпуска:

– Все верно, Лестер. Кстати, ремонт мне стоил кучу денег.

– Видал? – спросила Тотт. – Так что я не вру.

Лестер долго молчал.

– Вот зараза, – наконец сказал он. – Все эти годы я думал, что меня убили... И теперь даже как-то огорчительно.

– Ну если это тебя утешит, знай: попадись ты мне тем вечером, я бы тебя грохнула, – вмешалась Ирен Гуднайт.

– Что ж, спасибо, ведь я был неподалеку. Нет, все-таки очень досадно. Я-то себя считал жертвой преступления, а тут просто несчастный случай.

– Говорят, случайностей не бывает, Лестер, – сказала Бесс.

– Так или иначе все получают по заслугам, – добавила Вербена.

– Да, наверное... Но коль я не жертва, я, выходит, ноль без палочки... Обидно.

Как выяснилось, беднягу Лестера никто не убивал. Но это вовсе не означало, что в городе *не произошло* убийство...

Рыжеволосая

Вербена Уилер уже довольно давно пополнила покойницкие ряды, но всегда была при деле. Вот и нынче она разглядывала женщину, склонившуюся над могилой Ханны Мари Свенсен.

– Эй, Руби, – шепнула Вербена. – Ты не знаешь эту рыжую?

Руби оглядела женщину в плаще и тоже шепотом ответила:

– Без понятия. Она не здешняя... По крайней мере, я ее не знаю. Может, какая-нибудь одноклассница по школе для глухих?

Незнакомка пробыла на кладбище долго, но лишь стояла и смотрела на могилу.

– Прости... Прости меня, – наконец проговорила она и ушла.

Вербена уже просто сгорала от любопытства.

– Ханна Мари, – окликнула она.

– Да?

– Это я, Вербена. Мы тут с Руби говорим, какая красивая гостья тебя навестила.

– Да, очень красивая.

Кумушки ждали какого-нибудь продолжения, но его не последовало.

За пару дней Вербена вся извелась и, не утерпев, в лоб спросила Ханну Мари, кто это к ней приходил.

– Если б я знала, – сказала Ханна Мари. – Ни малейшего представления. Раньше я ее никогда не видела.

– Понятно. Но она и впрямь красивая.

Все это очень странно, думала Вербена. Пусть Ханна Мари не знакома с этой женщиной, но та-то явно ее знает. Она так долго пробыла. И выглядела совершенно убитой горем. А кто ж так горюет по незнакомому человеку? Бессмыслица какая-то. Чужие могилы никто не навещает. Вот разве что она ошиблась... да нет, такое невозможно. На могиле большое надгробие, на котором крупными буквами написано имя. Рыжая не могла его не увидеть.

Другой вариант: Ханна Мари знает свою гостью, но не признается. В любом случае тут что-то подозрительное. И за что рыжая просила прощения? Вербена твердо решила докопаться до истины. Она любила хороший детектив и была горячей поклонницей телесериала «Она написала убийство» с Анджелой Лэнсбери в главной роли.

К несчастью, в городе *произошло* убийство, только жертва об этом не знала. Да и не могла знать. Она была глухая. И не слышала, как сзади к ней подкрались. Не поняла, что ее толкнули. Полиция не распознала убийство. Взлома не было. Исполнитель заказа получил ключ от входной двери. Никто не видел, как он вошел и как покинул дом.

Подслушанное за ужином

2013

Порой люди не подозревают, что кто-то слушает их приватную беседу. Например, в тот вечер, когда за ужином судья обсуждал с женой завещание Ханны Мари, кухарка миссис Грейс оставила дверь в столовую чуть приоткрытой. Прежде она служила у четы Свенсенов, и ее очень интересовало, что скажет судья.

Проверка подлинности завещания заняла какое-то время, но в результате судья его утвердил. Когда последнюю волю усопшей огласили, народ оторопел. Просто невероятно, что Ханна Мари вычеркнула из завещания всех своих родных и благотворительных подопечных. На нее это совсем не похоже. Но по бумаге все отходило ее мужу. А за последнюю четверть века капиталы компании приблизились к тридцати шести миллионам. Даже Лаверна Торникрофт, жена судьи, засомневалась:

– Говори что хочешь, Сэм, но тут дело нечисто. Завещать ему компанию? Ага, держи карман.

– Что тут скажешь, Лаверна? – Судья покачал головой. – Я обязан следовать букве закона и санкционировать передачу имущества.

– Да не верю я, что она все оставила ему.

– По завещанию – оставила. Ханна Мари была глухая, но не слепая. Читать и писать она умела. Раз так написано – все законно. – Судья аккуратно намазал булочку маслом. – Но будь я на его месте, отныне я бы очень осторожно переходил улицу.

Завещание всех страшно огорчило. Никто не понимал, почему Ханна Мари так поступила.

После уплаты налогов Майкл Винсент стал официальным хозяином фермы и с ходу уволил всех, кто был тесно связан с семьей Свенсен. Первым вылетел Альберт Олсен, кузен Ханны Мари, почти тридцать лет служивший управляющим.

Альберт был раздавлен.

– Андер, поди, переворачивается в гробу, – говорил он жене. – Этот хмырь Винсент ни уха ни рыла в нашем деле. Он разогнал всех конторских и нанял работников, которые ни черта не смыслят в молочном производстве. Ему плевать на коров и качество продукции, главное –

побольше и побыстрее. Наша компания была градообразующей. Все друг друга знали. А новые работники – чужаки. Представь, некоторые так и живут в машинах. Бог ведает, какое у них жалованье. Попомни мои слова: в мгновение ока он угробит ферму или продаст ее какому-нибудь концерну.

Жена вздохнула:

– У меня сердце разрывается, как подумаю, сколько сил Андер, ты и все другие отдали своему делу.

На другой день сын Альберта сказал шерифу Чилдрессу:

– Предупреждаю заранее: не дай бог, встречу с этим Винсентом один на один, я из него душу вытрясу. За то, что сделал с моим отцом.

Он был уже третьим, от кого нынче Ральф слышал подобное обещание. Идея грохнуть или хотя бы изувечить гада посетила абсолютно всех жителей города. Включая самого Ральфа. Даже его жена Эдна сказала:

– Я бы охотно отравила эту крысу.

Маленькая мисс Дэвенпорт рассказывает все

Когда миссис Грейс, кухарка судьи Торникрофта, отошла в мир иной, она рассказала своей подруге Вербене Уилер историю с завещанием. Весть о том, что муженек Ханна Мари все захапал, распространилась по кладбищу точно лесной пожар. Обитатели «Тихих лугов» были потрясены не меньше городских жителей. А Ханна Мари буквально оцепенела.

Она прекрасно знала, о чем говорилось в завещании. Отец обучил ее работе с документами, и она выверила каждое слово, прежде чем подписать бумагу:

Имущество и собственно компания, именуемая Сыроварня «Сладкий клевер», ни под каким видом не могут быть проданы или переданы тому, кто не принадлежит к семейству Нордстрём-Олсен-Свенсен.

Лидер себе места не находил. Ведь он обещал Лордору, когда тот находился на смертном одре, что ферма навсегда останется семейным предприятием.

Ханна Мари в точности исполнила отцовский наказ: включила этот пункт в завещание, а также распорядилась, чтобы благотворительные отчисления продолжались и после ее смерти.

– Я не понимаю, как это могло случиться, – лепетала она. – Просто ума не приложу.

Маленькая мисс Дэвенпорт, обитавшая на участке под номером 258, раньше не хотела ничего говорить, но теперь поняла, что не имеет права молчать.

– Ханна Мари, – окликнула она. – Говорит Дотти Дэвенпорт. Я работала у вашего батюшки, а потом... у вашего мужа.

– Конечно, я вас помню, мисс Дэвенпорт. Как вы?

– Сказать по правде, я на себя чертовски зла.

– Боже мой, почему?

– Не заболел я и не умер, я бы не позволила этому человеку вас ограбить.

Все кладбище наострило уши.

– Наверное, вы не помните, но я была в конторе, когда вы подписывали завещание. Потом вы ушли, а ваш муж дал мне ключ от своего личного сейфа, что стоял в канцелярии, и велел убрать документ.

– Нет-нет, я помню.

– Мистер Винсент не ведает, что по пути в канцелярию я прочла ваше завещание и узнала, как вы распорядились своими деньгами.

– Вы его прочли?

– Да, я нарушила правило. Больше того, прежде чем положить бумагу в сейф, я быстренько сняла с нее копию – просто на случай, если муж ваш вздумает чего-нибудь учудить.

Тут Вербена Уилер не выдержала и заорала:

– Господи боже мой! Все слышали? Маленькая мисс Дэвенпорт скопировала завещание!

– И что вы сделали с этой копией, дорогая? – спросила Ханна Мари.

– Я ее спрятала.

Вербена опять не сдержалась:

– Слыхали? Она спрятала копию завещания!

– Угомонись, Вербена, – одернула ее Руби. – Дай досказать. Продолжайте, Дотти, куда вы ее спрятали?

– Время поджимало, надо было вернуть ключ; я положила бумагу в конверт и сунула его за портрет вашего батюшки, Ханна Мари.

– Тот, что в зале заседаний? – вклинился Андер.

– Да.

– Кто-нибудь это видел, Дотти?

– Не думаю, хотя, может, и видел. Тогда уже все друг за другом шпионили, выслуживаясь перед Винсентом.

– Вы полагаете, копия все еще там? – спросил Андер.

– Кто его знает, мистер Свенсен.

– Вы поступили очень смело, пытаетесь защитить меня, – сказала Ханна Мари. – Нет слов, чтобы выразить мою признательность.

– Благодарю. Ах, если б я хоть чуть-чуть вас пережила, я бы все поняла и встала стеной. Я бы смогла доказать мошеннический сговор с юристкой и подмену завещания.

– С какой юристкой? – удивилась Ханна Мари.

– Из Нью-Йорка. Время от времени она приезжала к Винсенту – якобы по делам, но, по-моему, у них были шуры-муры.

– Не помню, чтобы мы с ней встречались. Как она выглядела?

– Ну такая красивая, если вам нравятся рыжие.

– Ты слышала, Ханна Мари? Женщина, что стояла у твоей могилы, та самая юристка.

«И скорее всего, любовница Винсента», – подумали все, но вслух ничего не сказали.

Рассказ маленькой мисс Дэвенпорт ошарашил всех родных и друзей Ханны Мари, но особенно ее мать.

– Он казался таким милым, – проговорила Беатрис.

Ханна Мари до слез расстроилась, что так подвела отца.

– Прости меня, папа, – без конца повторяла она. – Прости, пожалуйста.

– Нет, ты не виновата, родная. Я как чувствовал, что он устроит подлость, этот никчемный...

– Ханна Мари, это я, твоя бабушка, – перебила Бёрди Свенсен. – Не казись, дорогая, никто на тебя не сердится. Правда, Катрина?

– Ни капельки, милая. Нас огорчает тот человек, сделавший пакость.

– Ох, попадись он мне в руки, – сказал Джин Нордстрём, кузен Ханны Мари.

– Или мне, – поддержал Густав Тилдхолм. – Мало не показалось бы.

Вскоре весь холм гудел угрозами и проклятьями.

– Тут женщины, а то я бы сказал, что я с ним сделал бы, – процедил Мерл Уилер.

Лордор умер бы второй раз, подумала Катрина, узнай он, что ферму захватил чужак. Будет ужасно несправедливо, если негодяй выйдет сухим из воды.

Уже смеркалось, когда Элнер Шимфизл разразилась словами, наиболее точно передавшими всеобщую досаду:

– Мать-перемать! Вот в чем минус покойницкой жизни. Мы знаем такое, что упекло бы подлеца за решетку, и ничегошеньки не можем сделать.

Афера

Ее роман с Майклом Винсентом начался в Нью-Йорке. Она работала в юридическом отделе рекламного агентства, выполнявшего заказы сыроварни. Майкл сказал, что с женой несчастлив, но не может бросить инвалида.

Дальше – хуже: он узнал, что по завещанию не получит ни гроша. Тесть его всегда был гадом, поведал Майкл, а жена просто выжила из ума. Родичи ею манипулировали, дабы лишить его заслуженной доли. Жуткая несправедливость. Он столько лет горбатился, на голом месте создал компанию, и вот она, благодарность. Так, по крайней мере, он говорил. А она была по уши в него влюблена. Иногда влюбленная женщина не видит того, что у нее под носом. Даже если она дипломированный юрист.

Они были в гостиничном номере, когда Майклу сообщили о несчастье. Между ним и женой давно уже не было близости, но он как будто ужасно переживал эту беду.

Она подменила завещание еще задолго до смерти его жены и задолго до того, как поняла, что он – чудовище и просто ее использовал. Изготовить фальшивку было нетрудно: удали пункт-другой, перефразируй пару абзацев, поменяй имена бенефициаров. Конечно, за подобное ее бы вмиг лишили лицензии, но Майкл был так ей благодарен и говорил, что все это – ради их совместного будущего.

И она поверила. Надо же быть такой дурой. После смерти жены он уже не звонил. Вот тогда она начала соображать, что к чему. Кинулась на самолет, потом на арендованной машине прикатила к нему в Элмвуд-Спрингс. Пригрозила, что выдаст его властям, но он только рассмеялся:

– Валяй. А я охотно расскажу, как ты подделала завещание. На свободу выйдешь лет через десять, и то если повезет. Так что пакуй свои трусики и дуй отсюда к чертовой матери, пока я сам тебя не вышвырнул!

Лишь теперь она поняла, что он за человек.

– Боже мой... бедная твоя жена. Что ты с ней сделал?

В холодных голубых глазах его промелькнуло нечто такое, от чего застыла кровь и подкрался жуткий страх. Она ушла. Села в машину и рванула из города. Но перед тем заглянула на кладбище.

Очередной визит Дуэйна Младшего

В День матери он навестил Тотт. Разумеется, пьяный. Плача от жалости к себе и мешая сопلي с пивом, Дуэйн Младший орал в могилу:

– Дура ты старая! Зачем ты, мамка, померла? Я ж тебя любил, а ты меня голым оставила. Без гроша. Чтоб тебя! А я тебя любил, бабку полоумную. Любил тебя. Чего ж мотоцикл-то мне не купила? Ты, ты виновата, что я нищий. Зачем померла и бросила меня одного? Я ж тебя любил.

Пьяные излияния ничуть не растрогали Тотт. Когда была жива, сынок только и знал, что ее обирать. Однажды уволок весь столовый гарнитур, пожаловалась она мужу.

– Черт, это у него от меня, – повинился Джеймс. – Я ведь тоже тебя обкрадывал. Мы с Господом ненавижим ворье. Слава богу, я все-таки завязал. Трезвым умом я обязан Анонимным Алкоголикам.

– Молодец. А я обязана «Сестрам Пойнтер»^[13] и дискотеке.

– Серьезно?

– Вполне. Для дискотеки-то я уж слегка устарела, но мне было пофиг. Она спасла мою жизнь. Когда ты меня бросил, одной стало не вмоготу. Наняла я няньку для мамы и внуков, и каждый вечер по пятницам и субботам работу побоку, намажусь, накручусь – и вперед на дискотеку Красотища там! Под потолком зеркальный шар вертится и пускает зайчиков, верещат свистки, в цветных прожекторах ты вдруг вся синяя, или желтая, или розовая. Здорово! Я и еще штук двадцать педиков из Джоплина, все в туфлях на платформе, в расклешенных брюках и боа из розовых перьев, все с накладными ресницами, отплясываем под «Деньги ей достаются нелегко». В тот год я, наверное, протанцевала тысячу миль. Клево. Жалко, ты все пропустил.

Норма стареет

2014

В тридцать лет Норма поклялась, что после шестидесяти перестанет красить волосы, но, конечно, обещания не сдержала. Другим седина очень идет – вот Мэкки, например. А ей – нет. У нее слишком светлая кожа. Седина ее старит, делает какой-то поблекшей. Зубы тоже выдавали возраст, и Норма угрохала кучу денег на «голливудскую улыбку». Возраст не убавился, но зубы сверкали, как у шестнадцатилетней.

Деньги были потрачены, однако поводов улыбаться кому-то или над чем-то больше не стало. Норма почти никуда не ходила – только в магазин и обратно. А кассирши ее голливудской улыбки, конечно, не замечали. Они вообще на нее не смотрели.

И вот еще беда: почти все подруги были гораздо старше ее. Норма где-то вычитала, что это характерно для тех, кто был единственным ребенком в семье. И теперь большинство подруг уже умерли.

Говорят, надо дружить с молодежью. Пара-тройка одноклассников дочери при встрече раскланивались, но многие давным-давно уехали из города. Во всем виноват интернет. Коль можно работать на дому, народ сбегал в иные места. Некоторые – даже в другие страны вроде Пуэрто-Рико, Коста-Рики и еще в какую-то Пало-Альто.

Дочь Линда перебралась в Сиэтл и звонила очень редко. Предпочитала эсэмэски. А Норма хотела слышать ее голос. По безликим строчкам не поймешь, как там дочкины дела. И потом, она не умела отправлять эсэмэски. Печатанье ей никогда не давалось. Мэкки пытался ее обучить, но она, так и не уразумев этой премудрости, чувствовала себя тупой и отсталой.

Шестилетняя внучка уже завела свою страницу на фейсбуке. Даже тетя Элнер умела управляться со смартфоном. Они с Линдой беспрестанно обменивались эсэмэсками и мейлами. Вероятно, Норма была единственным человеком в Америке, не имевшим электронного адреса. Несколько давних подруг, с которыми она поддерживала связь, больше не звонили. Никто не хотел говорить по телефону. Теперь даже все заказы делались по интернету, и если вдруг – о радость! – тебе отвечал живой оператор, понять его было невозможно, и вообще он находился где-нибудь в Индии.

Норме было очень одиноко. Она тосковала по знакомым голосам, по разговорам о старых добрых временах, по людям, с кем вместе можно посмеяться, а то и поплакать.

Норма не думала не гадала, что наступит время, когда рядом не будет старых друзей, а она станет засыпать перед телевизором или укладываться в постель раньше девяти вечера. Что они с Мэки доживут до того дня, когда будут всерьез обсуждать переезд в дом престарелых и разглядывать буклеты с фотографиями симпатичных седовласых пар – нарядные старички улыбаются, салютуя бокалами с вином.

И что тут поделаешь? – думала Норма. Кнопку перемотки не нажмешь, чтоб отмотать себя обратно в юность. Оставалось лишь стареть по возможности достойно, сохраняя ясность ума и стараясь не падать. Норма носила очки с прогрессивными линзами и уже дважды грохнулась, поднимаясь и спускаясь по лестнице.

Память тоже стала подводить. На прошлой неделе Норма пришла в полицейский участок и заявила о краже кошелька. А вернувшись домой, нашла его в холодильнике.

Переписка за рулем

Мистер и миссис Артур Кидд, жертвы автомобильной аварии, оказались на «Тихих лугах» вовсе не по вине какого-нибудь пьяного водителя. Чтобы не сбить собаку, они затормозили, и тут сзади в них врезалась девчонка, которая за рулем отправляла эсэмэску.

Днем позже прибыла сама виновница аварии – Тиффани Энн Смит, и кто-то неосторожно ее спросил, что же произошло.

– Ну это, типа... Мы с подружками договорились встретиться, да? У торгового центра, короче... А я, по ходу, припоздала... и типа я на секунду отвлеклась, да? Тут, короче, пришла эсэмэска... типа, ты где? Ну я, короче, стала отвечать, да? И типа в них врезалась, да? Только... я это... не знаю, кто типа виноват... и все такое, да? Сечете, да? Типа... короче... типа так нечестно, да? Типа меня... это... обвинять... Типа эти, что ехали впереди, чего они типа встали... там ни знака, ничего... Типа откуда мне знать, что собака типа на дороге, да?

Пока Тиффани излагала печальную сагу о том, как безвременно очутилась на «Тихих лугах», миссис Кэрролл, в прошлом литературовед и поборник чистоты английского языка, а ныне квартирантка 298-го участка, шепнула соседке:

– Я сочувствую этой молодой особе, но, ей-богу, завизжу, если она еще раз скажет «типа».

Нежданные гости

Оказалось, Джин Нордстрём – не единственный орденосец среди обитателей «Тихих лугов».

В День поминовения Ада Гуднайт проснулась и над своей могилой увидела Фрици Юрдабралински и Би Уоллес, с кем вместе служила в Женском авиационном полку Ада обомлела. Последний раз она видела подруг лет тридцать назад на встрече однополчан. Каким ветром их занесло в Элмвуд-Спрингс? И почему рядом с ними стоят ее племянницы и сам мэр? А вон знаменосцы и газетчица Кэти Колверт. Да тут толпа народу!

– Поздновато, конечно, но мы тебе кое-что доставили, Ада, – сказала Фрици и раскрыла коробочку. – Вот твой «Почетный орден конгресса». Поздравляю, подруга.

Позже Ада, все еще слегка ошеломленная, поделилась с Вербеной:

– Я даже не надеялась, что о нас помнят, а тут вон – орден.

– А я всегда говорила, что рано или поздно каждый получает по заслугам.

В тот день на кладбище зашел разговор об американских героях – кто из них самый любимый и почему.

– Я считаю, список открывают авторы Конституции, – сказал Джин. – Без них не было бы Америки.

– Великолепно, – поддержала Люсиль Бимер. – А кто твои герои, Элнер?

Та задумалась.

– Иисус Христос, а за ним, наверное, Томас Эдисон и Уолт Дисней.

– Мы говорим о выдающихся американцах, – вклинулась Ида. – Иисус – не американец.

– Ну тогда, значит, Томас Эдисон и Уолт Дисней.

– Верный выбор, миссис Шимфизл, – сказал мистер Белл. – Я даже не представлял, насколько популярны Микки-Маус и Дональд Дак, пока не побывал в России. Там в магазинной витрине я увидел фигурку Микки-Мауса. Он сумел пробиться за Железный занавес.

И тут фавориты посыпались как из мешка:

– Что вы скажете о Бейбе Руте?

– Мой голос за Эбнера Даблдея.

– А кто это?

- Он придумал бейсбол.
- Вон как.
- Франклин Рузвельт. Он нас сплотил во времена Депрессии.
- Гарри Трумен. Он покончил с войной.
- Гарви Файрстоун одарил нас крышами, – сказал Лютер Григз.
- Уилл Роджерс и Боб Хоуп. Они нас смешили.
- Не забудьте Эндрю Карнеги. Он дал нам бесплатные библиотеки.
- Рой Роджерс и Джин Отри! – выкрикнул один парень.
- Джон Эдгар Гувер! – гаркнул другой.

В 1916-м Бёрди Свенсен участвовала в демонстрации за избирательное право женщин, проходившей в Сент-Луисе, и сейчас обратилась к Катрине:

– Ты заметила, что в этом списке великих американцев нет ни одной женщины? А как насчет Сьюзен Браунелл Энтони? Она боролась за то, чтобы пятьдесят два процента американцев обрели право голоса. Пятьдесят два процента!

Муж ее шепнул соседу:

– О господи, суфражистка, она всегда суфражистка.

На следующей неделе Бёрди и Катрина инициировали женский диспут по американским героиням. Элнер тотчас предложила свой список:

- Джинджер Роджерс, Долли Партой и Статуя Свободы.
- Боже мой, статуя Свободы – не человек, – сказала Ида.
- Но ведь когда-то была человеком.
- И потом, она не американка. Мы говорим об американских героинях.

Мой выбор – миссис Регина Чокли.

- Кто такая?
- Президент национального «Клуба американских садоводов», вот кто.
- Да ее никто не знает, – возразила Герта.
- Я знаю.

Вдруг вмешалась миссис Белл:

- Кейт Смит.
- Кто это? – спросила молодая женщина.

– Певичка. Такая пышнотелая, выступала по радио, был у нее один шлягер... – пояснила Элнер и во весь голос пропела: – Ла-ла-ла... когда луна взойдет над горою...

- Слыхом не слыхивала, – пожала плечами женщина.
- Предлагаю Сэлли Райд, первую американскую женщину-астронавта, – сказала Ада Гуднайт.
- Хорошая кандидатура, – одобрила Тотт.

– Минни Перл, – сказала Вербена.
– Кто? – не поняла Бёрди.
– Комедиантка из шоу «Гранд ол опри», всегда появлялась в потешной шляпке.

– Что вы скажете о писательнице Луизе Мэй Олкотт? – спросила Катрина.

– Прекрасный выбор, – поддержала ее Руби.
– Надо же, как забавно, – сказала Элнер. – В наше время Кейт Смит была звездой, а сейчас ее не знает никто, кому меньше семидесяти.

Неожиданно в разговор вступила юная Тиффани Энн, не вовремя отправившая эсэмэску:

– А чё-то никто типа даже не вспомнит Леди Гагу.
– Кого? – хором спросило кладбище.
– Да вы чё... ее типа весь мир знает... Вы чё, типа с приветом?
Беседа вышла чрезвычайно увлекательной, и Люсиль Бимер, всегда любившая хорошую дискуссию, решила на следующей неделе предложить новую тему: «Стоит ли надрываться ради славы?»

Никто еще не знал, что нынешний диспут по четвергам станет последним. В очередной день рождения Люсиль Бимер, отмечавшей сто двадцать девятую годовщину, друзья и многочисленные бывшие ученики решили преподнести ей сюрприз – всем вместе спеть «С днем рожденья тебя!»

Утром трио сестер Гуднайт пропело начальные строки здравицы, а затем ее подхватило все кладбище:

– С днем рожденья, мисс Бимер! С днем рожденья тебя!
По окончании песни раздались веселые крики:
– Спич! Спич!
Все смолкли, ожидая речи именинницы. Прошла минута, другая.
– Люсиль, вы здесь? – окликнула Руби.
Никто не ответил. Люсиль Бимер исчезла.

Лишь через несколько недель на кладбище обнаружили, что молчун Густав Тилдхолм тоже исчез.

Норма

Норма хворала недолго и чрезвычайно изумилась, очнувшись на «Тихих лугах». Причем ошеломило ее не то, что она могла видеть, слышать и говорить, а нечто другое.

– Всю жизнь я безумно боялась смерти, но, оказывается, она совсем нестрашная. Я словно куда-то уплыла, и теперь мне невероятно хорошо и спокойно.

– Я ужасно рада за тебя, милая, – сказала Элнер. – Понятное дело, ты вся извелась со своими нервами.

– Спасибо, тетя Элнер. Хоть бы оно не ушло, это чувство покоя.

– Никуда не денется, я тебе обещаю. Если хочешь знать, будет только лучше. Каждое утро я открываю глаза и заново влюбляюсь в этот мир. В той жизни знавала я безмятежные минуты, но со здешним покоем ничто не сравнится. Правда, Тотт?

– Норма, привет, хорошо, что ты с нами, дорогая. Элнер верно говорит. Так приятно бездельничать – лежишь себе, расслабляешься.

– Вот видишь, дорогуша, какой молодец малыш Мэкки, что подарил тебе участок, – сказала Элнер. – А то поди знай, куда бы тебя засунули.

– Хорошо, я не знала, как славно быть покойницей, а то давно бы сиганула с какого-нибудь небоскреба, – присовокупила Тотт.

– Слава богу, в Элмвуд-Спрингс нет небоскребов, – рассмеялась Элнер.

– Ну прыгнула бы с водокачки, какая разница. Чего уж теперь-то. Наверное, здесь я очутилась в свой срок.

– Ты тоже так думаешь, тетя Элнер? – спросила Норма. – Мы умираем, когда нам положено?

– Пожалуй, что так, милая. – Элнер помолчала и добавила: – По-моему, ты прибыла сюда очень вовремя.

Через два дня Элнер Шимфизл исчезла. Для всех это стало огромной потерей. Сперва мисс Бимер, теперь вот – Элнер. Все будут ужасно скучать по ней, однако Норма радовалась, что успела еще разок поболтать с тетушкой.

Следующая остановка – Ки-Уэст

В три часа ночи Джеймс Дуэйн Вутен Младший рыскал по кухне, стараясь не шуметь. Он заглянул в женину сумочку, но Дебби, конечно, спрятала ключи от машины. Она работала в «Уолмарте», недавно купила «тойоту-камри» и вовсе не хотела, чтобы пьяный муж разбил новенькое авто. Чертова Дебби, от нее все беды. Если б она не забеременела, он бы давно слинял, а теперь вот цацкается с малышкой, своей и ее от прежнего брака. Да еще узнал, что она путается с хмырем из отдела фототоваров. Детки его в грош не ставят. Вон хоть на прошлой неделе – он вырубился на кушетке, так один из выроdkов хотел его поджечь. Ну их всех к бесу. Вроде везде посмотрел. В кофейнике, микроволновке, во всех ящиках и на полках, за тостером. Ключей нет. Зараза.

Разочарованный, он прошел в гостиную, плюхнулся в клетчатое кресло. И тут его осенило. В ящике, где хранились инструкции к кухонной технике, страховые полисы и прочее, нашелся конверт с бумагами от дилерского центра «тойоты», в котором лежали запасные ключи. Ага!.. Дашь пьянку!

Пирог

Нынче была среда, и Эдна Чилдресс, как обычно, отправилась в дом престарелых. По средам там играли в бинго. Она никогда не пропускала дни бинго и тexasского покера.

В кухне Ральф Чилдресс сидел за столом, на котором Эдна оставила ему кофе и кусок яблочного пирога, и на смартфоне листал фотографии подержанных домов на колесах. Лютер Григз, специалист в этом вопросе, когда-то говорил, какие из них лучшие.

Эдна пока не знала, что после ухода на пенсию в следующем месяце Ральф собирался купить такой фургон и отвезти ее в «Молл оф Америка». Пусть его старушка всего понакупает, пусть потешится до упаду. Только он нацелился откусить пирог, как с улицы донесся жуткий вопль и кто-то забарабанил в дверь. Ральф стремглав кинулся выяснить, в чем там дело.

Так он и знал. За дверью билась в припадке Дебби, то ли четвертая, то ли пятая жена Дуэйна Младшего (разве всех их упомнишь?), и орала, что муженек, сучий потрох, украл ее новенькую «тойоту-камри». Ральф ее выслушал и постарался успокоить. Через полчаса приходите в участок, сказал он, мы с вами составим заявление об угоне. Он знал, что спешить некуда. Дуэйн Младший далеко не уедет. Такому дураку, да еще под газом, вовек не выбраться из города.

Ральф вернулся в кухню и хотел отведать пирога, но тарелка была пуста. Остались только крошки да черное перо на подоконнике.

– Пропади ты пропадом!

Приспичило же этой чокнутой бабе заявиться к нему в обеденный перерыв. Пока он с ней возжался, какая-то сволочная ворона влетела в окно и расправилась с его пирогом.

– Чтоб тебя!

А так хотелось полакомиться. Надо было оставить патрульную машину у черного хода.

Ральф взял телефон, сунул пистолет в кобуру и вышел из дома, хлопнув дверью. И что ему делать с этими Вутенами, от которых просто мутит? Джеймс Вутен не вылезал из вытрезвителя, Тотт швырялась садовыми гномами, дочь их подожгла грузовик сожителя, а теперь еще подарочек – Дуэйн Младший. Да уж, в этой семейке плохие гены ходят по замкнутому кругу.

Дуэйн Младший

Последнее, что он помнил, как остановился прикупить пивка в дорогу. Очнулся он через три дня и тотчас понял: это не Ки-Уэст. Это семейный участок Вутенов на «Тихих лугах», а он, Джеймс Дуэйн Вутен Младший, мертвее мертвого и впервые за тридцать пять лет трезв как стеклышко.

– Привет, мам, – поздоровался он с Тотт. – Ты знаешь, я, кажется, погиб в автокатастрофе.

– Что ж, меня это не удивляет.

– Нет?

– Ничуть. Странно, что ты не окочился раньше. Вот что и впрямь интересно – где ты взял машину. По-моему, тебя давно лишили прав.

Дуэйн Младший машинально хотел соврать, но неожиданно для себя сказал правду:

– Я угнал машину Дебби.

– О господи, несчастная женщина. Ты никого не угробил, кроме себя?

– Нет, ДТП с одним участником. Кажется, я влетел в дерево.

– Считаю, повезло. Наверняка ты был пьяный вусмерть.

– Похоже, так.

– Знаешь, противно говорить, что я тебя предупреждала, но ведь я предупреждала.

– Здравствуй, сынок, – вмешался Джеймс Вутен.

– О, привет, пап. Слыхал, чего со мной приключилось?

– Слыхал.

– Вот невезуха, да?

– Тяжело это говорить, сынок, но иначе ты бы никогда не протрезвел.

Прошел месяц.

– Мам, – позвал Дуэйн Младший. – Ты уж прости, что я тебя обворовывал да еще костерил по-всякому.

– Рада это слышать, сынок.

– Я не со зла.

– Я знаю, мой хороший. Помни: что бы ни было, я тебя люблю и ты всегда будешь моим мальчиком.

От этих слов Дуэйн поймал кайф, какого не давали ни выпивка, ни дурь. Надо было врезаться в дерево, чтобы наконец-то обрести счастье, радость, свободу и абсолютную трезвость. Разве не круто?

Беседуя с матерью, Норма заметила:

– Мама, ты кажешься такой спокойной.

– Я и впрямь спокойна, – сказала Ида. – Не веришь – спроси отца.

– Все так, милая, – поддержал Герберт. – Не сразу, но мама наша утомилась.

– Знаешь, Норма, я всегда думала, что если не буду крутиться как белка в колесе, то что-нибудь упущу. А теперь наслаждаюсь созерцанием того, как мир вертится без меня. Жаль, не понимала этой прелести раньше.

– Я тоже не понимала.

– Душенька...

– Что, мама?

– Спасибо за розы на каждый День матери.

– Не за что, мамочка.

– Кстати, что это за маленькая китаянка, которую приводила Линда?

– А, это Эппл, твоя правнучка.

Повисла пауза.

– Линда вышла за коммуниста?

– Нет, мама. Она удочерила китаянку.

– Ах так, понятно.

– И потом, в Китае уже нет коммунизма.

– Правда? Хорошая новость... Уж больно их много.

Сигнал

Опыт показывает: всегда найдется тот, кто знает всю правду о преступлении. И потом вдруг, пусть даже через долгий срок, из-за чувства вины или просто из мести решает все выложить.

Именно так и вышло в деле с подложным завещанием Ханны Мари. В один прекрасный день шериф Ральф Чилдресс неожиданно увидел странное послание в своем телефоне: «Глянь за портретом А. С., что на ферме».

Ральф ничего не понял. Инициалы эти могли означать только Андера Свенсена, и на ферме действительно висел его портрет. Но, возможно, кто-то просто хулиганил. Последнее время такое случалось нередко, однако Ральф решил съездить на ферму и проверить.

В конторе молодой служащий ничем ему не помог.

– Нет, сэр, – сказал он. – Здесь я уже шесть лет, но никаких портретов не видел.

– Понятно.

– Если хотите, я проведу вас по зданию.

– Нет, не нужно. Спасибо за беспокойство.

Ральф вернулся к машине и тут вдруг вспомнил о Милдред Флауэрс – своей однокласснице, которая после смерти Маленькой мисс Дэвенпорт заняла ее место секретарши. Позвонить, что ли?

– Привет, Милдред, это Ральф Чилдресс.

– Ой, привет! Как поживаешь? Сто лет тебя не видела. Все хорошо? Эдна по-прежнему откармливает тебя пирогами?

– Ну да, конечно. Слушай, у меня вопрос. На ферме был портрет мистера Свенсена?

– Да, он висел в зале заседаний, а рядом – всякие дипломы и прочее.

– Не знаешь, куда он делся?

– Знаю. После смерти бедняжки Ханны Мари его сволочное величество велели все выкинуть. А что?

– И ты выкинула?

– Вот еще. Со стены сняла, но не выкинула. Я хорошо знала Свенсенов. Старик надрывался, создал производство, получил столько наград... Буду я выбрасывать портрет и дипломы на помойку лишь потому, что козел приказал.

– А что ты с ними сделала?
– Уложила в коробку, отвезла домой и оставила в гараже. А что?
– И они по-прежнему там?
– Наверное, если только Карл их не выбросил. Что вряд ли.
– Можно я приеду и посмотрю?
– Давай, но там страшный кавардак. За сорок лет Карл столько хлама накопил. Не поверишь, он ничего не выбрасывает. До сих пор хранит старые отцовы башмаки.

Два часа разгребая гаражные завалы, Ральф и пара его молодых помощников взмокли и перепачкались, но все же отыскали нужную коробку. С изнанки портрета и впрямь торчал какой-то конверт, засунутый под раму. Ральф его вскрыл. Он сомневался, что дело важное, но все-таки отнес бумагу судье.

Вскоре после этого были выписаны два ордера на арест. Юристку нашли; ради смягчения приговора она сотрудничала со следствием и дала письменное признание в том, что вместе с Майклом Винсентом подделала завещание. За подлог она получила два года. Винсенту присудили десять лет, без права досрочного освобождения за примерное поведение.

– Ему хоть кол на голове теши, он не поймет, что это за штука – примерное поведение, – сказал один присяжный.

– Выходит, старое присловье не врет, – ответил другой.

– Это какое же?

– Фурия – ничто по сравнению с оскорбленной женщиной. Особенно рыжей. Представляю, с каким наслаждением она растоптала этого мерзавца.

Газеты сообщили:

ВЛАДЕЛЕЦ ФЕРМЫ МАЙКЛ ВИНСЕНТ ОСУЖДЕН

Козья ферма на отшибе

2015

Отец ее основал «Курьер Элмвуд-Спрингс» в 1949-м. Ныне Кэти Колверт сидела в редакции, где проработала всю сознательную жизнь. Ну и кавардак – повсюду бумаги и бумажки, даже на стенах. Сколько раз давала себе слово навести порядок, да так и не навела. А теперь газета закрывается.

Из городка народ разъезжался, число подписчиков неуклонно сокращалось, с интернетом конкурировать невозможно. Интернет Кэти просто ненавидела. Как угнаться за всеми этими твитами и молниеносными новостями? К концу дня она изнемогала от одних только ответов на электронные письма. Теперь каждый сопляк с камерой был репортером и мог мгновенно разместить свой сюжет в фейсбуке.

Последние тридцать пять лет она вела редакторскую колонку «Балаболка Кэти» и вот недавно поняла, что сказать-то ей больше нечего. Значит, пора уходить. Покончим с газетным бизнесом и начнем новый. Она уже давно копила деньги и вот давеча купила дом с большим земельным наделом, где намеревалась разводить коз.

Новое дело весьма далеко от ее прежнего занятия, но козляток она любила еще с тех пор, как играла с ними на ферме Элнер Шимфизл. А сейчас она в последний раз писала колонку «Балаболки Кэти».

Дорогой читатель,

Как ты знаешь, я закрываю газету и покидаю Элмвуд-Спрингс. К сожалению, этот номер – последний.

Я так долго была твоей «репортершей», и прощаться мне очень тяжело. Я столькому у тебя научилась – истинной ценности семьи, дружбы и добрососедства. Мы с тобой знакомы давным-давно, и я считаю великой честью, что ты доверил мне писать некрологи. Очень грустно терять близких и размышлять о собственном уходе, не ведая о том, что ждет нас после переселения в мир иной.

Одно знаю точно: знакомство с тобой, дорогой читатель, значительно повысило мое мнение о человечестве. Я не говорю тебе «прощай», я говорю «до свиданья».

Кэти Колверт.

*Р. С. Пиши мне по адресу: Козья ферма на отшибе, почтовый ящик
326, Ту Систерс, Орегон, 94459.*

Кто это сделал?

Через пару лет Ральф Чилдресс прибыл на «Тихие луга», и тамошний народ кинулся к нему с расспросами.

– Мы слышали, ты отыскал копию завещания Ханны Мари, – сказал Мерл Уилер. – Как тебе удалось?

– Да, как ты догадался? – подхватила Вербена.

– Прямо совестно говорить, – усмехнулся Ральф, – но полицейской удалью там и не пахло. Мне подсказали глянуть за портретом, и я последовал совету.

– Но кто подсказал-то?

– В том-то и дело – не знаю. Анонимный сигнал. В телефоне я просматривал список дел на день и вдруг наткнулся на эту странную запись.

– И ты не представляешь, кто мог ее оставить?

– Нет, и уж точно – не Эдна. Сказала, она тут ни сном ни духом. Мы решили, кто-то влез в мой смартфон.

– Лично я считаю, – поделилась Руби, – это мог быть человек, видевший, как Маленькая мисс Дэвенпорт прячет бумагу.

– Возможно, – согласилась Тотт. – Или человек, кому об этом рассказали.

– Ужасно интересно, кто это и почему он так долго выжидал? – сказала Вербена.

– Я думаю, это та самая рыжая, – предположил Мерл.

– Может быть, – сказал Ральф. – Но вряд ли мы узнаем наверняка.

Мэкки тревожится

Жена умерла три с лишним года назад, и Мэкки жил совсем один. Дочь Линда уговаривала переехать к ней в Сиэтл, но он отказывался – хотел быть поближе к Норме.

Мэкки заботливо ухаживал за ее могилой. Он очень скучал по жене, однако был рад, что Норма ушла первой. Она ужасно боялась смерти, и без его поддержки ее последние дни превратились бы в кошмар.

Хоть нынче было 4 июля, Мэкки никуда не собирался. Парень, которому он продал свой магазин, предлагал отвезти его на парад, но зрелище это ничуть не привлекало. Опять промарширует колонна старичья в ветеранских шляпах, которые молодежи покажутся дурацкими. Наверное, это и впрямь дурь – цепляться за былую славу. Но ведь когда-то старики эти были молоды и готовы сражаться и умирать за родину. Что стало бы с Америкой, если б не уйма молодых дураков?

Мэкки тревожился за свою страну. В ней что-то прогнило, и уже не разберешь, где добро, а где зло. Как будто год за годом сотни мелких злобных крыс подгрызали державу, и наконец та рухнула в корыто, до краев полное мерзкой слизи и ненависти к себе. Болотная гниль проникла в школьные классы, выпуски новостей, кинофильмы и телесериалы, она постепенно так изменила сознание людей, что гордость за страну теперь считалась извращением, патриотизм – глупостью, а самостоятельность в решениях – чем-то вообще немыслимым.

В одночасье переписывалась история, в угоду политическим коррективщикам свергались герои. В нынешней стране свобода слова была для избранных, но не для всех. Как вернуть Америку на правильный курс? Неужто забыто все, за что боролись? К счастью, они с Нормой застали иные времена. Они выросли в чистом веке, когда все хотели работать и становиться лучше. А теперь слова «страна свободных людей» означали совсем иное. Каждое новое поколение было ухудшенной версией предыдущего, и в результате нация превратилась в скопище нытиков, жаждущих халявы. Теперь дети не желали покидать родительский дом. Похоже, все катилось под откос.

Но вот на холме не все разделяли подобный взгляд. Скажем, правнучка миссис Линдквист, недавний новосел «Тихих лугов», была другого мнения о своем поколении.

– В мире происходит столько всего замечательного, – говорила она. –

Каждый день находятся новые средства для решения всяких проблем. Люди стали гораздо терпимее к иным расам и религиям, к другому образу жизни. Теперь жить намного легче, нежели в ваше время, женщинам открыты все пути, а с интернетом весь мир совершенно преобразился. Нет, мне очень повезло жить в это прекрасное время.

Привет, Мэкки!

Стоило Мэкки Уоррену, как говорится, покинуть земную юдоль, как у него над ухом тотчас рявкнул голос Нормы:

- Сюрприз!
- Уф, напугала! Так и помереть недолго!
- О чем ты, глупый? – рассмеялась Норма. – Ты уже умер. Ой, Мэкки, как же я тебе рада! Столько новостей накопилось. Тетя Элнер была права – какое счастье, что ты подарил мне этот участок. Тебе здесь очень понравится, милый.

Чуть погодя Мэкки, оправившись от жениного вопля, начал понимать всю прелесть своего нынешнего положения. Прежде он вечно терзался вопросами: зачем дается жизнь? Какой в ней смысл? К чему он предназначен?

Теперь все стало ясно. Он прожил жизнь и умер – вот так вот просто. Не надо никакой цели. Смысл в том, что он появился на свет. Ему предназначалось стать сыном, потом мужем, потом отцом и так далее. Вопреки всем его грандиозным замыслам и мечтам потрясти мир, он был всего лишь крохотным звеном в жизненной цепи, связывающей одно поколение с другим. Теперь надо выдохнуть и наслаждаться своим новым местопребыванием. Все так и задумывалось. Норма права. Еще никогда он не был так счастлив.

Со временем все члены старой компании – Тотт, Руби, Вербена и Мерл – исчезли. Один за другим. Почему-то казалось, что все они ушли до срока. Кладбищенский народ обеспокоился.

– Слыхал, Джин? Этой ночью мы лишились еще троих, – сказал Дуэйн Младший.

- Черт, это плохо, – ответил Джин Нордстрём.
- Как думаешь, они отправились в ад?
- Да нет, вряд ли. Если что, они бы сразу там очутились.
- Наверное, так. Возможно, их услали в другое измерение или какую-нибудь крутую параллельную вселенную.
- Куда-куда?
- В параллельный мир. По телику не смотрел «Звездный путь», что ли?

– Я погиб в сорок пятом. Тогда не было телевизоров.

– Ох ты, вот невезуха. Слушай, чего-то народ наладился исчезать...

Если завтра меня тут не окажется – знай, я рад нашему знакомству.

– Взаимно, старина, – сказал Джин.

Мэкки Уоррен стал последним новоселом «Тихих лугов». С тех пор здесь больше никого не хоронили, да и могилы почти никто не навещал.

С годами холм стал обычным местом, где бегали трусцой, катались на великах, выгуливали собак, обучали юнцов вождению, освежались пивом, курили травку и обжимались с подружкой.

Однажды утром старик Хендерсен проснулся злой как черт. Накануне какой-то пацан свалил его надгробие и еще четыре других, потому что перепутал скорости и по ошибке сдал задом.

– И ведь не удосужился поправить памятник! – возмущался старик. – Нет, все катится к чертям собачьим! Повсюду сорняки, а еще засилье сусликов, вы заметили? Всю ночь шебуршат, спать не дают – шур-шур, шур-шур, шур-шур!

– Он прав, – сказала Ида мужу. – Просто безобразие, до чего довели кладбище. Не понимаю, куда смотрит «Клуб садоводов». Я бы такого не допустила, уж поверь.

Через три дня Юстус Перси Хендерсен исчез. Как ни странно, по нему скучали.

– Этот старый козел был жуткий ворчун, но он мне нравился, – сказал Джин.

К 2020 году Элмвуд-Спрингс почти зачах. Старый супермаркет закрылся, а новый торговый центр с широкоформатным стереоскопическим кинотеатром возвели за городской чертой, где потихоньку образовался новый жилой район. Знак на въезде в город «Добро пожаловать в Элмвуд-Спрингс», некогда возведенный благотворителями, развалился. От города почти ничего не осталось, кроме кучки старых домов, трейлер-парка и вереницы складов. На Пасху Линда обычно заказывала цветы на родительские могилы, но потом перестала. Ей не верилось, что мать с отцом все еще там. И она была права. К тому времени оба уже исчезли.

Постепенно на «Тихих лугах» никого не осталось. Пустынный холм, разросшиеся сорняки, разбитые надгробия, выглядывающие из густой травы.

По сравнению с вечностью срок кладбищенских обитателей был

недолгим, но счастливым.

Эпилог

2021

Спускалась ночь, понемногу затихал шум машин.

Старая ворона привстала на ветке, встряхнулась, оправляя черные блестящие перья, и нахохлилась, приготовившись ко сну. Через парк поспешали припозднившиеся парочки. Старая ворона мигнула и глубоко вздохнула:

– Мне очень нравилось быть человеком. А тебе?

Сидевшая рядом серая плачущая горлица покачала головой:

– Не скажу, Элнер. Я не была человеком.

– Ну тогда тебе есть к чему стремиться, – сказала старая ворона. – Это очень весело. Хотя и вороной мне тоже нравится. Я знаю, многие терпеть не могут ворон, а я вот от них всегда балдела. По утрам мы с мужем Уиллом сидели на веранде и смотрели, как они кружат в небе. А теперь я сама ворона и балдею от того, что умею летать.

С верхней ветки встряла белка:

– А вот я шестьдесят четыре года была черепахой.

– Ух ты! Ну и как оно?

– Весьма спокойно.

– Вот чудеса, а? Мы продолжаем жить... Кто бы мог подумать?

Из-под скамейки хихикнул клеверок с четырьмя лепестками:

– Уж только не я. Отжил свой срок – и все, считал я, а тут вон сколько всяких превращений.

– Я с тобой согласна, – сказала горлица. – Кто бы ни затеял эту череду жизней, он знал, что делает.

– Уж точно, – поддержала белка. – Но вот интересно, а что после того, как мы перебиваем всеми земными существами?

– Не заморачивайтесь, – сказал клевер (в прошлой жизни учитель биологии в Акроне, Огайо). – На это уйдут триллионы лет... Одних только видов рыб свыше восьми миллионов, не говоря уж о насекомых.

– А я побывала блохой, – доложила проползавшая по стволу гусеница.

Белка надкусила грецкий орех и выплюнула скорлупу:

– Однако есть о чем подумать. Кто его знает? Вдруг однажды все мы очутимся на другой планете, в совершенно иной вселенной, где все

начнется заново.

– Ах, сладкая тайна жизни... – пропела старая ворона.

Улыбавшаяся луна скрылась за облаком, и собеседники отошли ко сну, с нетерпением ожидая нового дня.

Меж тем на окраине Окснарда, Калифорния, Лютер Григз (ныне зеленая травинка в трещине бетонного покрытия 101-й автострады) увлеченно разглядывал проезжавшие грузовики и автофургоны разных марок.

Мистер Эвандер Дж. Чапмэн (ныне улитка в Вудсборо, Мэриленд) характером изменился мало и всегда был обеспечен невинной публикой, поскольку его новые сородичи – одни из самых медлительных существ на свете. Улитки неспешно шествовали по стеблю, а мистер Чапмэн, усевшись на листке, вел рассказ:

– Так вот, сэр, остались мы, значица, вдвоем с Эндрю Джексонном. Таперича он – дерево. И окружили нас злобные индейцы, тыщ, поди, десять их было... Ну стали мы спина к спине и храбро отстреливались, покуда не кончились патроны. И тут, значица, увидал я прогал в чаще да как гаркну: «Бегём!» Ну вот, сэр, рванул я в одну сторону, он в другую... Апосля встренулись, и он грит, Эвандер, грит, ты, дружище, спас мне жизнь! А я, значица, грю...

Да, улитки медлительны, но мало кто знает, что они способны подхватить свою ракушку и удрать. Так некоторые и поступили, недолго послушав мистера Чапмэна.

А где-то в Южной Америке под знойным солнцем порхали две красивые желто-черные бабочки; одну звали Густав, а другую – Люсиль.

Элнер стала вороной, однако сохранила кое-какие воспоминания и маленькие секреты. Умей вороны смеяться (чего им не дано), она бы хохотала. Никто не знал, что именно Элнер влетела в кухню Ральфа и оставила сообщение в его смартфоне. А заодно уж склевала пирог. Она понимала, что это чистой воды воровство, но не могла устоять перед яблочным пирогом Эдны. Вот уж была мастерица!

Вскоре после ареста мошенников подлинное завещание вступило в силу и все имущество, включая ферму, было возвращено Альберту Олсену и племянникам и племянницам Ханны Мари. А стипендиальный фонд миссурийской школы для глухих получил пять миллионов долларов от неизвестного дарителя. Все это случилось благодаря Маленькой мисс Дэвенпорт и старой вороне.

К сожалению, Майкл Винсент не был осужден за убийство Ханны

Мари. Однако уже в тюрьме сокамерник ни с того ни с сего пырнул его вязальной спицей, угодив точнехонько в сердце. Остается загадкой, откуда взялись спицы в мужской тюрьме.

Наверное, Вербена Уилер была права, сказав, что рано или поздно каждый получает по заслугам.

Однако не стоит забывать, что Бёрди Свенсен и Катрина Нордстрём, бабушки Ханны Мари, в свое время были отменными вязальщицами.

НУ ВОТ И КОНЕЦ...

Или еще нет...

Как, по-вашему?

notes

Примечания

Elmwood – вязовый лес, Spring– источник, родник (англ.). – Здесь и далее примеч. ред.

Джонни Яблочное Семечко (1774–1845) стал легендой еще при жизни. Бродяжничая по Дикому Западу с запасом яблочных семян, он повсюду сажал яблони и предлагал всем семена, убеждая, что охотничьего промысла человеку недостаточно.

Кит Карсон (1809–1868) – легендарный американский генерал, много лет прожил среди индейцев, был знаменитым охотником, после Гражданской войны провел успешные мирные переговоры с индейцами.

Йенни (Женни) Линд (1820–1867) – оперная дива, прозванная Шведским Соловьем, произвела в Америке настоящий фурор, когда в течение года путешествовала с концертами по всей стране.

Чарлзу Линдбергу было посвящено немыслимое количество песен, но «Счастливчик Линди» (Абель Байер и Л. Волф Гилберт, 1927) была самой популярной.

Старейшая радиопрограмма кантри-музыки, транслирующаяся с 1925 года и поныне, ее название можно перевести как «Народная опера».

Амелия Эрхарт (1897–1937) – первая женщина-пилот, перелетевшая Атлантику, в 1937 году пропала без вести над Тихим океаном, пытаясь совершить одиночный кругосветный перелет.

«Для меня ты красива» – знаменитая песня Шоломона Секунды из мюзикла на идише «Можно было бы жить, да не дают» (1932). В 1937 песню записало малоизвестное трио сестер Эндрюс, и это стало началом их популярности.

Джон Филип Суза (1854–1932) – американский композитор, «король маршей», автор марша, который стал гимном США.

Бетси Росс (1752–1836) – швея из Филадельфии; по легенде, она первой сшила американский флаг.

Тэмми Уайнетт (1942–1998) – кантри-певица родом из штата Миссисипи, «Первая леди кантри».

Удивительная история старушки Элнер рассказана в романе Фэнни Флэгг «Рай где-то рядом».

Женская поп-кантри группа.